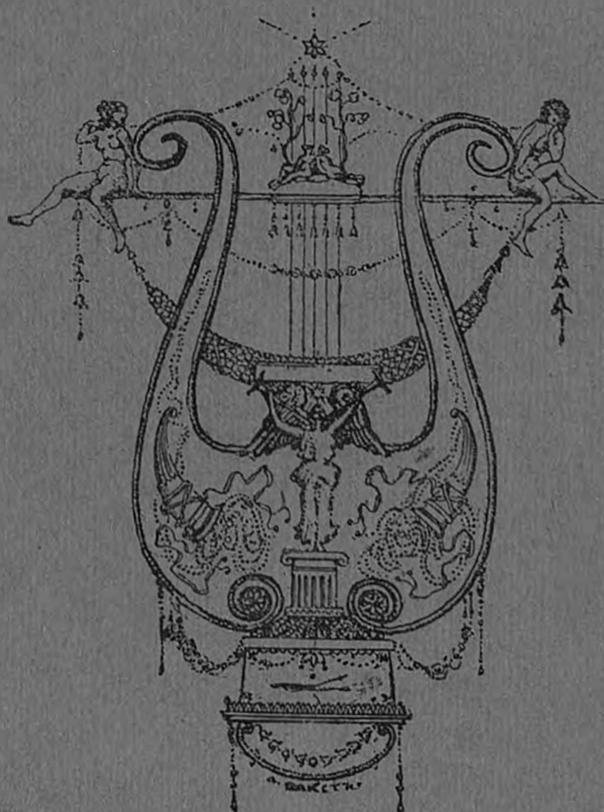

III. 3. 1777.

ЕЖЕГОДНИКЪ

ИМПЕРАТОРСКИХЪ ТЕАТРОВЪ

СЕЗОНЪ 1902—1903

ПРИЛОЖЕНІЕ 2е

ПРИЛОЖЕНИЕ 2е

ПІІІ

ЕЖЕГОДНИКЪ
ИМПЕРАТОРСКИХЪ ТЕАТРОВЪ

Вторая книга приложений.

Сезонъ 1902—1903 г.

Изданіе Дирекціи Императорскихъ Театровъ.

Редакція Л. А. Гельмерсена.

Печатано по распоряженію Министра Императорскаго Двора.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Измѣна. (Изъ грузинскихъ преданій). Трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ <i>Князя А. Сумбатова.</i>	1
Михаилъ Семеновичъ Щепкинъ на Московской сценѣ. Матеріалъ для его біографіи. (По поводу сорокалѣтій его смерти)	79

ИЗМЪНА.

(Изъ грузинскихъ преданій).

Трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ, Князя А. Сумбатова.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Солейманъ ханъ—предводитель арабской гвардіи шаха, его наместникъ въ Грузіи.

Зейнабъ, лѣтъ 40, его главная жена, вдова Теймураза, послѣдняго царя Грузіи до ея завоеванія Солейманомъ.

Рукайя, лѣтъ 25, его рабыня.

Иссахаръ, нянька Зейнабъ, жена Ананія Глахи.

Отаръ-бегъ, правитель Карталиши, провинціи Грузіи, ренегатъ изъ грузинъ, лѣтъ 50.

Гаяна, его дочь, лѣтъ 18.

Ананія Глаха, крестьянинъ, лѣтъ 70.

Зрекле, его пріемышъ, лѣтъ 22.

Дато, его сынъ, лѣтъ 25.

Сабба, странникъ, лѣтъ 50.

Кара-Юсуфъ, правитель Тифлиса.

Аль Разакъ, абиссинецъ, главный свнухъ Солеймана.

Бессо, слуга Отаръ-бега, лѣтъ 45.

Майко, няня Гаяне.

Ибнъ-Саадъ, начальникъ стражи, арабъ.

Гига, грузинскій воинъ.

Орбеліанъ, }
Сембатъ, } вожди грузинскихъ ополченій.

Стража Солеймана. Грузинскіе воины. Рабыни Солеймана. Крестьяне. Слуги Отаръ-бега.

1-е дѣйствіе—дворецъ Солейманъ-Хана въ Тифлисъ. 2-е и 3-е дѣйствія—садъ Отаръ-бега близъ Гори. 4-е дѣйствіе—ущелье близъ Тифлиса. 5-е дѣйствіе—дворецъ Солеймана въ Тифлисъ.

Все дѣйствіе происходитъ около XVI в. въ Грузіи, въ эпоху одного изъ завоеваній ея персами.

Между 1 и 2 дѣйствіями проходитъ пять дней. 2 и 3 происходятъ въ одинъ сутки. Между 3 и 4—пять дней. 4 и 5—въ одну ночь.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Терраса во дворцѣ Солейманъ-Хана въ крепости, въ Тифлисъ, надъ берегомъ Куры. Задняя занавѣсъ изображаетъ зарѣчную часть города: Метехскій утесъ, на немъ замокъ и церковь. Отъ рѣки террасу отдѣляетъ рядъ мраморныхъ цвѣтвыхъ витыхъ колоннъ, соединенныхъ арками, украшенныхъ арабскими письменами и восточной разноцвѣтной мозаикой. Всюду розы и вьющіеся растенія. Справа и слева отъ зрителя—стѣны въ золотыхъ и эмалевыхъ арабескахъ. Въ стѣнахъ инкрустированныя двери. Посреди сцены—четыреугольный бассейнъ, наполняющійся ароматной водой изъ четырехъ

львиных пастей по угламъ. Львѣ его—широкій тронъ изъ ковровъ и подушекъ. Ранняя весна. Яркій закатъ, переходящій довольно быстро въ яркую гунную ночь. Солейманъ-Ханъ, худощавый высокій старикъ, смуглый, съ черной бородой съ серебряными нитями, въ длинномъ царскомъ одѣяніи, въ высокомъ бѣломъ тюрбанѣ, украшенномъ брилліантовымъ перомъ, съ золотой саблей, лежащей на его кобеляхъ, увѣшанной амулетами, испещренной надписями изъ Аль-Корана, возсѣдаетъ на широкомъ сѣдалищѣ изъ ковровъ и подушекъ у фонтана. Сзади его трона стоятъ тѣлохранители въ полномъ вооруженіи и тюрбанахъ. По бокамъ его трона слева—евнухъ Аль Разакъ, толстый абиссинецъ съ ожирѣвшимъ лицомъ и маленькими бѣгающими глазами. Справа — Кара-Юсуфъ, съ рѣдкой бородкой, сухощавый, небольшого роста. Передъ Солейманомъ—Отаръ-бегъ — эриставъ Горійскій, высокій, полный, могучаго сложенія, въ персидской одеждѣ, въ однихъ сѣдыхъ усахъ, нависшихъ на грудь. Густыя брови, лицо мужественное, но открытое и порою вселое, пересѣченно со лба до половины щеки глубокимъ шрамомъ. На немъ нѣтъ оружія. Слышеть глухой рокотъ Куры. Разакъ, Юсуфъ и Отаръ-бегъ стоятъ, понуривъ головы, глядя въ землю, закрывъ полами платья руки. Солейманъ съ грознымъ, но усталымъ и мертвенно-желтымъ лицомъ неподвижно глядитъ вверхъ, перебирая бирюзовыя четки. Долгое молчаніе. Придворные еле дышать.

1.

Солейманъ ханъ. Великъ Аллахъ!

Трое придворныхъ (*преклоняясь*). Великъ Аллахъ! (*молчаніе*).

Солейманъ ханъ. Падишахъ шлетъ упреки мнѣ, повелителю Гюджистана. Пока издали глухо грохочетъ громъ его гнѣва. Мы всѣ прахъ его ногъ.

Трое придворныхъ. Да покроетъ его тѣнь весь міръ!

Солейманъ ханъ. Лукавый царь Имеретинскій, подъ угрозами проклятаго суннита, паши Ахалцихскаго, шлетъ въ Карталинію тайные подсылы и вливаетъ свѣжестъ и прохладу въ нечистыхъ собакъ христіанъ.

Отаръ-бегъ. Да будетъ кровь ихъ утолять жажду лисицъ и шакаловъ.

Солейманъ ханъ. Прозорливъ глазъ мой и чутко мое ухо. (*переводитъ глаза на Отаръ-бега*). Эриставъ Горійскій! Ты мой оплотъ въ Карталиніи. Слова твои нѣжатъ уши, но сердце твое таитъ измѣну.

Отаръ-бегъ. Да буду я жертвой твоей правды, повелитель. Твой гнѣвъ для меня—ударъ грома среди яснаго дня. Мое сердце чисто передъ твоимъ судомъ.

Солейманъ ханъ. Когда ты отрекся отъ мрака и принялъ свѣтъ Ислама, я забылъ твою дерзкую борьбу съ моимъ непобѣдимымъ войскомъ, я приблизилъ тебя и вручилъ тебѣ, рабу, мою власть въ Карталиніи.

Отаръ-бегъ. Мечъ Пророка! Я за твои милости истребилъ тѣ же храмы, въ которыхъ я когда-то молился. Надъ гробами отцовъ моихъ и обрушилъ своды, и волки воютъ надъ ихъ могилами! Даваль-ли я пощаду

моимъ близкимъ и дальнимъ? Не ты ли звалъ меня огнемъ и мечемъ своимъ? Не отъ моей ли руки нечистая христіанская кровь вотъ уже восемнадцать лѣтъ окрашиваетъ воды Куры и Арагвы, и въ этой крови развѣ не текла кровь моихъ братьевъ, родныхъ и друзей? Я не оставилъ камня на камнѣ въ двадцати трехъ церквахъ, сравнялъ съ землей одиннадцать монастырей и на деревянныхъ крестахъ пустилъ въ Каспію плыть по рѣкѣ оскверненныя тѣла поповъ и монаховъ. Во славу Ирана! Я, грузинъ по рожденію, растопталъ Грузію, какъ топчетъ сынъ развратную мать, я бросилъ ее къ ногамъ твоимъ связанную и покорную. И если этого мало, если это не угодно памяти твоей, я—твоя жертва. Казни меня, могучій царь! *(Склоняется къ его ногамъ)*.

Солейманъ ханъ *(слушалъ все съ неподвижно устремленными вверхъ глазами)*. Эриванскій вѣрнѣ тебя: онъ зарылъ живыми въ землю по горло двѣнадцать проклятыхъ эриванцевъ и оставилъ ихъ на съѣденіе мухамъ и мошкамъ на семь знойныхъ дней. Ихъ заячьи сердца не вынесли мукъ: они выдали замыслы Эриванскаго сердаря. Онъ губитъ меня въ Исфагани. Онъ шлетъ дары падишаху и каждый даръ сопровождаетъ клеветой на меня. Гдѣ же мои оправданія?

Отаръ-бегъ *(поднимался)*. Въ силѣ меча твоего, великій царь!

Солейманъ ханъ *(задумчиво)*. Не одинъ мечъ сила владыкъ. Левъ крадется долго, но когда онъ прыгнетъ на добычу—прыжокъ долженъ нести вѣрную смерть. Усыплай врага—и потомъ разрывай его.

Кара-Юсуфъ. Мудрость древняго царя Солеймана—пыль передъ мудростью нашего повелителя.

Солейманъ ханъ. Эриванскій сердаръ шлетъ къ подножію престола золото и серебро, карабахскихъ коней и караваны рису, плодовъ и пшеницы, крѣпкихъ рабовъ и красавицъ рабынь. Онъ ползаетъ у ногъ падишаха и щелкаетъ зубами на мой Гюрджистанъ. А гдѣ была трусливая собака, когда я, двадцать лѣтъ назадъ, истребилъ, какъ моровая язва, мужей Грузіи съ ихъ женами и дѣтьми? Развѣ онъ сдѣлалъ рабами Ирана князей Кахетіи и Карталиніи, а дворянъ и народъ—кормомъ своихъ охотничьихъ собакъ? Не я-ли затмилъ солнце Гюрджистана и не эта-ли рука вырвала трепещущее сердце изъ груди его послѣдняго царя? *(Дверь въ домъ тихо отворяется на терассу. За дверью стоитъ Зейнабъ въ богатомъ восточномъ нарядѣ)*.

Кара Юсуфъ. Кто устоитъ противъ могучаго?

Аль Разакъ. Ты серпъ Аллаха!

Отаръ-бегъ. Да ослѣпнуть враги твои!

Солейманъ ханъ (*опустивъ голову*). И вотъ, слава челѣческая!
И сижу здѣсь на моемъ престолѣ, а враги уже забыли мою силу и кольцо обвили меня.

} *Погни всѣ
вльспѣ.*

Отаръ-бегъ. Испытай мою вѣрность, великій царь. Я вооружу всю Карталиню, подступлю къ Кутаису и Ахалциху, Имеретинскаго царя и Ахалцихскаго пашу я свяжу одной веревкой, перекину ихъ, какъ переметную суму, черезъ ослиное сѣдло, привезу ихъ и брошу у твоего порога. Вели мнѣ только — я ударю на Эривань, я въ мѣшкѣ изъ козьеи шкуры пришлю тебѣ голову сердаря.

Солейманъ ханъ (*проницательно глядя на него*). Наступитъ время, я спущу тебя со своры. Пока еще рано. По повелѣнію падишаха слетитъ голова сердаря, Кара Юсуфъ!

Кара Юсуфъ (*преклоняясь*). Повелѣвай, могучій!

Солейманъ ханъ. Изготовь рабское письмо къ падишаху. Ты повезешь его самъ вмѣстѣ съ дарами. Отаръ-бегъ! Сегодня до полуночи ты выѣдешь въ Карталиню. Черезъ одиннадцать дней ты приплешь сюда вьюкъ чистаго золота, три вьюка серебра и двѣнадцать коней, и чтобы первый конь былъ бѣлъ, какъ снѣгъ, а послѣдній черенъ, какъ ночь, и чтобы у каждаго отъ перваго до послѣдняго сѣтъ жилъ была видна сквозь кожу.

Отаръ-бегъ (*преклоняясь*). Будетъ все на девятый день.

Солейманъ ханъ. Отбери красивѣйшихъ дѣвушекъ въ даръ отъ меня падишаху. Я самъ буду судить ихъ и лучше тебѣ не родиться, если... Постой! Я слышалъ, у тебя есть дочь?

Отаръ-бегъ (*подавивъ волненіе, шутливо*). Больше сорока дочерей, повелитель, милостью пророка, избавившаго насъ отъ одной жены, да будетъ благословенно имя его. Лучшихъ я представлю свѣтлому твоему оку.

2.

Зейнабъ (*отворивъ двери и опустивъ покрывало*). Отаръ-бегъ, не забудь прислать и Гаяна.

Отаръ-бегъ (*вздвигнувъ онступаетъ и, чтобы скрыть смущеніе, низко кланяется*). Зейнабъ идетъ къ сѣдалищу Солейманъ хана, опускается,

цѣлуеиъ его колѣни, затѣмъ встаеиъ и садитя съ нимъ рядомъ. Старуха Иссахаръ выходитя изъ той же двери и останаавливаетя въ глубинѣ у колонны. Кара Юсуфъ и Аль Разакъ преклоняютя передъ Зейнабъ).

Солейманъ ханъ. Про кого ты говоришь, Зейнабъ?

Зейнабъ. Солнце Грузіи! давно минуло проклятое время, когда глаза мои еще не знали тебя и мое сердце не было подъ ногами твоими. Ты теперь и родина моя, и вѣра моя, и господинъ мой. Но когда я еще не была твоей— да будетъ проклята самая память объ этихъ черныхъ дняхъ,— когда я была еще женой подлаго труса, бывшаго недостойнаго царя Гюрджистана, убитаго твоей рукой— я знала хорошо мой хитрый народъ. О, недаромъ я всѣ эти годы молила тебя— не жалѣй ихъ крови, топчи и дави ихъ. Только страхъ исправляетъ ихъ лживыя сердца.

Солейманъ ханъ (*ерозно*). Отаръ-бегъ, что значать рѣчи царицы?

Отаръ-бегъ (*потерянный*). Я не знаю повелитель. Царица гнѣвается не на меня, раба своего.

Зейнабъ (*презрительно*). Гнѣва стоитъ левъ, а не лисица. Господинъ мой, онъ еще не успѣлъ солгать тебѣ и никто не успѣеть, пока и жива. Вблизи и вдали я знаю, что тебѣ готовятъ. Я не дамъ никому обмануть тебя, и вся твоя стража не убережетъ тебя такъ, какъ бережетъ моя любовь. Отаръ-бегъ! гдѣ твоя дочь отъ твоего перваго брака съ дочерью батона Мухранскаго, отъ той, по чьимъ наущеніямъ ты долго боролся съ нашимъ непобѣдимымъ мечемъ въ Ахалкалакскихъ горахъ? Отъ Маріи? (*Смотришь на него оспрыми напряженными взглядами*). Отъ твоей христіанской жены Маріи? Она погибла отъ руки повелителя, защищая твой замокъ, пока ты волочился за Имеретинской царевной въ Кутаисъ и выпрашивалъ помощь ея вора-отца противъ непобѣдимаго Солеймана? Гдѣ эта дочь твоя? Гаяна? Скажи, что она умерла?

Отаръ-бегъ (*судорожно хватаясь за полы своего платья, блѣдный, съ расширенными глазами молчитъ*).

Зейнабъ (*не сводя съ него глазъ*). Блѣднѣй, блѣднѣй, подлая лисица! Она жива, солнце Грузіи. Онъ скрылъ дочь въ неприступныхъ лѣсахъ близъ Ахалциха. Она расцвѣла, какъ горная лилія, и онъ любитя ею, навѣщая ее тайкомъ. Обширенъ гаремъ отступника,— о, еслибъ онъ не любилъ женской красоты, онъ не такъ легко попрадъ ногами все, во что вѣри. лъ—новъ этомъ гаремѣ нѣтъ Гаяна, и нѣтъ ни одной дѣвушки равной ей красотой.—Отаръ-бегъ, оставь себѣ всѣхъ своихъ дочерей, а царю до-

ставь только ее. *(Съ насильшккой смотритъ на Отаръ-бега. Онъ стоитъ блѣдный. Кара Юсуфъ и Аль Разакъ не спускаютъ съ него хищнаго взгляда. Солейманъ ханъ, зловъще сощуривъ глаза, наполняется всей позой тигра, готоваго прыгнуть. Долгое молчаніе, каждый живетъ своимъ чувствомъ).*

Солейманъ ханъ. Отаръ-бегъ! Что скажешь?

Отаръ-бегъ *(овладѣвъ собой, простовато и добродушно).* Если только въ этомъ мое преступленіе, то я въ немъ не виновенъ. Гаянэ я растилъ для тебя и хотѣлъ повергнуть къ стопамъ твоимъ, какъ лучшій даръ твоего раба.

Зейнабъ *(вздрыгнувъ, изумленная, невольно).* Какъ? Ты... *(овладѣвъ собой).* Давно бы такъ.

Солейманъ ханъ. Сколько ей лѣтъ?

Отаръ-бегъ. Шестнадцать.

Зейнабъ. Восемнадцать.

Отаръ-бегъ *(смутившись).* Можетъ быть, повелительница. Я и своихъ лѣтъ не знаю, гдѣ же мнѣ помнить года дѣвченки. Но она еще такъ молода съ виду, что я боялся твоего гнѣва, могучій царь, за недостойный тебя даръ.

Солейманъ ханъ *(кагал головой).* Ты хитеръ, карталинецъ!

Отаръ-бегъ. Великій прозорливецъ, что моя хитрость передъ твоей мудростью? Правда, первые годы я боролся съ тобой — тьма застилала глаза мои, но не я ли первый изъ владѣтелей и князей Гюрджистана пришелъ къ твоему высокому порогу и положилъ на плаху свою непокрытую голову? Кто привелъ съ собой и батона Мухранскаго, и владѣтеля Цицу, и непокорнаго Сембата и многихъ владѣтелей горныхъ твердынь? Три дня безъ пищи мы лежали у порога твоего и покорно ждали смерти. Ты помиловалъ насъ, и я по волѣ твоей принялъ побѣдный Исламъ. Съ тѣхъ поръ прошло почти двадцать лѣтъ. Вспомни, мечъ Аллаха, кто вѣрнѣе меня служилъ тебѣ? Батонъ Мухранскій бѣжалъ въ Имеретію, умеръ Цица, а лукавый Сембатъ соединился съ невѣрнымъ Орбеліаномъ и блуждаетъ въ горахъ Яглуджинскихъ, налетая на вѣрныхъ слугъ твоихъ, какъ барсъ на ягнятъ. Къ нимъ бѣгутъ христіане, для вида и изъ страха передъ моею яростью принявшіе Исламъ. У нихъ нашли себѣ пріютъ христіанскіе попы и монахи, избѣгшіе рукъ моихъ. Такъ неужели я сталъ бы лукавить передъ тобой изъ-за дочери, когда я свою душу и мечъ, и силу сложилъ къ твоимъ побѣднымъ стопамъ?

Зейнабъ. Рабъ высчитываетъ заслуги повелителю? Что ты такое, пыль царскихъ ногъ? Что твоя сила передъ нашими арабскими воинами и нашими кизильбашами? Или ты все еще думаешь, что ты служишь своему грузинскому отродью, кого вы, князья, заставляли дрожать передъ вашей строптивостью и держали на престолѣ только потому, что Амилахваръ боялся, чтобы не возсѣлъ на его мѣсто Орбеліанъ, Орбеліанъ боялся Сембата, Сембатъ—Цицы? Вы своими хищными зубами, какъ волки, тянули въ разныя стороны коверъ царскаго стола, а на немъ, какъ кувла, сидѣлъ вашъ царекъ. Царь Солейманъ смялъ васъ всѣхъ однимъ дуновеніемъ, отъ свиста его меча полетѣли ваши головы, какъ головы глупыхъ барановъ. И пусть берегутъ свои головы тѣ, кто еще уберегъ ихъ! Милостивъ царь Солейманъ! Если бы онъ слушалъ меня, давно бы князья и азнауры пахали землю подъ бичемъ арабскихъ надсмотрщиковъ. А ты, за гаремъ продавшій свою совѣсть, молилъ только о томъ, чтобы позволили тебѣ пить вино. Ты не зналъ, что предпочесть — гаремъ вину, или вино гарему. И какъ жадная собака вымолилъ себѣ и то и другое. Чѣмъ же ты хвалишься? Тѣмъ, что ты, пьяный и развратный, изъ страха лишиться почета и жизни ползаешь у ногъ непобѣдимаго? Хорошъ стражъ Ислама, упившійся виномъ.

Отаръ-бегъ (*стараясь шутить*). Старъ я сталъ, повелительница. Вино горячитъ мою голову и даетъ силу рукъ во славу Ислама. У меня такая мѣра—сколько выпью, вдвое больше пролить невѣрной крови. Можетъ быть она перетянетъ въ мою сторону на вѣсахъ пророка, миръ съ нимъ и благословеніе.

Солейманъ ханъ. Ты смѣешься, Отаръ-бегъ?

Отаръ-бегъ. Смѣюсь, повелитель. Это собаки да злодѣи не смѣются, а человѣкъ съ чистымъ сердцемъ всегда улыбкой веселитъ сердце своего повелителя. Да и что мнѣ грустить? Судьба наша написана на небесахъ, измѣнить ее нельзя. Если суждено мнѣ погибнуть жертвой гнѣва твоего или царицы моей—я умру съ той же улыбкой, такъ какъ совѣсть моя чиста передъ тобой. (*Отважно смотритъ имъ въ глаза. Молчаніе*).

Солейманъ ханъ (*вставая*). Исполни мои повелѣнія (*сверкнувъ глазами*). И безъ лукавыхъ путей!.. Кара Юсуфъ! Сегодня опять до меня донесся звонъ колоколовъ—мнѣ онъ надоѣлъ. Ступай и скажи отъ меня Католикосу Грузіи—я отмѣняю мое разрѣшеніе звонить въ Сіонъ и въ Анчисхатъ, и по всему Тифлису. Пусть молятся безъ звону. И это имъ хорошо.

К а р а Ю с у ф њ. Онъ сошлется на договоръ, повелитель. Завтра ихъ Пасха.

С о л е й м а н њ х а н њ. Пророкъ сказалъ: Исламъ развязываетъ всѣ договоры и измѣняетъ сердца. Скажи ему, что если до меня еще разъ донесется этотъ звонъ, я велю перелить ихъ колокола въ пушки, а церкви превращу въ конюшни, какъ превратилъ Метехскій храмъ въ пороховой складъ. (*Кара Юсуфъ кланяется въ землю и уходитъ*).

О т а р ь - б е г њ. А зачѣмъ откладывать, великій царь? Позволь мнѣ съ моими чапарами немедля собрать тебѣ всѣ колокола Тифлиса въ крѣпость.

З е й н а б њ. Не заботься о колоколахъ Тифлиса, Отаръ-бегъ. Мы съ ними справимся и безъ тебя. Или они еще беспокоятъ твои уши и будятъ въ тебѣ то, что ты хочешь забыть?

О т а р ь - б е г њ (*опять поблѣднѣлъ и потрясъ головой*). Нѣтъ, государыня. То, что забыто, умерло и разбудить этого не могли даже стоны и мольбы, а не то что звонъ мѣдныхъ котловъ.

С о л е й м а н њ х а н њ. Иди за мной, Аль Разакъ. (*уходитъ, Аль Разакъ и стража за нимъ*).

3.

З е й н а б њ (*Отаръ-бегу*). Постой, Отаръ-бегъ. Или ты спѣшишь на пиръ къ Орбеліану? Онъ, говорятъ, со своей шайкой бродитъ недалеко.

О т а р ь - б е г њ. Я и думать не хочу объ измѣнникахъ, царица.

З е й н а б њ. Однако ты думаешь о себѣ.

О т а р ь - б е г њ. Я не измѣнникъ. Чѣмъ мнѣ увѣрить тебя въ моей вѣрности?

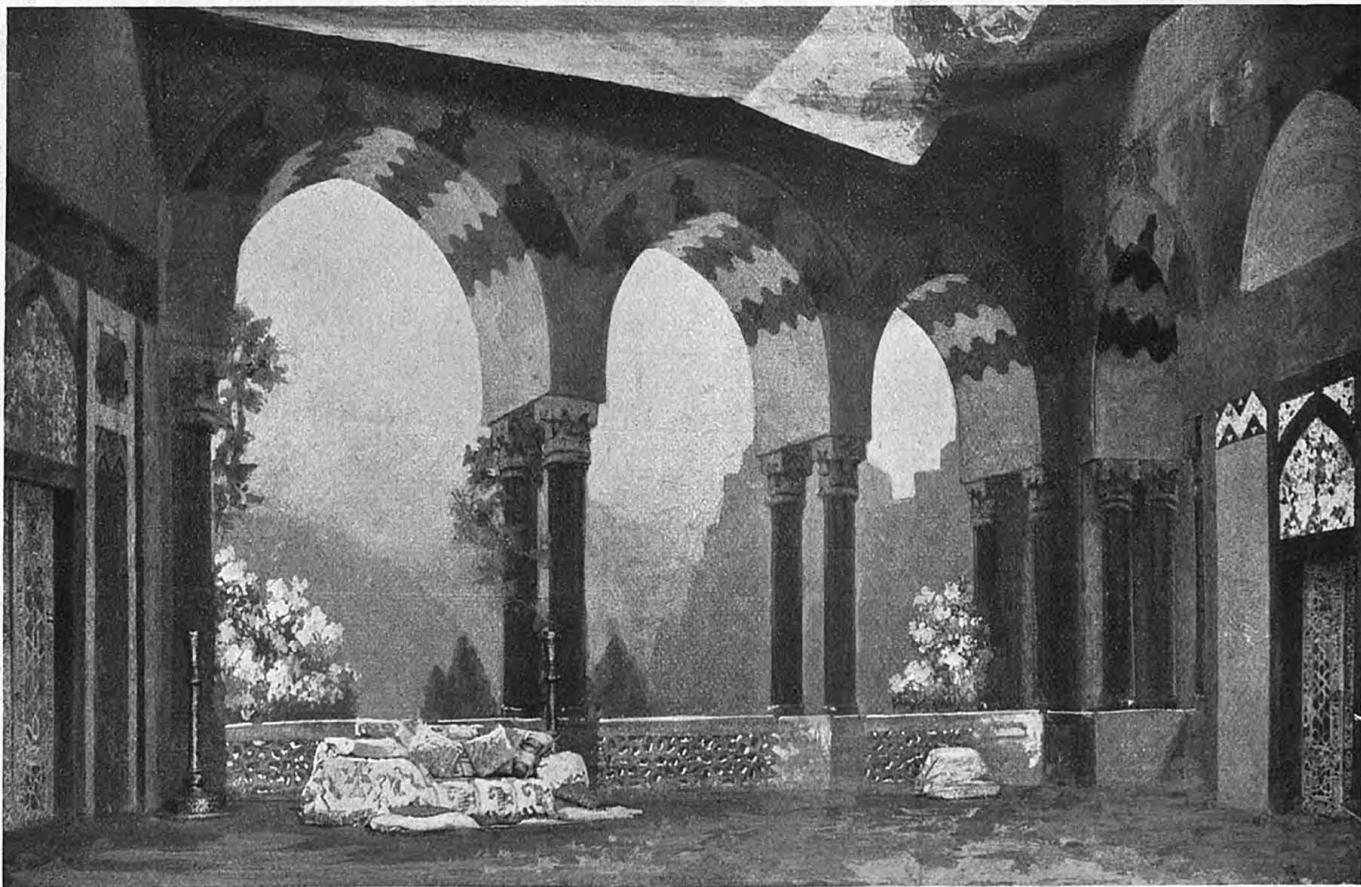
З е й н а б њ. Кому?

О т а р ь - б е г њ. Своему повелителю и тебѣ.

З е й н а б њ. Даже обоимъ?!

О т а р ь - б е г њ (*не понимая*). Царь и царица моя—для меня нераздѣльны. (*Внезапно*). Я оттого и медлилъ привезти Гаянэ къ царю Солейману, что хотѣлъ тебѣ блага, царица. Мы, старые люди, падки на молодую красоту. Но ты сама захотѣла указать на нее, такъ не вини меня.

З е й н а б њ. Ты заботился обо мнѣ? Благодарю тебя, мой старый слуга. А я думала, остатокъ княжеской чести говорить въ тебѣ. Вѣдь Гаянэ твоя единственная дочь?

«Измѣна», драма кн. А. И. Сумбатова.

І актъ. Дворецъ Сoleyмана. Декорація К. А. Коровина.

Отаръ-бегъ. Нѣтъ, царица...

Зейнабъ. Знаю. Про этихъ я не говорю. А отъ Маріи, отъ дочери батона Мухранскаго? Единственная?

Отаръ-бегъ (*дрогнувши.мъ голосо.мъ*). Единственная.

Зейнабъ. Расскажи про нее. Она высока и стройна?

Отаръ-бегъ. Стройна и... высока.

Зейнабъ. Я помню ея глаза.

Отаръ-бегъ. О, глаза ея!.. Нѣтъ, глаза нехороши, царица.

Зейнабъ. Лжешь. (*Отаръ-бегъ потупляется*). У матери ея были такіе глаза, какихъ ты уже не найдешь во всемъ своемъ гаремѣ.

Отаръ-бегъ. Отецъ не судья красотѣ дочери, царица. Нравъ у нея отважный и... (*съ трудомъ*) гордый. Любитъ охоту и скачетъ за звѣремъ на необъяженпомъ конѣ, быстрѣе вѣтра. Я боюсь, понравится-ли такой нравъ царю—царей. (*Съ мольбой смотритъ на Зейнабъ*).

Зейнабъ (*не сводя съ него глазъ*). Царь-царей смирить ея нравъ. Я помню, какъ сквозь сонъ, лѣтъ двадцать тому назадъ, бывший царь и мужъ мой, Теймуразъ, показывалъ тебѣ своего ребенка сына и говорилъ: Отаръ, роди мнѣ для него невѣсту. Пожалуй, ты бы предпочелъ отдать ее теперь за наслѣдника небольшой Грузіи, чѣмъ въ гаремъ повелителя міра?

Отаръ-бегъ (*съ затуманившимися лицомъ, глазами моля ея пощады*). Мы всѣ рабы Аллаха и его тѣни на землѣ.

Зейнабъ. Воистину, отвѣтъ свободнаго грузина.

Отаръ-бегъ. Ты испытываешь меня, царица. Но если тебѣ дорога память твоего убитаго сына...

Зейнабъ (*холодно*). Чѣмъ же ты лучше меня? За что мой сынъ спитъ въ могилѣ вмѣсто того, чтобы царить въ Грузіи, а твоя дочь носится на волѣ и дышетъ роднымъ воздухомъ? Я скоро забыла сына и ты скоро забудешь свою дочь. И тебѣ легче забыть. У тебя полонъ домъ женъ, наложницъ и рабынь, и вино, и веселье, и почетъ. И ты будешь отцомъ наложницы падишаха — какой еще чести для правовѣрнаго грузина? А если она сумѣетъ угодить и разогрѣтъ остывшую кровь падишаха, то кто посмѣетъ тронуть тебѣ? Ты неблагодаренъ судьбѣ и мнѣ, Отаръ-бегъ! Вези скорѣе сюда свою дочь. Ты помогъ намъ положить христіанскій народъ къ ногамъ падишаха, мы наградимъ тебя—мы положимъ къ его ногамъ твою любимую дочь. А сынъ мой—въ могилѣ и я забыла его. Сколько воиновъ у тебя въ Гори?

Отарь-бегъ. Пять тысячъ всадниковъ.

Зейнабъ. Среди нихъ много грузинъ?

Отарь-бегъ. Простые всадники почти всѣ. Арабы и персы—начальствуютъ отрядами.

Зейнабъ. Ты отвѣчаешь за ихъ вѣрность?

Отарь-бегъ. Головой, царица. Имъ некуда больше идти.

Зейнабъ. А въ Имеретію?

Отарь-бегъ. Тамъ царить Ахалцихскій паша. Чѣмъ турки лучше персовъ?.. *(Ополнившись)*. То есть для грузинъ, для рабовъ христіанъ... да будутъ они повержены подъ ноги падишаха вмѣстѣ съ проклятыми суннитами.

Зейнабъ *(подавивъ удовольствіе)*. Плохо ты притворяешься, храбрый Отарь-бегъ. Но льстишь хорошо. Только это тебя и спасаетъ. Иди съ миромъ, Отарь-бегъ, я не забуду о тебѣ! Пей, ласкай своихъ женъ и служи намъ, какъ вѣрный песъ. Чего еще тебѣ желать, Отарь-бегъ?

Отарь-бегъ. Да продлятся твои дни, государыня. *(Уходитъ, опустивъ голову)*.

4.

Зейнабъ *(Иссахаръ)*. Иссахаръ! И это неустрашимый Отарь! Это правая рука царя Теймураза! Левъ Грузіи!

Иссахаръ *(голосъ ея глухъ и сдавленъ. Взглядъ глубокъ и сосредоточенъ)*. Пока боевой конь навьюченъ, какъ верблюдъ, онъ не можетъ скакать. Сбрось съ него эти тюки позора, и онъ заиграетъ подъ тобой.

Зейнабъ. Онъ самъ безъ сопротивленія отдаетъ дочь! Онъ самъ предлагаетъ сорвать колокола съ древнихъ церквей, гдѣ его крестили, вѣнчали! Я оскорбляла его—онъ лизалъ землю у моихъ ногъ, какъ трусливая борзая собака подъ арапникомъ, и визжалъ и вилялъ хвостомъ, и извивался. И это Отарь! Какой онъ сподвижникъ *ему*? Какая онъ опора... Онъ продастъ, Иссахаръ, онъ продастъ!..

Иссахаръ *(катая головой)*. Нѣтъ. Если пойдетъ—не продастъ.

Зейнабъ. Все умерло въ немъ, кромѣ пьянства, разврата и жажды почета. Рабство его отучило любить. Неужели вся Грузія стала такая?

Иссахаръ. Ты слышала, царица, Солейманъ повелѣлъ строить мечеть въ Сейдабадѣ. Народъ хлынулъ, перебилъ каменщиковъ и заготовленный камень побросалъ въ рѣку. Персы не подоспѣли изъ крѣпости, какъ

все было кончено, и народъ разсѣлся. Теперь проклятые рыщутъ по городу—хватаютъ и правыхъ и виноватыхъ на расправу къ Кара-Юсуфу. Богатые откупаются отъ жаднаго пса, бѣдныхъ казнятъ, если они не мѣняють вѣры.

Зейнабъ (*съ горящими глазами*). Кто эти люди?

Иссахаръ. Крестьяне окрестные, пастухи, армянскіе ремесленники, садовники, цеховые,—кто ихъ знаетъ? Народъ!

Зейнабъ (*съ тоской*). Иссахаръ, я не могу больше медлить. Дай знать Ананіи—пусть онъ приведетъ его къ Отару въ Гори. Я должна видѣть его, надежду мою, кровь моего сердца! Божьяго война! Спасенье Грузіи!

Иссахаръ. Пора! Пора!

Зейнабъ. Двадцать лѣтъ. Двадцать лѣтъ, Иссахаръ. Какъ онъ бился, и плакалъ, и не хотѣлъ итти къ Ананіи въ ту проклятую ночь. Я оторвала его отъ груди,—и двадцать лѣтъ не смѣла взглянуть на него... О, если бы этотъ звѣрь узналъ про него.. Пора! Пора, Иссахаръ! Дай знать Ананіи, пусть онъ ведетъ дѣтей нашихъ къ Отару. Я буду тамъ. И если въ могучемъ Отарѣ не умерло все, онъ упадетъ къ ногамъ его, въ немъ проснется вѣрный боецъ за Бога, за родину, за молодого царя.

Иссахаръ. Тише! чѣмъ ближе гроза, тѣмъ тишина глубже. Чѣмъ ближе часъ, тѣмъ меньше словъ. (*Поднимаетъ голову*). Луна свѣтитъ ярко, а изъ-за Метеха заходитъ туча. И вѣтеръ упалъ. Слышишь, какая тишина. Ночью будетъ гроза.

Зейнабъ. Скорѣ бы эта ночь. Грозная, страшная ночь, вся въ молніяхъ Божьяго гнѣва. (*Отворяется дверь, Солейманъ ханъ показывается въ дверяхъ. Иссахаръ опять уходитъ въ глубь. Зейнабъ стоитъ, озаренная луной*).

5.

Солейманъ ханъ. Это ты, Зейнабъ?

Зейнабъ. Я, повелитель мой.

Солейманъ ханъ. Воздухъ тяжелъ, какъ свинецъ. Ушелъ Отаръ-бегъ?

Зейнабъ. Ушелъ, повелитель.

Солейманъ ханъ (*опускается на тахту. Зейнабъ стоитъ передъ нимъ. Въ глубитъ Иссахаръ*). Зейнабъ, я пересталъ ему вѣрить. Я прика-

заль Аль Разаку приготовить тебѣ коней и свиту. Ты выйдешь слѣдомъ за нимъ, Зейнабъ. Гляди сотней глазъ, слушай сотней ушей. Узнай все. (*Задумывается*).

Зейнабъ (*у ногъ Солеймана*). Я узнаю, царь мой. Миѣ не узнать? Развѣ сердце мое не скажетъ миѣ прежде, чѣмъ уши услышатъ и увидятъ глаза?

Солейманъ ханъ. Ночью вокругъ моего ложа вѣютъ какіе-то звуки. Звѣзды тускнѣютъ, когда я гляжу на нихъ.

Зейнабъ (*напряженно слушаетъ*). Звѣзды тускнѣютъ? А для меня онѣ горятъ все ярче и свѣтлѣе. Я ношу въ себѣ твою душу—я не боюсь за тебя.

Солейманъ ханъ. Поѣзжай за Отаръ-бегомъ. И при первомъ слухѣ о томъ, что онъ сносится съ мятежниками въ Ягуджинскихъ горахъ или съ царемъ Имеретинскимъ, съ Ахалцихомъ, или съ Эриванскимъ намѣстникомъ, — вели его заколотъ на твоихъ глазахъ и пришли его голову.

Зейнабъ (*съ трудно скрываею радостью*). Все мое счастье служить тебѣ вблизи и вдали, царь души моей! Вся моя награда — твой ласковый взглядъ, твоя улыбка и твой покой.

Солейманъ ханъ. Кто вѣритъ женщинѣ, тотъ самъ рубить сукъ, на которомъ сидитъ. Но тебѣ я вѣрю, потому.. что если погибну я, погибнешь и ты.

Зейнабъ. Зачѣмъ миѣ жить безъ тебя, свѣтъ моей души!

Солейманъ ханъ. Твоя красота осенней поры—она не защититъ тебя.. Тебя ненавидитъ въ Гюрджистанѣ—потому я вѣрю тебѣ.

Зейнабъ. Я не изъ страха за себя берегу тебя. Когда ты подошла къ Тифлису, послѣ боя въ Согалугъ, я могла бѣжать въ Имеретію, въ Мингрелію, въ Гурію. Самъ царь Московскій общалъ миѣ свою помощь. Но сердце мое было полно слуховъ о тебѣ, я видѣла тебя въ моихъ грезахъ и во снѣ, и на яву—и я на колѣняхъ передъ конемъ твоимъ поднесла тебѣ ключи. Сіяніе власти и смерти вѣнчало твое чело. Когда ты нагнулся ко миѣ—молнія пронизала миѣ грудь. Передъ тобой — левъ пустыни, звучало во миѣ. Онъ все покорилъ—твоему-ли сердцу устоять передъ его взглядомъ? И я отдала тебѣ мою вѣру, помыслы, жизнь, душу и тѣло. Я стерегла тебя по ночамъ, склоняясь надъ твоимъ изголовьемъ. Я направляла твой гнѣвъ и истребленіе на тѣхъ, кто когда-то ростили и

лелѣяль меня, и преклонялся передо мной. Я дочь и жена царя — служила тебѣ, какъ раба, а ты знаешь меня, нѣтъ во мнѣ страха смерти, и гордая кровь течетъ въ моихъ жилахъ. Ты самъ понялъ это, когда твою страсть ко мнѣ охладѣла — ты позволилъ мнѣ быть въ твоёмъ совѣтѣ, и раздѣлить твой престоль и возсѣдать на немъ рядомъ съ тобой. А что мнѣ власть (*ревниво*). Я бы все отдала, чтобы ты, какъ прежде, скрывалъ меня отъ людского взора, терзалъ бы ревностью, подчинялъ своимъ евнухамъ. Или я не хороша еще? Не могу дать тебѣ тѣхъ наслажденій, какія дарятъ тебѣ твои рабыни? (*Покорно*). Но ты этого хотѣлъ — и я покорилась тебѣ. Я стала сама выбирать твои прихоти. Я окружила тебя райскими гуріями на землѣ. Лишь бы ты отдыхалъ и наслаждался, я... я... О, каждая ночь твоихъ наслажденій была для меня смертью! Смертью!.. Вы, мужчины, умѣете только наслаждаться — развѣ вы знаете, что значить любить?

Солейманъ ханъ. Ты еще хороша, когда сердешься.

Зейнабъ. Нѣтъ, я еще хороша, потому что я люблю тебя, хочу служить тебѣ... ползать у ногъ твоихъ и владѣть твоей душой. (*Припадаетъ къ нему*).

Солейманъ. Мнѣ понравились сказки вчерашней рабыни. Пришли ее ко мнѣ.

Зейнабъ. Даръ Миигрельскаго князя—Рукайю?

Солейманъ ханъ. Я не помню ихъ именъ. Принеси съ собой лютню. Повѣяло прохладой. Можетъ быть я засну подъ ея рассказы и твою тихую музыку. Я давно не сплю.

Зейнабъ (*цѣлуетъ его руки*). Иду, мой царь! (*Уходитъ, за ней Иссахаръ. Съ противоположной стороны входитъ Кара-Юсуфъ*).

6.

Кара Юсуфъ. Властитель, Католикось разослалъ съ гонцами приказъ ко всѣмъ священникамъ и берамъ не бить въ колокола.

Солейманъ ханъ. Стража на мѣстахъ?

Кара Юсуфъ. На мѣстахъ, повелитель!

Солейманъ ханъ. Конные объѣзды разосланы?

Кара Юсуфъ. Разосланы. Ворота заперты и пушки съ Метеха наведены на горы и городъ.

Солейманъ ханъ. Много еще захвачено изъ разрушителей мечети?

Кара-Юсуфъ. Двадцать семь человекъ я повѣсилъ за ребра на крѣпостныхъ стѣнахъ во славу Аллаха. Пятьдесятъ обезглавилъ и выбросилъ тѣла на навозныя кучи. Тридцать шесть привели только что.

Солейманъ ханъ. Казни ихъ утромъ на Майданъ и объяви народу мое повелѣніе: — чтобы всѣ жители принесли на своей спинѣ по обтесанному камню въ полтора локтя длины, ширины, и высоты и сложили на томъ мѣстѣ, гдѣ разрушена мечеть. Дай имъ семидневный срокъ.

Кара-Юсуфъ. Слава справедливѣйшему!

Солейманъ ханъ. Выѣхалъ Отаръ-бегъ?

Кара-Юсуфъ. Сейчасъ заперлись за нимъ ворота крѣпости.

Солейманъ ханъ. Я посылаю царицу черезъ три дня по его слѣдамъ. Юсуфъ! Въ воздухѣ пахнетъ измѣной. (*Кара Юсуфъ вздрагиваетъ и лицо его измѣняется*). Аль Разакъ поѣдетъ съ ней.

Кара-Юсуфъ. Аль Разакъ вѣренъ, но глупъ. Царица умна, да умножитъ Господь ея дни.

Солейманъ ханъ. Что ты хочешь сказать?

Кара-Юсуфъ. Она прочтетъ все, что въ душѣ Отаръ-бега, и что вокругъ него...

Солейманъ ханъ. А дальше?

Кара-Юсуфъ (*согнувшись*). Я бы, око Меркурія, послалъ за такимъ дѣломъ любимую жену, но въ помощь ей далъ бы одну изъ тѣхъ, кто хочетъ стать любимой. Золото повѣряютъ камнемъ, женщину—женщиной, родникъ мудрости!

Солейманъ ханъ (*зорко глядитъ на Юсуфа*). Иди. Твой совѣтъ хорошъ!

Кара-Юсуфъ (*цѣлуетъ землю у ногъ Солеймана*). Да умножится твоя тѣнь, сынъ Дестона. (*Уходитъ. Входитъ Зейнабъ, ведя Рукаю. Иссахаръ за ними*).

7.

Зейнабъ. Иди, ночь счастья твоего пришла, Рукайя.

Рукайя (*дрожитъ отъ страха*). Повелитель суровъ и грозенъ. Я боюсь...

Зейнабъ (*подводя ее къ полулежащему Солейману*). Склонись къ ногамъ повелителя, красавица, и скажи ему сказку. (*Солейману*). Обрати лучъ твоего сїянїя, покоритель царей. Свѣжая роза ждетъ его, чтобы распустить душистые лепестки. (*отходишь къ террасѣ, садится у колонны въ пѣни. Иссахаръ подаетъ ей инструментъ, вродѣ гитары, съ металлитескими струнами, (тари), и садится около нея на приступкѣ, обнявъ руками колѣна. Солейманъ откидываетъ покрывало Рукайи и играетъ ея волосами. Она у его ногъ, голосъ дрожитъ, красивое лицо блѣдно отъ страха. Глаза искрѣпся*).

Селейманъ ханъ. Гдѣ ты родилась?

Рукайя. Не знаю, повелитель. Помню, меня привезли дѣвочкой въ Мингрелїю. Я плыла по морю. Потомъ росла тамъ, на горахъ, близъ моря.

Селейманъ ханъ. Кто научилъ тебя твоимъ разсказамъ?

Рукайя. Старыя женщины. Онѣ меня научили и пѣть и плясать. Я знаю все, чтобы угодить тебѣ, повелитель. Повели — я разскажу тебѣ о любви Вѣтра, царя морей, и царевны Гурійской.

Солейманъ ханъ. Говори.

Зейнабъ (*нагиается играть пѣзную и страстную мелодїю восточнаго склада*).

Рукайя. У царя Гурїи была дочь такой красоты, что снѣгъ горъ казался синимъ рядомъ съ ея бѣлизной, крыло ворона сѣрымъ рядомъ съ ея косами, а цвѣтокъ гранаты желтѣлъ близъ ея пурпурныхъ губъ. Когда она наклонялась надъ терновымъ кустомъ, онъ покрывался розами. Когда она въ лѣтній жаръ купалась въ морѣ, волны благоухали амброю и нардомъ. Мужской глазъ не касался ея лица—сто трехглазыхъ и двѣсти одноглазыхъ великановъ приставилъ къ ней стражами грозный отецъ. Но вѣтерки освѣжали ея щеки своимъ дуновенїемъ, и они полетѣли на вершину Кафъ-Дага и разсказали о ея красотѣ самому Кару, царю всѣхъ вѣтровъ, могучему губителю кораблей. И загорѣлась любовь въ его мощной груди. Поднялся Вѣтеръ-царь на черныхъ крыльяхъ и понесся къ морю. И ни одинъ корабль въ морѣ не достигъ берега въ эту ночь. Вѣковыми дубами и кедрами выхлеснулъ Вѣтеръ глаза стражей-дѣвовъ, ослѣпилъ ихъ пескомъ и камнями, снесъ кровлю дворца царевны, освѣтилъ ее молнїей крыльевъ своихъ и замеръ отъ восторга и страсти: царевна спала на ложѣ изъ перьевъ дивныхъ, невиданныхъ птицъ. (*Страстно*

нагиная ласкаться къ Солейману, смѣлье и смѣлье). Мягкія, черныя волны волосъ покрывали ея жемчужное тѣло. Благовоніями горныхъ травъ вѣяло ея дыханіе. И страстно вздохнулъ царь-Вѣтеръ красавецъ—развѣялись косы и увидѣлъ царь-Вѣтеръ... *(Раздается одинокій, отшельный, но робкій и дрожащій ударъ въ колоколь. Солейманъ поднимается на ложь на одной рукѣ. Рукаія бояливо прижимается къ ногамъ Солеймана. На его лицѣ бѣшеный гнѣвъ).*

Солейманъ ханъ. *(Спрашнымъ голосомъ).* Кара Юсуфъ! *(Кара - Юсуфъ вбѣгаетъ, помертвѣлый отъ ужаса).* Что это?

8.

Кара Юсуфъ. Великій повелитель! Только одинъ ударъ. Католикось немедленно разослалъ повсюду гонцовъ. Кто-нибудь изъ нихъ не поспѣлъ... Завтра ихъ Пасха...

Солейманъ ханъ *(спокойно).* Къ утреннему намазу принеси мнѣ голову Католикоса. И пусть ея цвѣтъ будетъ такимъ же, какъ ихъ пасхальное яйцо. Въ Аль-Коранѣ написано: поступи съ ними такъ, чтобы они служили примѣромъ для тѣхъ, кто будетъ послѣ нихъ. Иди. *(Опускается на ложе, привлекая Рукаію).* Продолжай, Рукаія!

Иссахаръ *(тихо Зейнабъ).* Это двадцатая Пасха такая.

Зейнабъ *(нагиная играть).* Послѣдняя Пасха такая.

Рукаія *(продолжая сказку).* И увидѣлъ царь-Вѣтеръ-красавецъ...

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Садъ Отаръ-бега—близъ Горы, надъ Курой, на лѣвомъ ея берегу.—Часть глубины занимаетъ уголь башни, выходящій въ садъ широкой террасой, возвышающейся надъ землей ступени на четыре. Ея поддерживаютъ колонны, соединенныя арками. Въ стѣнахъ—железныя двери, окна—въ рѣшеткахъ. Въ глубинѣ—розовые и ясминные кусты въ цвѣту. Глубь сцены—зарѣчныя Ахалцихскія горы, покрытыя лѣсомъ. Справа—виноградная аллея въ видѣ корридора, уходящая вглубь и заворачивающая направо. Почти у входа въ нее—громадное дуплистое дерево грецкаго орѣха, подъ нимъ широкая тахта въ коврахъ и подушкахъ. Яркій, полный солнца вечеръ, около 6 часовъ.

1.

Отаръ-бегъ съ озабоченнымъ лицомъ выходитъ изъ дома. За нимъ Бессо, его слуга, съ отважнымъ, нѣсколько плутоватымъ видомъ.

Отаръ-бегъ *(прошелся съ гнѣвнымъ и озабоченнымъ видомъ. Бессо стоитъ въ небрежной позѣ).* Ты чего, собачій сынъ, въ шапкѣ? голова надохла?

Иссахаръ (г-жа Грибунина).

«Измѣна», драма кн. А. И. Сумбатова.

Эрекле (г-нъ Остужевъ).

Зейнабъ (г-жа Ермолова).

Отаръ-бегъ (г-нъ Южинъ).

(Исполнители Императорскаго Малаго театра).

Бессо (*снимая шапку*). Спутался, великій господинь! Когда ты персь, сохрани Богъ снять шапку, когда ты грузинь—сохрани Богъ надѣть.

Отарь-бегъ. Подай вина! (*садится на пахту подъ дерево*). Спутался? Самъ я спутался. (*Бессо возвращается съ серебряной кувлой—кувшинъ съ узкими длинными горлышками на серебряномъ поднось. Отарь-бегъ пьетъ долго прямо изъ горлышка и, отдуваясь, отдаетъ кувлу*).

Бессо. Люди говорятъ, Католикоса убили въ Тифлисъ, передъ самой заутреней.

Отарь-бегъ (*ирочно*). Убили. Царь повелѣлъ, чтобы въ колокола не звонили. Католикосъ тотчасъ же всюду разослалъ приказы, а своему-то звонарю и забылъ приказать. Тотъ и ударилъ—всего одинъ разъ успѣлъ. Католикосъ бросился самъ на колокольню и стащилъ его. А тутъ подоспѣли чапары и...

Бессо. Значить, разъ всего и ударилъ?

Отарь-бегъ. Разъ!

Бессо. И убили за это?

Отарь-бегъ (*стараясь быть грознымъ*). А то какъ же?

Бессо (*понуривъ голову*). Нѣтъ, вѣдь я къ тому сказалъ, что если ужъ умирать ему, Католикосу, то-есть, такъ ужъ передъ смертью хватить бы во всѣ колокола.

Отарь-бегъ (*сразу начинаетъ орать, безо всякаго сердца*). Я тебя на вертелъ насажу и живымъ изжарю, какъ свинью, на горячихъ угляхъ. Я тебя въ одинъ мѣшокъ съ кошкой, съ собакой и въ воду...

Бессо. Ужъ что-нибудь одно, великій господинь. Или въ огонь, или въ воду. А впрочемъ, все твоя воля.

Отарь-бегъ. Вина! (*долго пьетъ*).

Бессо. Люди говорятъ, что трудно будетъ твоимъ сборщикамъ, великій господинь, набрать вьюкъ золота и три вьюка серебра: церкви давно всѣ обобраны.

Отарь-бегъ. А у сурамскихъ евреевъ? Мало у нихъ золота и серебра?

Бессо. На три вѣры все-таки не хватить.

Отарь-бегъ (*нахмурившись*). Что ты врешь, дуракъ?

Бессо. Я не вру, великій господинь, я по пальцамъ считаю. (*Загибая пальцы*). Мы ихъ грабили, пока не приняли ислама—разъ. Турки грабили—два. Персы грабятъ—три. Золото не огурецъ, къ веснѣ не растеть.

Отаръ-бегъ. Шуты во-время. Кнута захотѣлъ?

Бессо. Кто его хочеть, пропади онъ совѣмъ. А я такъ разсуждаю моимъ глупымъ умомъ; прежде мы съ нихъ драли за то, что они у насъ Христа замучили, а теперь мы еще хуже ихъ съ Нимъ поступили—за что же теперь?

Отаръ-бегъ. Бессо!

Бессо (*отважно*). Да еще для персовъ. У тѣхъ ужъ никакихъ правъ нѣтъ. Пусть жида у нихъ кого-нибудь замучаютъ, тогда и бери.

Отаръ-бегъ. Кого же, собака?

Бессо. Да хоть бы желтаго Солеймана!

Отаръ-бегъ (*въ ужасъ, кидаюсь на него*). Молчи, проклятый! (*зажимаетъ ему ротъ и оглядывается*). Нѣтъ, я тебя повѣшу.

Бессо (*освободившись*). Теперь еще — шесть дѣвушекъ красавицъ! Водились онѣ и у насъ, красавицы, только недолго въ дѣвицахъ сидѣли. А ужъ съ тѣхъ поръ, какъ мы съ тобой приняли свѣтъ Ислама, да развели друзей кизильбашей по Карталии, да Грузію зовемъ Гюрджистаномъ, встрѣтилъ я разъ и всего одну дѣвушку и то—косая, да и у нея оказалось двое ребятъ.

Отаръ-бегъ (*хохочетъ*). Охъ, Бессо, плохо ты кончишь!

Бессо. Кто честно живетъ, тотъ всегда плохо кончаетъ, великій господинъ! (*Изъ аллеи выбѣгаетъ Гаянэ съ крикомъ и хохотомъ. Она очень красива, стройна, въ свѣтломъ костюмѣ восточнаго покроя, съ открытымъ лицомъ. Фата развѣвается за ней*).

2.

Гаянэ. Не найдешь, Майко, не найдешь! (*заливается хохотомъ*). Отецъ! (*съ размаху обнимаетъ Отаръ-бега и цѣлуетъ его, когда онъ только-что собирался пить*).

Отаръ-бегъ. Откуда ты взялась? (*Бессо*). Пошелъ! (*Бессо уходитъ*).

Гаянэ. Отецъ, Майко съ ума сошла. Пристаеть ко мнѣ, чтобы я лицо закрывала, точно я турчанка изъ Ахалциха. Поставили у моихъ дверей какого-то толстаго урода съ пискливымъ голосомъ—я хотѣла выйти въ садъ, онъ разставилъ руки такъ, болтаетъ что-то.. должно быть по-персидски.. уморительно!.. Я хотѣла его оттолкнуть, но у него была такая смѣшная рожа.. Я какъ сумасшедшая стала хохотать.. На полъ упала съ хохоту. Охъ; и теперь не могу вспомнить. (*Хохочетъ*).

Отаръ-бегъ (*стараясь быть строгимъ*). Какъ тебѣ не стыдно, Гаянэ! Ты ужь большая... а точно... точно дѣвченка...

Гаянэ. Да ты бы на него посмотрѣль, отецъ... (*передразниваетъ жесты егнуха и ртки*). Аба-ла-ба-ла-ба-ла... А щеки трясутся, глаза, какъ щели (*щуритъ глаза*) Аба-ла-ба-ла-ба-ла. О, Господи Христе... (*хохочетъ. Внезапно, серьезно и гнѣвно*). А пока я хохотала—онъ заперъ дверь. Вообрази, отецъ! Я стучала, кричала, сердилась... войди онъ ко мнѣ, я бы научила его, какъ запираетъ дверь передо мною, княжной Гаянэ. (*Гордо наморщивъ лобъ, грозно оглядывается вокругъ. Отаръ-бегъ смотритъ на нее съ невыразимой скорбью и восхищеніемъ*). Я такъ разсердилась, что заснула. И спала-спала... и видѣла во снѣ, что я скачу у себя тамъ, по горамъ въ Шинди, за оленемъ... и будто олень ужь совсѣмъ—совсѣмъ близко, и я догоняю его—вдругъ передъ моимъ конемъ вырастаетъ этотъ толстый ба-ла-ба-ла ба-ла, конь въ сторону, и я какъ вздрогну... сразу проснулась и кричу: Гелашъ, хватай... Это моя любимая борзая... помнишь, черная? Ты ее еще такъ хвалишь... Смотрю, ни Гелаша, ни оленя, а сидитъ со мной старая Майко... Я протерла глаза — ничего не понимаю. А она пошла причитать (*дразнитъ*). Дочка милая, ты теперь будешь царицей. Ты теперь должна ходить съ закрытымъ лицомъ. Твой отецъ приказалъ—ты теперь должна не бѣгать, а тихо ходить и ты должна въ домѣ сидѣть, и ты должна... Я слушала, слушала да однимъ прыжкомъ въ окно: смотрю, высоко, а передъ окномъ старый орѣхъ. Не успѣла Майко ахнуть — я прыгъ прямо на вѣтки, крикнула ей—теперь лови! Спустилась по дереву, изъ аллеи въ аллею, изъ-за куста за другой, какъ заяцъ, когда слѣды путаетъ — и къ тебѣ. (*Обнимая его*). Ты велѣлъ меня не пускать? Ты? Неправда! А почему Майко говоритъ, что я буду царицей? Что для этого нужно? Скоро буду? Правда, что ты здѣсь больше царя? Да что ты все молчишь?

Отаръ-бегъ. Ты будешь царицей, Гаянэ. Могучей царицей—повелительницей всего міра.

Гаянэ. Ахъ, какъ хорошо!

Отаръ-бегъ. Только для этого ты должна меня слушаться, Гаянэ. Ты взрослая дѣвушка, а не мальчишка. Тебѣ надо бросить твои привычки—скакать сломя голову, какъ черкесь, за охотой...

Гаянэ. Такъ зачѣмъ же быть царицей, если нельзя охотиться?

Отаръ-бегъ. Ну, ты еще глупа, Гаянэ! Зачѣмъ?! (*Вдругъ нагинаетъ орать*). Я отецъ тебѣ или нѣтъ? Кто это тебя научилъ на каждое слово

миѣ бросать сто словъ? Отецъ я или вѣтъ? (Она, перепуганная, опшати-
нувшись, съ широко раскрытыми глазами глядитъ на него. Все дальнѣйшее
Отаръ-бегъ говоритъ все понижая и понижая тонъ, почти до сдавленныхъ
рыданій). Майко говорила тебѣ, что я приказалъ тебѣ сидѣть въ комнатѣ,
покрывать лицо, а ты... ты въ окно? Что, ты птица, что-ли, чтобы по
деревьямъ летать?

Гаянэ (резонно). Нѣтъ, я не птица, только я взаперти сидѣть не
бѣду. А это покрывало... это чтобы я дышать не могла? Да я... да я... вотъ
твое покрывало! (Рветъ его).

Отаръ-бегъ. (опышивъ, хлопаетъ себя по колѣнамъ). Ахъ, ты... какъ
ты смѣешь?!

Гаянэ. Я не мертвая. Это мертвымъ лицо закрываютъ.

Отаръ-бегъ (стараясь быть грознымъ, но съ невольнымъ восхище-
ніемъ глядя на нее). Я свяжу тебѣ руки и ноги! Я брошу тебя въ подвалъ
къ мышамъ и крысамъ...

Гаянэ. Зачѣмъ? Просто убей меня! (Глядя на друга на друга).

Отаръ-бегъ (послѣ большой паузы). Ну, ну, перестань упрямиться.
Поди сюда... Слушай меня.

Гаянэ (не подходя). Говори.

Отаръ-бегъ. Видишь, Гаянэ, ты спрашивала, правда ли, что я
здѣсь больше царя? Не больше, но все-таки я самый могущественный изъ
нашихъ князей. А почему? Потому что я всегда былъ умный. Я всегда
заботился, чтобы миѣ было хорошо и... и... видишь, какъ миѣ хорошо!
Ты помнишь дѣдушку, батона Мухранскаго? Гдѣ теперь старикъ? Живетъ
изъ милости въ Имеретіи. А гдѣ Гульбаатъ Цица? Казненъ. А гдѣ Орбе-
ліанъ, гдѣ Сембать? Безъ крова и безъ приюта разбойничаютъ въ горахъ.
А другіе? Кто разорень, кто служить, дрожа за свою голову... Скажемъ,
и я иногда... но тебѣ до этого нѣтъ дѣла... Зато, если я разсержусь, я
могу утопить, повѣсить, казнить всѣхъ! Ты думаешь, этого мало? А почему?
Потому что меня любятъ и царь, и царица — я тебя къ ней отвезу — она
тоже всегда при другихъ съ покрытымъ лицомъ. Потому что женщиныѣ
стыдно показывать лицо.

Гаянэ. Почему стыдно? Мы красивѣ васъ. Вѣдь вамъ не стыдно.
А ужъ какія лица бываютъ у васъ — охъ, Господи Іисусе Христе...

Отаръ-бегъ. И что ты все о Христѣ?! Богъ одинъ у всѣхъ у насъ...
и у тебя... и у всѣхъ... Аллахъ! Говори, Аллахъ!

Г а я н э (*обидѣвшись*). Да что я, татарка, что-ли?!

О т а р - б е г ь (*нагинаятъ орать*). Ты еще что за монахъ такой, чтобы объ этомъ разсуждать! Какъ я тебѣ велю, такъ и молись.

Г а я н э. Ну, отецъ, этого ужъ я не могу. Богъ больше всѣхъ, даже больше отца. Ты спроси у Майко. Я тебя очень люблю, ты мнѣ подарилъ и коня, и борзыхъ, и вотъ это красивое платье, и это ожерелье и все... но про Бога Майко знаетъ лучше тебя.

О т а р ь - б е г ь (*оретъ*). Какъ, лучше меня? Кто лучше меня!?

Г а я н э (*твердо*). Майко. Она мнѣ всегда говоритъ: мужское дѣло— война. Вотъ твой отецъ знаменитый вождь! Имъ некогда молится. А мы, женщины, молимся и за себя и за нихъ. И Сабба—странникъ—онъ святой человекъ, хотя тоже охотникъ, и у него простая собака, совсѣмъ простая, но такая быстрая, какъ молнія...

О т а р ь - б е г ь. Гдѣ ты узнала этого Саббу? Откуда?

Г а я н э. А онъ бродить. У него была своя церковь, ей Богу. Ее сожгли. Теперь у него нѣтъ дома, и онъ бродить. Онъ говоритъ, что куда Господь Исусъ Христосъ взглянетъ, тамъ и церковь вырастетъ, только мы ее видѣть не можемъ, потому что мы грѣшныя, и что теперь такое время, когда надо просить Господа чаще глядѣть на Грузію, потому что и наши забыли своего Бога и продали его персамъ за деньги или изъ страха. Какъ же ты это позволяешь? Сабба какъ только гдѣ остановится, сейчасъ вынетъ книгу, покроетъ камень или пенъ платкомъ и молится. Но онъ очень храбрый. Разъ я заблудилась, отбилась отъ своихъ псарей, на меня выскочилъ вепрь, огромный, страшный, вся морда въ пенѣ. Конь мой на дыбы и сбросилъ меня. Я ужъ думаю—пропала, Гаянэ! А Сабба тутъ какъ тутъ! Какъ хватить вепря ножемъ сюда (*показываетъ на сердце*) тотъ его подмялъ подъ себя, я успѣла вскочить и помогла ему. Сабба часто къ намъ заходитъ въ Шинди. А тебя онъ боится, хотя я и говорила ему, что ты только кричишь страшно, а никого не трогаешь.

О т а р ь - б е г ь. Молчать! (*ходитъ съ большими слущеніемъ*). Слушай, Гаянэ. Всѣ эти охоты, эти странники—конецъ всему этому. Послѣ завтра я везу тебя въ Тифлисъ. И если ты понравишься царю и царицѣ, они отправятъ тебя къ царю-царей въ Иранъ, къ самому падишаху. Онъ возьметъ тебя въ жены и тогда ты станешь сама царицей Ирана и Грузіи и госпожей твоего отца.

Г а я н з (*насторожившись*). Царицей Ирана? женой падишаха? Гдѣ Иранъ? Кто такой падишахъ? Я не хочу... я не хочу!..

О т а р ь - б е г ь (*торопясь*). Ты будешь жить въ золотомъ дворцѣ, спать на шелгу и бархатѣ, сотни рабынь будутъ лежать у твоихъ ногъ и ждать твоихъ повелѣній, жемчужные фонтаны будутъ бить въ твоемъ саду, мое сердце, моя бѣлая роза.

М а й к о (*за сценой въ аллеѣ*). Гаянз, сердце мое... Гаянз... гдѣ ты?

Г а я н з (*встрепенувшись*). Ай, Майко! Не говори ей, что меня видѣлъ... (*Убѣгаетъ, оставивъ изумленного Отарь-бега на словъ: стой!*).

О т а р ь - б е г ь. Всѣ меня боятся... она одна не боится! О! легче бы мнѣ... (*Изъ аллеи убѣгаетъ запыхавшись Майко, старуха въ терномъ платьѣ, маленькая и довольно полная; на ней бѣлая тадра*).

3.

М а й к о. Гаянз, Гаянз... Ахъ великій господинъ...

О т а р ь - б е г ь (*воспользовавшись слугаею скрыть волненіе, оретъ*). Такъ то ты смотришь за дѣвушкой, старуха! Какъ ты смѣла ее выпустить?

М а й к о. Да развѣ у меня крылья, чтобы за ней поспѣть? Да она, горлинка моя! Напорхалась, запираютъ въ клѣтку, голубка моя, роза моя алая... (*Платетъ*).

О т а р ь - б е г ь. Бѣги за ней, она сюда убѣжала. И если ты ее еще выпустишь, я тебя...

М а й к о (*голося*). Изумрудъ ты мой чистый! Гдѣ ты, Гаянз?.. Гаянз! (*Уходитъ и долго еще слышенъ ея удаляющійся зовъ*). Гаянз...

О т а р ь - б е г ь. Нѣтъ, это надо кончить. Бессо! (*Входитъ Бессо*).

4.

О т а р ь - б е г ь. Нѣтъ еще изъ Сурама?

Б е с с о. Прискакалъ чапаръ. Вьюки идутъ. Удивительно. Правду говоритъ поговорка: если хорошо нажать—изъ камня вино брызнетъ. А изъ Ананура трехъ коней привели—откуда только взялись такіе. А дѣвушекъ нѣтъ еще, господинъ. Я говорилъ, перевелись дѣвушки.

О т а р ь - б е г ь. Все равно. Вели готовить арбы, крытыя коврами, стражу и коней. На разсвѣтѣ мы ѣдемъ въ Тифлисъ. Гдѣ кони? Хороши?

Б е с с о (*закрываетъ глаза отъ восторга*). Цѣны нѣтъ!

О т а р ь - б е г ь (*оживившись*). Кто досталъ, чапары?

Бессо. Нѣтъ, шесть человекъ нашихъ привели. Одинъ старикъ, кривой, другіе—молодые. Старикъ проситъ тебя видѣть, великій господинъ, и не глядѣть коней, пока тѣ не отдохнутъ. Я имъ отвелъ особую конюшню. А то сглазятъ, они боятся. Трое съ конями остались, а старикъ и двое ребятъ ждутъ твоего разрѣшенія.

Отаръ-бегъ. Зови ихъ сюда! (*Бессо уходитъ*). (*Отаръ-бегъ одинъ, тяжело вздыхаетъ и въ глубокой задумчивости медленно идетъ на террасу*). Охъ, охъ, охъ! (*Изъ глубины входятъ Бессо, Глаха Ананія, за ними Эрекле и Дато*).

5.

Глаха Ананія,—кривъ на одинъ глазъ, въ короткой съдоватой бородѣ и большихъ усахъ, гладко остриженъ; около ушей небольшіе зюльфы (короткіе пейсы). Эрекле—молодой человекъ лѣтъ двадцати двухъ. Дато—лѣтъ двадцати четырехъ. Эрекле—блондинъ, съ мечтательными сѣрыми глазами, рыжеватымъ пушкомъ на бородѣ и усахъ. Дато—смуглый шатень, съ темноватой бородкой.

Ананія (*снимая шапку и кланяясь*). Побѣда великому господину. Бессо (*ему*). Надѣнь шапку, кривой песъ! Не научать васъ, дураковъ, хорошему поведенію. (*Уходитъ въ домъ*).

Ананія (*грубымъ голосомъ*). Покойный родитель нашего господина научилъ бы тебя, какъ съ нимъ говорить въ шапкѣ.

Отаръ-бегъ. Откуда ты, человекъ? Кто ты?

Ананія. Изъ-за Ананура, великій господинъ. Старшина сельскій—Ананія, по прозванію Глаха. Приспѣлъ твой гонецъ съ приказомъ въ три дня привезти къ тебѣ трехъ коней и трехъ дѣвушекъ. Коней привелъ—лучше не найдешь. А дѣвушекъ, господинъ, въ прошломъ году еще всѣхъ дѣвушекъ, какія покрасивѣе, забрали въ Тифлисъ, а какіи похуже, тогда же твои чапары разобрали.

Отаръ-бегъ (*грозно нахмурилъ брови*). Что ты несешь, старикъ!

Ананія. Спроси у твоихъ гонцовъ, великій господинъ. А мнѣ что-жъ! Въ округѣ дѣвокъ смазливыхъ ни одной нѣтъ. Хотѣлъ женить сыновей, не нашелъ невѣсть. Такъ и ходятъ холостые. Вотъ привелъ ихъ на твою волю. И самъ я когда то служилъ твоему отцу, а теперь для тебя сыновей вырастилъ. Пусть они служатъ тебѣ своей силой и храбростью. (*Кланяется*).

Отаръ-бегъ (*съ удовольствіемъ оглядывая молодежь*). Тебя какъ звать, ты старшій?

Дато (*снимая шапку*). Дато, господинъ.

Отарь-бегъ. А теб... Стой! Это твой сынъ, старикъ?

Ананія (*взглядываясь въ Отарь-бега однимъ глазомъ*). Сынъ, господинъ великій.

Отарь-бегъ (*не можетъ отвести глазъ*) Родной?

Ананія. Родной, господинъ великій!

Отарь-бегъ. Не можетъ быть!

Ананія (*услыхаясь*). Допроси мою старуху, господинъ. Можетъ быть тебъ она въ чемъ и сознается. А меня увѣряла, что мой.

Отарь-бегъ. Какъ тебя звать, мальчикъ?

Эрекле. Эрекле, господинъ.

Отарь-бегъ. Сколько тебъ лѣтъ?

Эрекле. Двадцать второй, господинъ великій.

Отарь-бегъ (*Ананіи*). Ты христіанинъ, старикъ?

Ананія. Крестили меня, господинъ великій, еще при отцѣ твоємъ...

Отарь-бегъ. Знаю я васъ, ананурцевъ! Вы тамъ украдкой поповъ держите, даете пріютъ врагамъ истинной вѣры. Мальчишки тоже христіане?

Дато и Эрекле. Христіане, господинъ великій.

Отарь-бегъ. Ну, какой вѣры господинъ, такой должны быть и слуги. Твоей старой душѣ все равно не поможешь, да и на кой чортъ великому пророку набивать рай такой дрянью. А вы, молодцы, завтра же примете исламъ.

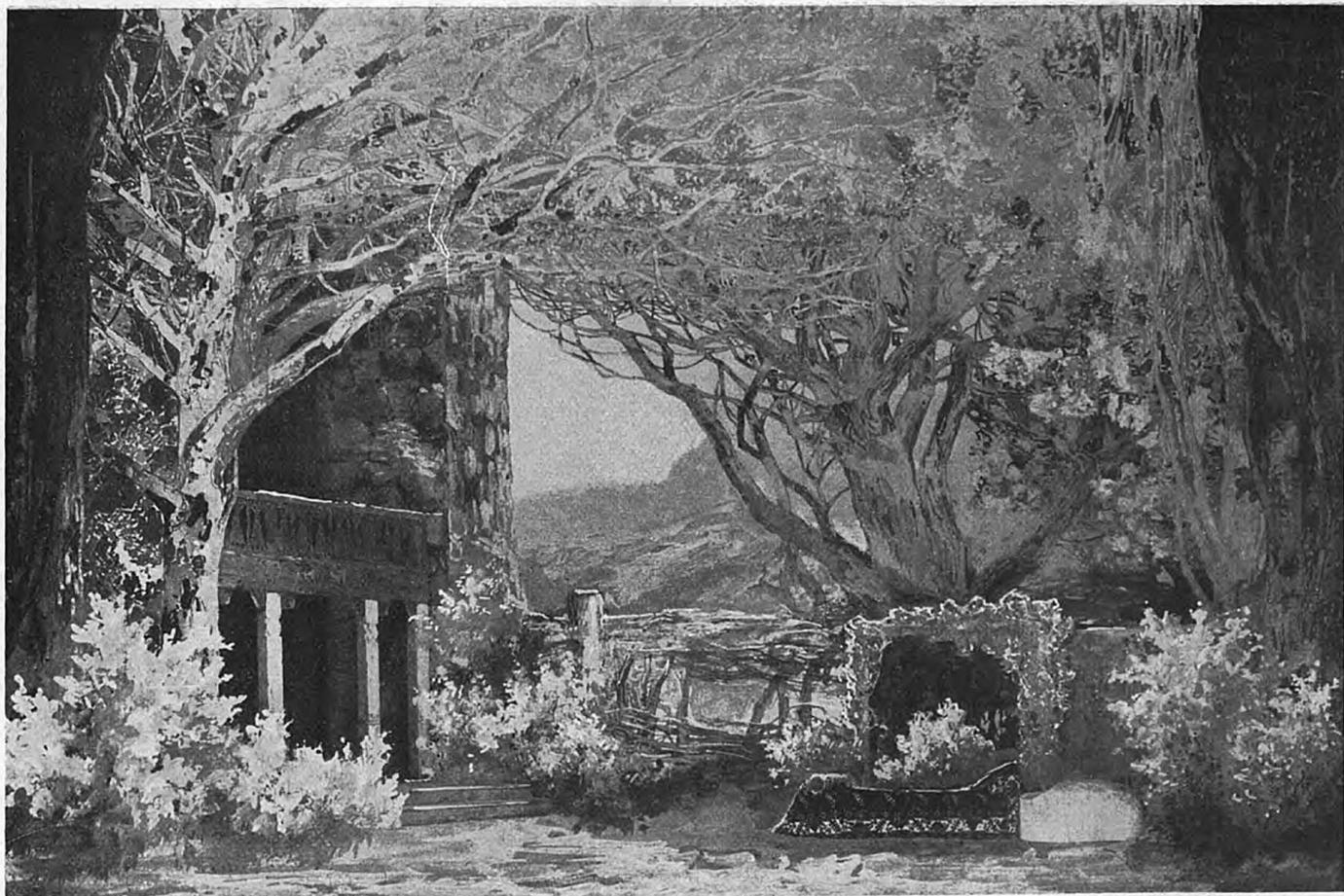
Эрекле. Нѣтъ, господинъ.

Дато. Невозможно, господинъ. Мать ваяла съ насъ клятву не мѣнять вѣры. Невозможно.

Отарь-бегъ (*нахмурилъ брови*). Послѣ сотни нагаекъ узнаешь, что возможно.

Эрекле и Дато (*вмѣстѣ*). Твоя воля, господинъ; а мы не можемъ.

Ананія (*сыновьямъ*). Молчать, негодяи! Смѣете вы противиться волѣ великаго господина?! Онъ лучше васъ знаетъ, кака вѣра лучше, кака хуже. Если онъ самъ бросилъ вѣру отца своего, и дѣда, и прадѣда, и своей родной земли, значить въ немъ совѣсть этого захотѣла. (*Ударяя въ грудь*). Совѣсть! Вы понимаете, дураки, что такое совѣсть? Я и самъ бы, великій господинъ, хотъ сейчасъ переимѣнилъ свою вѣру... какой прокъ отъ нея? Только одинъ убытокъ! И дерутъ съ тебя вдвое, и бьютъ, какъ собакъ, и почету никакого нѣтъ... слышите, дураки? — а только одно: какъ съ

«Измѣна», драма кн. А. И. Сумбатова.

II и III актъ. Садъ Отаръ-бега. Декорація К. А. Коровина.

твоимъ покойнымъ отцомъ на томъ свѣтѣ встрѣчусь? Вѣдь онъ въ глазъ мнѣ плюнетъ, да скажетъ: жаль, Ананія, что тебѣ другой глазъ персы выбили въ бою, рядомъ со мной, а то я и въ тотъ бы тебѣ плюнулъ. Вотъ онъ что скажетъ. Какъ-же, скажетъ, тебѣ не стыдно быть въ раю съ визильбашами, когда я въ аду мучаюсь? А если мнѣ это мой старыи господинъ скажетъ, мнѣ и рай не нужно. Что мнѣ рай, если твой покойный отецъ...

Отаръ-бегъ (*багровый отъ стыда и гнѣва*). Что ты привязался къ отцу моему, кривой дуракъ!?

Ананія. Всю жизнь былъ привязанъ, великій господинъ. Да и какъ не привязаться было? Тогда на насъ другіе правовѣрные сидѣли — изъ подъ Ахалциха. И у нихъ тоже Аллахъ и Магометъ—только должно быть не тѣ, какіе у персовъ. Такъ твой отецъ бросилъ все—и сады, и домъ, и стада, собралъ насъ, да въ лѣса... вонъ видишь, вонъ синѣютъ въ горахъ... и какъ узнаеть, что отрядъ турецкій какую-нибудь деревню разграбилъ, сейчасъ ударить на перерѣзъ, какъ соколъ на стаю воронъ, плѣнныхъ отобьетъ, турокъ перерѣжетъ, добро все отберетъ и вернетъ ограбленнымъ.

Отаръ-бегъ. Какъ же я тебя не помню?

Ананія. Гдѣ тебѣ помнить, господинъ! Много заботъ у тебя стало. Да и я постарѣлъ. А я недалеко былъ отъ тебя, когда Солейманъ разбилъ насъ подъ Тифлисомъ.

Отаръ-бегъ (*велядываясь*). Постой... постой... какъ будто твое лицо мнѣ знакомо... Гдѣ-жъ ты былъ послѣ, когда я...

Ананія (*перебивая, быстро*). Когда ты еще за насъ стоялъ и бился съ прок... съ теперешними господами нашими? Да вѣдь это не долго было. Года два... Израненный лежалъ, господинъ, нога не сrostалась. И дѣло было еще. Важное дѣло. А вотъ когда ты ушелъ въ Имеретію, а твоя покойная жена заперлась въ твоёмъ замкѣ, къ ней то ужъ я притащился... и на моихъ глазахъ нашъ великій царь Солейманъ искрошилъ ее послѣ приступа... Ну, вижу—помочь не могу... отбился отъ собакъ... охъ, что я... отъ господъ нашихъ и ушелъ... свое дѣло дѣлать.

Отаръ-бегъ. Довольно! Болтливъ ты, старикъ.

Ананія. Жизнь прошла, господинъ, а смерть еще не беретъ. Дѣлать то ничего не могу, вотъ и болтаю. А вы, негодня, слушайтесь господина. Онъ двѣ вѣры перемѣнилъ, онъ лучше васъ знаетъ, которая лучше.

Отарь-бегъ. Молчать! Завтра увидимъ. Я беру васъ на службу. Но чтобъ драться лихо.

Дато. Я, господинъ, лихо дерусь. Кабы не отцовскій приказъ, не видать бы тебѣ напихъ коней, хотъ еще двадцать чапаровъ прислалъ бы. *(Отецъ взглядываетъ на него. Онъ мпнлетъ тонъ)*. Я не зналъ, великій господинъ, что это твои люди были. Я думалъ, опять персы изъ Тифлиса... А тебѣ мы съ братомъ будемъ служить вѣрно и храбро, грудью тебя заслонимъ отъ враговъ, великій вождь! Такъ отецъ приказалъ. *(Кланяется)*.

Отарь-бегъ *(любуясь юношами)*. И я буду любить васъ, дѣти мои.

Эрекле. Только, господинъ... *(смущается и замолкаетъ)*.

Отарь-бегъ *(вздвогнулъ при звукъ его голоса, про себя)*. Живой царь Теймуразъ... *(Громко)*. Что, Эрекле?

Эрекле *(нлжными, звонкими голосами)*. Не посылай насъ грабить своихъ. Мы тебя охранять хотимъ.

Ананія *(Эрекле)*. Молчи, мальчишка! Вотъ, господинъ великій, справься ты съ ними, нѣтъ больше силъ моихъ. Сто разъ говорилъ имъ: учитесь, дураки, какъ теперь на свѣтѣ надо жить у нашего великаго Отарь-бега! Онъ для господъ нашихъ, царя Солеймана и падишаха, родного дядю Николоза осадилъ и убилъ въ бою, двухъ двоюродныхъ братьевъ въ тюрьмѣ держать, тестя загналъ въ Имеретію...

Отарь-бегъ *(смущенно и гнвно)*. Ну довольно, довольно...

Ананія *(продолжал)*. Да что, говорю я имъ, дядя, тесть, брать!.. Во всей Карталиніи дѣти кричатъ перестаютъ, когда мать имъ скажетъ: Отарь-бегъ идетъ! Вотъ это воинъ! Отъ его имени—сердца разрываются. И за это, говорю я имъ, и падишахъ, и Солейманъ ласкаютъ его и дали ему власть надъ нами. А гдѣ другіе князья? Всѣ пропали, живутъ, какъ звѣри, въ лѣсахъ, въ бѣгахъ, въ рабствѣ... А все за то, что ума нѣтъ сказать—Ля-илля-иль-Алла во время и начатъ бить, кого царь прикажетъ. Научи ихъ уму, великій господинъ! Всѣ мы рабы твои!

Отарь-бегъ *(слушаетъ, какъ подъ ерадомиъ пощегинъ, и сразу наги-наетъ орать)*. Ты меня, старая лисица, не обманешь твоими сказками и лестью. Выводи своихъ коней. И если хотъ одинъ изъ нихъ плохъ, я изъ твоей дырявой шкуры сдѣлаю на нихъ чепраки. *(Уходитъ въ доли)*.

6.

Ананія *(быстро, вполголоса)*. Осмотритесь здѣсь, дѣти. Узнайте всѣ ходы и выходы. Намъ можетъ статься это нужно будетъ... Дато,

пройди сюда—да не мѣшкай, онъ можетъ замѣтить. Эрекле, обойди кругомъ дома... (*Уходитъ*).

7.

Эрекле. Дато, у меня сердце бьется, точно должно случиться что-то...

Дато (*беззаботно*). Вотъ моя рука и вотъ моя шашка. Не бойся, братъ. Насъ вдвоемъ не одолѣютъ.

Эрекле. Я не боюсь, но я видѣлъ сонъ прошлой ночью—тяжелый сонъ. Мнѣ снилось, что Святой Георгій пробилъ мнѣ грудь своимъ копьемъ.

Дато (*прерывая его*). Охота Святому Георгию съ тобой возиться. Обойди скорѣе домъ, пока никого не видно. А сны рассказывай старымъ бабамъ. Я ихъ толковать не умѣю. Иди.

Эрекле. Приходи скорѣе. (*Уходитъ за Ананіей. Дато идетъ направо. На встрѣчу ему выходитъ Гаянэ*).

8.

Гаянэ (*сразу останавливается и глядитъ на Дато*). Кто ты?

Дато (*ошеломленный, жадно, удивленно и страстно глядитъ на нее и молчитъ въ нѣмомъ восторгѣ*).

Гаянэ (*онъ ей огонь приглянулся*). Ты нѣмой?

Дато. Я воинъ Отаръ-бега. А ты кто, дѣвушка?

Гаянэ. Я его дочь. Какъ тебя зовутъ?

Дато. Дато. А тебя?

Гаянэ. Гаянэ. (*Молчаніе. Глядятъ другъ на друга*). Зачѣмъ ты здѣсь?

Воины отца въ Гори.

Дато. Я привелъ лошадей по приказу твоего отца для падишаха.

Гаянэ (*встрепенувшись*). Для падишаха? Кто этотъ падишахъ?

Дато. Я не знаю.

Гаянэ. Его никто не знаетъ! Онъ царь?

Дато (*глядитъ на нее*). Я не знаю.

Гаянэ. А ты знаешь, гдѣ Иранъ?

Дато. Нѣтъ. Знаю, что оттуда пришли персы, завоевали нашу страну, и что твой отецъ теперь служить царю Солейману. И мы всѣ тоже.

Гаянэ. А царь Солейманъ—тоже персъ? Изъ Ирана?

Д а т о. Должно быть. Туда посылають золото, серебро, коней и дѣвушекъ. Отнимають у насъ и посылають туда.

Г а я н ѧ. Кто отнимаетъ?

Д а т о. Твой отецъ.

Г а я н ѧ. Неправда... *(сразу останавливается, пораженная смутной мыслью. Дато глядитъ на нее. Молчаніе)*. Откуда ты самъ?

Д а т о. Изъ Ананура.

Г а я н ѧ. Гдѣ этотъ Анануръ?

Д а т о. Тамъ, въ горахъ.

Г а я н ѧ. Ты охотникъ?

Д а т о. Я убилъ одиннадцать барсовъ.

Г а я н ѧ *(благоговѣнно)*. А-а. Ты меня научи, какъ съ ними биться.

Д а т о. Ты дѣвушка. Тебѣ не одолѣть барса.

Г а я н ѧ. Онъ очень сильный?

Д а т о. Онъ уноситъ теленка. Какъ горять твои глаза! Если бы ты мнѣ приказала, я вышелъ бы на двухъ барсовъ сразу. Я буду служить твоему отцу до послѣдней капли крови за одинъ твой взглядъ.

Г а я н ѧ *(грустно)*. Я скоро уѣду. Отецъ везетъ меня къ царицѣ. Потомъ... *(замолкаетъ)*.

Д а т о *(поблѣднѣвъ, задыхаясь)*. Уѣдешь?

Г а я н ѧ. Въ Иранъ. *(Грустно)*. Отецъ хочетъ, чтобы я была царицей Ирана. Только для этого надо бросить охоту, закрыть лицо и стать женой падишаха.

Д а т о. *(Вскрикиваетъ и хватается за голову)*. И тебя? И тебя тоже! Въ Иранъ? Царицей? Закрывать лицо? И твой отецъ? Твой отецъ! Самъ? По своей волѣ? Да я бы не отдалъ въ такія царицы дочь моего заклатаго врага!

Г а я н ѧ. Что ты сказалъ?

Д а т о. Гаянѧ, Гаянѧ! Туда везуть на рабство, а не на царство. Отнимають насильно дочь у матери, жену у мужа, невѣсту у жениха. Тебя обманываютъ, Гаянѧ! Тебя продають, какъ продали Грузію, какъ продали Христа!

Г а я н ѧ *(съ ужасомъ)*. Кто? Кто?

Д а т о. Первый—твой отецъ.

Г а я н ѧ *(съ ужасъ, блѣдная, епльная)*. Грузію? Христа?.. мой отецъ... продалъ... мой отецъ?

Д а т о. Да, твой отецъ. Объ этомъ говорить весь народъ. Спроси у странника—Саббы, онъ ходитъ вездѣ. Твой отецъ запугалъ народъ казнями. Скажи онъ намъ слово—и мы стали бы стѣной вокругъ него. Насъ много молодыхъ и сильныхъ. Не всѣхъ еще насъ продали въ рабство Ирану, какъ твой отецъ хочетъ продать тебя, красавица, Божій ангель, свѣтъ моей души!

Г а я н э (*растерянная*). Постои! Что ты говоришь? Я... я...

Д а т о. (*Все сильнѣе и страстнѣе*). Какъ искра зажигаетъ порохъ, такъ ты зажгла мою душу. Если я медлилъ—я перестану медлить. Въ тебѣ все, что я хотѣлъ защищать и спасать,—и родина, и Богъ, и свобода. Мнѣ не страшны всѣ полчища твоего отца и его проклятаго повелителя, бича Грузіи. Я вырву тебя изъ рукъ твоихъ стражей... и, если тебя повезутъ, я, какъ барсъ, таясь пойду за твоимъ караваномъ, у меня много друзей! Они ищутъ вождя—я стану ихъ вождемъ. Пусть льдинка тронется на вершинѣ горы и покатится внизъ, она выростетъ въ грозный обвалъ... Онъ снесетъ на своемъ пути и вѣчныя скалы, и лѣса, и деревни!.. Такъ мы снесемъ все для твоей свободы: заря моей души! (*Цѣлуетъ ее. Голосъ Майко: Гаянэ! Гаянэ!*)

Г а я н э (*отрываясь отъ него*). Уйди скорѣе..

Д а т о. Не бойся ничего! (*убѣгаетъ. Входитъ, еле плетясь, усталая Майко*).

9.

М а й к о. Вотъ ты гдѣ, наконецъ... Ахъ, Гаянэ, ты меня уворишь. (*Въ изнеможеніи тяжело дыша, падаетъ, схвативъ ее за руку и крѣпко держа*). Часъ бѣгаю, кричу, ищу... О, Пресвятая Богородица, дышать не могу!

Г а я н э (*устыла прійти въ себя. Огледывается. Точно вся переродилась. Въ ней сразу проснулась уминая, скрытная женщина*). Прости, няня... Встань, пойдешь, куда хочешь, я... (*задумливо*) больше бѣгать не буду. Я устала тоже.

М а й к о. (*охая*). Сейчасъ, только тише, не могу. Охъ...

Г а я н э. Скажи мнѣ... (*задумливо глядя въ пространство*). Мой отецъ... христіанинъ?

М а й к о. (*оторопѣвъ*). Тебѣ что за дѣло, жасминъ ты мой бѣленькій?

Г а я н э. (*сжавъ ея руку*). Отвѣчай!

М а й к о. (*окончательно пораженная новыми тонами*). Былъ прежде...

Г а я н э. А теперь?

М а й к о. А теперь нѣтъ.

Г а я н э (*шопотомъ*). Правда... все правда... А моя мать... была убита...

Кѣмъ?

М а й к о. Тише, дитя мое, тише, ради Бога!

Г а я н э (*грозилье*). Кѣмъ?!

М а й к о (*еле слышно*). Царемъ Солейманомъ.

Г а я н э. И ему служить теперь мой отецъ?

М а й к о. Да что ты, птичка моя! (*на жестъ Гаянэ*). Да! Всѣ мы его рабы.

Г а я н э. Мы рабы, а отецъ ему служить?

М а й к о (*умоляющими голосомъ, тряслась*). Замолчи, замолчи, дитя мое!..

Г а я н э (*все напряженнѣе и напряженнѣе*). Отчего я не жила съ отцомъ?

М а й к о. Не знаю я ничего. Ты меня погубишь!

Г а я н э. Отчего?

М а й к о. Онъ боялся держать тебя въ своемъ гаремѣ.

Г а я н э. Гдѣ?

М а й к о. Въ гаремѣ. У него много новыхъ женъ, и дочерей, и сыновей... Такой обычай по ихъ вѣрѣ... можно женъ имѣть, одни говорятъ, только четырехъ, а другіе—хоть сто! У твоего отца сто-ли, не знаю, но говорятъ люди, что иногда больше, а иногда меньше. И всѣ живутъ вмѣстѣ. А если какаянибудь не угодитъ—онъ только скажетъ—даю тебѣ разводъ. И прогонитъ. Только нашъ господинъ добрый, онъ никогда не прогонитъ такъ, а когда ему надоѣсть, онъ отдаетъ ее въ жены кому-нибудь изъ своихъ воиновъ или пошлетъ другу въ подарокъ. А такъ никогда не броситъ.

Г а я н э. И у него есть другія дѣти, кромѣ меня?

М а й к о. Есть. Только тебя онъ любитъ. А тѣхъ такъ много, что всѣхъ нельзя любить.

Г а я н э. Гдѣ Иранъ?

М а й к о. Далеко.

Г а я н э. Кто тамъ царь?

М а й к о. Падишахъ. Онъ царь надъ нашими царемъ.

Г а я н э. И у него столько же женъ, какъ у отца?

М а й к о. И—и! Больше. Со всего свѣта самыхъ красивыхъ дѣвушекъ ему посылають въ жены.

Г а я н э (схватившись за голову, долго молчитъ, напряженно думая; на лицѣ невыразимая мука). Пойдемъ! (Уходитъ съ Майко. Майко шепчетъ ей: „только молчи, дитя, молчи, не говори что я“... Входитъ Отаръ-бегъ, за нимъ Глаха, слѣва).

10.

О т а р ь - б е г ь (видимо довольный). Хороши кони, очень хороши. Объяви отъ меня своимъ односельчанамъ, что я освобождаю ихъ отъ работъ на постройкѣ Ананурской крѣпости.

А н а н і я. Велика твоя милость, господинъ! Только напрасно. Наши охотно работаютъ. Они говорятъ: крѣпости персы съ собой не унесутъ, она намъ останется.

О т а р ь - б е г ь (круто повернулся отъ неожиданности и зорко смотритъ). Послушай, Глаха! Откуда у тебя эта смѣлость? Ты думаешь, я не понялъ, что ты въ лицо смѣялся надо мной, вспоминая отца? (лицо его багровѣетъ отъ сдерживаемого гнѣва). Но я люблю шутки моего шута Бессо, а другіе шутники у меня корчатъ рожи, только не отъ смѣха, а отъ огня и плетей. Смѣлость я люблю, когда бьютъ моихъ враговъ. А со мною я смѣлыхъ не знаю: блѣднѣе смерти я дѣлаю ихъ лица.

А н а н і я (просто, грубоватыми тономъ). Такъ что же медлить, великій господинъ! Смерть въ твоихъ рукахъ, но мы съ ней старые друзья и не разъ смотрѣли другъ другу въ глаза. Хотя она не краснѣла, да и я не блѣднѣлъ. Такъ каждый изъ насъ оставался при своемъ цвѣтѣ.

О т а р ь - б е г ь (хватая его за плечи). Старикъ, я читаю твои мысли: ты просилъ меня взять къ себѣ на службу твоихъ дѣтей, чтобы они убили меня ударомъ въ спину?

А н а н і я. Ты спутался, господинъ. Персы бьютъ въ спину. Мы бьемъ въ грудь. (Отаръ-бегъ опускаетъ руки). Пошли тебѣ и прежній, и новый твой Богъ побольше такихъ тѣлохранителей, какъ мои дѣти, вождь и сынъ вождя. И когда персы захотятъ избавиться отъ твоей службы по своему обычаю, кликни Эрекле и Дато. Дорого продадутъ они персамъ своего прирожденнаго князя.

О т а р ь - б е г ь. Слушай, старикъ. Я отпускаю тебя цѣлымъ, но

брось свои рѣчи, (*понизивъ тонъ*) не то время, чтобы говорить ихъ. Наша сила—раздавлена. Гдѣ намъ, пьянымъ, горланящимъ пѣсни, любящимъ пляски и смѣхъ—бороться съ желѣзнымъ Солейманомъ? никогда улыбка не промелькнула въ его усахъ. Его взглядъ—остеръ и холоденъ, какъ его душа. Никогда капля вина не освѣжала его губы. Онъ покорилъ падишаху Синдъ и Джибаль, проникъ въ великую Соленую пустыню и пилъ воды Инда. Онъ смотритъ только на небо, точно видитъ тамъ самого Пророка, указывающаго ему путь. Брось бредни, старикъ, доживай въ мирѣ свой вѣкъ.

А н а н і я. Благодареніе Господу! Ты еще жалѣешь христіанскую душу. Не даромъ народъ не вѣритъ твоимъ злодѣяніямъ. Онъ знаетъ, что не отъ сердца твоего они исходятъ. Покорно гнетъ онъ шею передъ твоимъ именемъ. Великій господинъ! дозвожь мнѣ сказать тебѣ все про твою страну, что она терпитъ, какъ она страдаетъ! Дай мнѣ раздуть огонь твоей жалости, пока онъ еще тлѣетъ подъ пепломъ...

Отаръ-бегъ. Не говори о жалости. Ты ее видишь послѣдній. (*Гнѣвно*). Иди, пока еще ты не раздулъ моего гнѣва, вмѣсто жалости. Сейчасъ, передъ тобой, на меня глядѣли, меня молили о жалости, вмѣсто твоего тусклаго глаза, пара такихъ глазъ... Уходи скорѣй!.. (*Вбѣгаетъ Бессо, весь дрожа отъ страха*).

11.

Бессо. Великій господинъ! Царица со свитой идетъ слѣдомъ за мной.

Отаръ-бегъ. Ты обезумѣлъ! (*Въ глубинѣ показываются Дато и Эрекле*).

Бессо. Нѣтъ, господинъ! Вотъ она! (*Падаетъ на колѣни. Входятъ Зейнабъ, Рукайя, за ними Аль-Разакъ, нѣсколько рабынь и воиновъ въ кольчугахъ и шлемахъ, обвитыхъ галмой, съ обнаженными саблями; лица женщинъ закрыты до глазъ. Отаръ-бегъ падаетъ на колѣни. Ананія тоже*).

Зейнабъ (*не снимая покрывала*). Хороша твоя стража, Отаръ-бегъ. Никто даже не предупредилъ тебя о моемъ приѣздѣ. Но когда ѣдешь къ измѣннику, надо заставить его врасплохъ. Я велѣла хватать всѣхъ твоихъ воиновъ, кто встрѣтился мнѣ на пути. Отчего ты не при твоёмъ отрядѣ? Что ты дѣлаешь здѣсь, въ своемъ загородномъ домѣ? Какъ ты рѣшился бросить свой гаремъ?

«Измѣна», драма кн. А. И. Сумбатова.

Солейманъ (г-нъ Айдаровъ).

Слаба (г-нъ Рыжовъ).

Рукайя (г-жа Яблочкина).

(Исполнители Императорскаго Малаго театра).

Отаръ-бегъ. Великая царица, я здѣсь собираю дары царю царей по твоему повелѣнію. Завтра съ разсвѣтомъ я собирался къ высокому твоему порогу въ Тифлисъ отвезти дочь, золото, серебро и коней. Я уже отдалъ прикаазъ—допроси моихъ слугъ.

Зейнабъ. Я устала съ пути и проведу ночь въ твоёмъ домѣ.

Отаръ-бегъ. Стѣны расширятся, крыша поднимется до облаковъ, великая повелительница. Эй, слуги! Готовьте пиръ, зовите рабынь. Луна Грузіи отдыхаетъ у своего раба... *(Хочетъ идти)*.

Зейнабъ. Стой. Пиръ мнѣ не нужны. Рабыни со мной.—Аль Разакъ! Разставь стражей у всѣхъ дверей. *(Указываетъ на крыло дома, выступающее впередъ)*. Я займу эти покои. *(Аль Разакъ приклонившись уходитъ. Царица Зейнабъ взглядываетъ на Ананію и, узнавъ его, хватается за сердце съ подавленными криками)*.

Рукайя. Что съ тобой, госпожа?

Зейнабъ. Ничего, дитя. Я устала съ дороги. Мнѣ кольнуло въ грудь. *(Отаръ-бегу)*. Кто этотъ человекъ?

Отаръ-бегъ. Сельскій староста изъ-за Ананура, государыня. Привель трехъ коней въ даръ твоему могуществу.

Ананія. Всѣ кони хороши, великая царица! Но одинъ изъ нихъ—несравненной цѣны.

Зейнабъ *(дрогнувшимъ голосомъ)*. Это могучій... боевой конь?

Ананія. Въ немъ течетъ царственная кровь семнадцати колѣнь.

Зейнабъ. Ты хорошо его знаешь?

Ананія. Я растилъ и любилъ его больше сына.

Отаръ-бегъ. Я думаю, царица, онъ чистыхъ арабскихъ кровей. Падишахъ будетъ доволенъ.

Зейнабъ. Падишахъ будетъ доволенъ.

Ананія. Ужъ не знаю, угодить ли онъ падишаху, но капли въ немъ нѣтъ крови ни арабской, ни персидской. Въ немъ наша кровь. *(Оборачивается и подзываетъ знакомъ дѣтей)*. Мои сыновья лучше знаютъ коня. *(Эрекле и Дато подходятъ. Рукайя, встрѣтившись глазами съ Эрекле, быстро, какъ бы нетяжко, роняетъ покрывало. Эрекле вздрагиваетъ и замираетъ отъ восхищенія)*.

Зейнабъ *(блѣдная, внѣ себя отъ волненія, не сводитъ глазъ съ Эрекле)*.

Ананія. Одинъ изъ нихъ обѣзжалъ коня.

Зейнабъ (*погасающими голосомъ*). Который?

Ананія. Тотъ, на кого ты глядишь.

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Та же декорация. Ночь. Луна на ущербѣ. Небо облачно.

Входитъ Эрекле, за нимъ крадется Дато. Вся сцена идутъ въ полголоса, но очень быстро и въ возбужденномъ тонѣ.

1.

Дато. (*кладя ему руку на плечо*). Что ты здѣсь дѣлаешь?

Эрекле (*оборотиваясь, вздрогнувъ отъ внезапности*). Ахъ, это ты, Дато!?

Дато. Да, я. Кого ты ждешь?

Эрекле. Уйди отсюда! Это не твое дѣло!

Дато (*настойчивѣе*). Отвѣчай, кого ты ждешь?

Эрекле (*вспыхнувъ*). Какъ ты смѣешь слѣдить за мной?

Дато. Развѣ тебѣ надо что-нибудь скрывать отъ меня? Прежде этого не было.

Эрекле. Я жду дѣвушку.

Дато. (*вспыхнувъ*). Гаянэ?

Эрекле. Я не знаю, какъ ее зовутъ. Уйди!

Дато. (*все болѣе горятась*). Слушай, братъ. Уйди ты отсюда. Я ее встрѣтилъ первый, я ее цѣловалъ. Я ее не отдамъ за жизнь, слышишь?

Эрекле (*тоже вспыхливо*). Ты лжешь! Когда ты могъ ее цѣловать! Она не отходила отъ царицы. Ее стерегутъ. Когда царица упала замертво, она едва успѣла шепнуть мнѣ: „приходи сюда, когда всѣ уснутъ“. И ее увели. (*Хватаясь за кинжалъ*). Когда ты могъ цѣловать ее? Говори!

Дато (*понявъ свою ошибку*). Оставь кинжалъ. Я цѣловалъ другую. (*Смѣется*). Какъ весело, Эрекле! А сейчасъ мы чуть было не зарубили другъ друга. Будь это Гаянэ, одинъ изъ насъ сталъ бы Каиномъ.

Эрекле (*хмурясь, не вѣря*). Кого другую? Здѣсь не было никого, кромѣ нея, царицы и закутанныхъ старухъ.

Д а т о (*размахисто*). Правду говорить пѣсня: — „Ты свѣтъ моихъ глазъ“. У всякаго свой и ничего кромѣ свѣта своего не видишь. Ну, если и тебѣ не нужень, я уйду. Только смотри, Эрекле, береги голову. Персы не шутятъ, а эти черные дьяволы арабы еще хуже. Искрошатъ тебя, какъ луковицу. Свисни, если они кинутся—я буду близко.

Э р е к л е. Нѣтъ, стой! Кого ты цѣловаль? Я здѣсь никого не видѣлъ, кромѣ нея.

Д а т о (*смѣясь*). Даже царицу?

Э р е к л е. Что мнѣ царица!? Отвѣчай, Дато!

Д а т о. Да постой. Братья мы или нѣтъ, наконецъ?

Э р е к л е. Были братья, пока ты не обманулъ меня.

Д а т о. Ну, слушай. У Отарь-бега есть дочь, Гаяна. За ней и пріѣхала сюда царица—ее увозятъ въ Персію въ даръ падишаху. Да не увезутъ, Эрекле! Если бы ты ее видѣлъ! Не увезутъ! Я встрѣтился съ ней здѣсь. Она, какъ серна, вылетѣла изъ-за кустовъ, и стала, какъ вкопанная... а я.. О братъ мой! и жизнь и смерть—все теперь для нея!

Э р е к л е (*все еще подозрительно*). Это не она стояла рядомъ съ царицей?

Д а т о. И сдернула покрывало, чтобы тебя ослѣпить! (*смѣясь обнимаетъ его*). Клянусь Святымъ Георгіемъ, нѣтъ! И эту, и всѣхъ другихъ женщинъ цѣлаго свѣта я отдаю кому угодно, а лучшую—тебѣ. Гаяна убѣждала въ эту сторону, и я видѣлъ тутъ въ чащѣ небольшую высокую башню надъ самой рѣкой. Должно быть она тамъ. Я не успѣлъ прослѣдить. Я туда и крался, когда увидѣлъ тебя, и мнѣ показалось... (*огонь серьезно*). Знаешь, братъ мой, Богъ спасъ и тебя, и меня. Будь благословенъ пріѣздъ царицы и ея спутницы.

Э р е к л е. Слушай, Дато! Ты теперь долженъ понять меня. Скажи она мнѣ, брось отца, мать, честь, вѣру, родину—и я все брошу!

Д а т о (*беззаботно*). Ну, моя мнѣ не скажетъ, а если бы сказала, такъ я ей велѣлъ бы бросить свою вѣру и родину для меня! Нѣтъ, нѣтъ, ты не то говоришь! (*все превозжигъ*). Помнишь слова отца по дорогѣ сюда? Дѣти, не на веселье мы ѣдемъ теперь—на большое дѣло. Что это значило, Эрекле?

Э р е к л е (*глядя въ окно*). Какъ тяжело ждать. Она мнѣ успѣла показаться вечеромъ въ этомъ окнѣ и сдѣлать знакъ. Я брошу камешекъ.

Д а т о. Брось лучше песокъ. (*Продолжая свое раздумье*). Пора кон-

читать съ этимъ позоромъ. Мы не люди — мы скотъ мусульманъ! Мы молимся тайкомъ въ глухихъ ущельяхъ, наши церкви разрушены! У насъ отнимають наши стада, нашъ хлѣбъ и плоды. У насъ отнимають сестеръ и невѣсть и продають ихъ на рынкахъ и поворятъ на нашихъ глазахъ. Мнѣ противно думать о томъ, что надо ѣсть и спать, когда это ярмо давить шею. Чего ждать? Чего ждать, Эрекле?

Эрекле (*не слушавшій*). Да, ждать — хуже смерти. Я брошу песокъ.

Дато. Разбудишь стражу. (*Опять о своемъ*). Когда я взглянулъ ей въ глаза, сила моя поднялась изъ сердца, выросла, какъ горный потокъ, залила меня. О, какъ я силенъ, Эрекле, какъ я сталъ силенъ. Ея голосъ зазвучалъ мнѣ въ уши, какъ боевой рогъ! Ея голосъ сказалъ мнѣ — часъ насталъ. Бейся за Бога, за родину, за волю, за меня!

Эрекле. Тсс... она идетъ. (*Справа слышны шаги и голоса. Оба прислушиваются*).

Дато (*шопотомъ*). Мужскіе голоса... Притаимся. (*Прячутся въ ташу*).

2.

Изъ глубины входятъ Бессо, Ананія и Сабба. Сабба высокаго роста, сухощавый, съ бодрыми веселыми глазами и длинными волосами. Одѣтъ, какъ Глаха, но цвѣта еще строже и одежда изорвана.

Голова ве покрыта. Въ рукъ простая палка въ корь. За поясомъ книжаль.

Бессо (*шопотомъ*). Тише, отецъ. Подожди здѣсь. Я посмотрю, какъ пройти безопаснѣе въ подземелье. Тамъ собираются наши и ждутъ тебя. Не хотѣли и разговляться безъ молитвы — вотъ цѣлая недѣля. (*Тихо кридучись, уходитъ за доми*).

Ананія (*уводя Саббу въ тѣнь аллеи*). Откуда, куда, отецъ Сабба?

Сабба (*весельмиъ, звучными басомъ*). Молимся и деремъ, сынъ мой. Будимъ людей.

Ананія. Гдѣ былъ послѣ Ананура?

Сабба. Прошелъ въ Кахетію. Ухъ, тяжело тамъ! Всего три раза пришлось помолиться, да и то въ погребяхъ, а восемь разъ отбиваться. Ни одной службы не довелось отстоять безъ схватокъ.

Ананія. Былъ у Хевсуровъ?

Сабба. Храбрый народъ. Тамъ отдохнулъ немного. Набралъ изъ нихъ, изъ Пшавовъ, изъ Тушинцевъ отчаянныхъ головъ — кинулся съ ними къ Казбеку. Отбили и крѣпость, и святой храмъ Гергетскій — успѣли

поговѣтъ три дня. Только какъ разъ въ Благовѣщенье—люди причащаются собрались—въ самую середину обѣдни обложили насъ Гудаурскія войска. Выпилъ я все Святое Причастіе, чтобы не досталось на поруганіе проклятымъ... Взялъ крестъ въ одну руку, въ другую—старую сѣкиру — а ужъ нашихъ мало оставалось. Однако, пробились и разсыпались по Осетіи. Пробрался къ Боржомскимъ горамъ,—вездѣ вѣдь христіанская душа или входитъ, или исходитъ изъ тѣла. Надо и встрѣтить, и проводить. Оттуда сюда на плотахъ меня привезли добрые люди. На водѣ встрѣтили Свѣтлый Праздникъ и разговѣлись. А вчера помолились въ подземельѣ у Божьей крѣпости. А мало насъ осталось, Ананія, сынъ мой, охъ мало! Сколько погибло мучениками! А вотъ меня не удостоилъ Господь пока!

Ананія. Слышалъ? Католикоса убили!

Сабба. Слышалъ! Охъ слышалъ! Мученикъ! Мученикъ! Его убили, а я, грѣшный, въ эту ночь радовался съ людьми на плотахъ. Да вѣдь и то: кабы всѣ были мучениками, кому-жъ отстоятъ Святой Крестъ? Охъ, грѣшень я, грѣшень—нѣтъ во мнѣ смиренія! Кровь то сильнѣе меня... Забушаетъ душа—и нѣтъ ей удержу! Охъ, охъ, охъ!

Ананія (*сокрушенно*). Забылъ насъ Господь!

Сабба (*сурово*). Не забылъ Господь удѣлъ Своей Матери! Вѣрять Господь силѣ слугъ своихъ! Я вдоль и поперекъ исходилъ нашу землю! Отъ моря до моря, отъ Царьграда до Инда, отъ Китая до Аравіи бушуетъ Исламъ. Какъ горчичное зерно, мала земля наша среди его необъятныхъ волей—одна она, но Господь съ ней! Съ ней, говорю тебѣ! И сбережетъ она Его Святой Крестъ! Пронесемъ его! Говорю тебѣ, сквозь кровь пронесемъ, да будетъ его святая сила намъ въ помощь во вѣки вѣковъ.

Ананія (*пляжело вздыхая*). О, Господи! Скоро ли? Скоро ли...

Сабба. Скоро. Выросли дѣти тѣхъ, кто палъ вмѣстѣ съ нашей землей двадцать лѣтъ назадъ. И тѣхъ, кто продалъ землю! Но матери ихъ, качая, пѣли имъ пѣсни о родинѣ, осѣняли Святымъ Крестомъ! Говорю тебѣ—выросли воины, старый боецъ. Я видѣлъ ихъ тысячи, я слышалъ ихъ рѣчи! Да благословить Богъ ихъ матерей! Вождя только нѣтъ!

Ананія (*наклопясь къ Саббѣ*). Есть. Слушай мою исповѣдь, отецъ. Трое въ цѣломъ мірѣ знали эту тайну. Двадцать лѣтъ я молчалъ, какъ могила. Но и я чую, часъ насталь. Иди. Говори дѣтямъ Грузіи, воинамъ нашимъ, теперь эту тайну. Пусть она воссламенитъ ихъ души на великій подвигъ. Слушай. Царевичъ Георгій живъ!

С а б б а. Ананія! Не надо обмана. Безъ обмана, безъ ложныхъ именъ свершится спасеніе.

А н а н і я (*сурово*). Молись Богу, отецъ! Я не лгу!

С а б б а. Сына царя Теймураза растопталъ конь Солеймана. Ананія! И онъ живъ? Я видѣлъ это! И онъ живъ?

А н а н і я (*опустивъ голову на грудь*). Нѣтъ, отецъ. Кого бросили подъ копыта коня--того нѣтъ. Это былъ мой сынъ. Помолись за него. (*Молчаніе. Сабба смотритъ вверхъ, губы его шевелятся. Глаза полны слезъ. Ананія погруженъ въ тяжкія думы*). И за меня помолись, отецъ! Мой грѣхъ. Я самъ того хотѣлъ.

С а б б а (*важно*). Прощаю и отпускаю тебѣ. Гдѣ юноша?

А н а н і я. Царица укажетъ!

С а б б а. Гонительница наша?

А н а н і я. Спасительница наша!

С а б б а. И есть доказательства? Знаки?

А н а н і я. Есть, отецъ!

С а б б а. Гдѣ же выросъ царевичъ?

А н а н і я. У меня! (*Входитъ Бессо*).

3.

Б е с с о. Всѣ наши собрались на молитву, отецъ, въ заброшенномъ подземельи для загона быковъ.

С а б б а. И Христось родился въ ясляхъ. Куда итти?

Б е с с о. Сюда. За мной... И тише... Проклятый евнухъ, кажется, не спитъ... Идемъ, я провожу тебя такъ, что ни мой господинъ, ни самъ Солейманъ ничего не пронюхаетъ. (*Всѣ трое уходятъ*).

Д а т о (*выходя изъ засады. Лицо его взволнованно и блѣдно*). Ты слышаль, что сказалъ отецъ?

Э р е к л е. Да, но я не понялъ. Какой царевичъ живъ?

Д а т о. И я не понимаю. Кто же росъ у отца? Ты и... и я?

Э р е к л е (*смѣясь*). Кто же изъ насъ царевичъ?

Д а т о. Тебѣ смѣшно? (*Рукайя въ бѣломъ покрывалѣ осторожно показывается между деревьями*).

Э р е к л е. (*Вздвогнувъ, забывъ все*). Платье мелькнуло въ кустахъ! (*Кидается въ сторону Рукайи*).

Д а т о (*задумливо, понуривъ голову, скрывается въ аллею*).

Р у к а й я (*быстро обвиваетъ его шею руками. Долгій поцѣлуй*). Меня убьютъ, если застанутъ съ тобой. Какъ тебя зовутъ?

Э р е к л е. Эрекле.

Р у к а й я. Кто ты? Откуда?

Э р е к л е. Я воинъ съ горъ.

Р у к а й я. А мои братья — моряки. Ихъ всё боятся. Они меня продали.

Э р е к л е (*страстно*). Тебя? Продали? Кому? Ты моя навсегда! Никто тебя не полюбитъ, какъ я! Я сожгу тебя ласками! Я... (*цѣлуетъ ее*).

Р у к а й я (*вдругъ вырвавшись*). Тише! (*прислушивается*).

Э р е к л е (*охватенный страстью, держитъ ее въ объятіяхъ*). Чего ты боишься со мной? Кто въ силахъ тебя вырвать изъ моихъ рукъ? Ты моя навсегда.

Р у к а й я. (*Пегально и страстно*). Я твоя только этотъ мигъ, сіяніе моей души! Цѣлуй меня, пока я въ твоихъ рукахъ! Я все забыла, едва увидѣла тебя—только бы прильнуть къ тебѣ, только бы упиться твоимъ дыханіемъ, хоть разъ, хоть мигъ,—а тамъ пусть опять неволя, даже смерть. (*Опускаетъ голову на его грудь*).

Э р е к л е. (*осыпая ее поцѣлуями*). Зачѣмъ говорить о смерти! кто смѣетъ коснуться тебя, когда ты на моей груди?

Р у к а й я (*съ страстной нѣгой обвиваясь вокругъ него, какъ змѣя*). О если бъ быть теперь далеко—далеко... тамъ, гдѣ я жила и росла, у моря Мингреліи. Если бы качаться на волнахъ въ легкой фелукѣ съ тобою вдвоемъ... и слушать ласковый плескъ воды и глядѣть то на звѣзды неба, то на звѣзды твоихъ глазъ—и вдыхать благоуханіе прибрежныхъ цвѣтовъ и твоего дыханія... И пѣть тебѣ пѣсни любви... И растаять въ тебѣ, какъ облака таютъ въ огнѣ солнечныхъ лучей...

Э р е к л е (*обезумлевъ отъ страсти*). Хочешь бѣжать? Здѣсь во дворѣ мои бони, быстрѣе вѣтра и молніи. Друзья мои стерегутъ ихъ! Мы умчимся, какъ вихрь—не догнать насъ всѣмъ воинамъ царскимъ (*хочетъ итти*).

Р у к а й я (*схвативъ его*). Нѣтъ.—Кругомъ стража... И здѣсь каждый мигъ... (*прислушивается*). Когда можно будетъ бѣжать, я скажу тебѣ. Слушай—ты знаешь, кто я?

Э р е к л е. Я знаю, что я твой рабъ, а ты—моя царица!

Рукайя (*съ лукавой властью въ голосъ*). Такъ ты знаешь меня? Да, я—Рукайя—любимая раба царя Солеймана! Царица стара, надоѣла царю. О, я это видѣла... И я буду царицей! Мнѣ это предсказала старуха, когда меня продавали. Я плакала сперва, а когда я узнала, что буду царицей, я перестала плакать. Куда же ты увезешь меня отъ власти царя Грузіи? На насъ будутъ охотиться, какъ на дикихъ звѣрей, и когда насъ схватятъ... О, ты не знаешь царя Солеймана!

Эрекле. Ты—рабыня царя Солеймана?

Рукайя (*съ гордостью*). Да! А буду женой, когда онъ велитъ убить царицу. (*Таинственно*) Это скоро будетъ. Онъ поручилъ мнѣ смотрѣть за ней. Онъ не вѣритъ ей,—о, не измѣны ея онъ боится! Не будь она раньше самого царя царицей вашей, онъ давно подарилъ бы ее кому нибудь изъ своихъ слугъ. Такъ онъ цѣнитъ ея красоту! И теперь, когда мы вернемся, мнѣ стоитъ сказать царю слово—и голова ея скатится съ плечъ. Ты не знаешь Солеймана! Онъ любитъ кровь. Разъ онъ велѣлъ казнить двѣнадцать человекъ передъ моими окнами! И каждый разъ какъ слетала голова и брызгала кровь, я видѣла, онъ дѣлалъ такъ (*шурился*).

Эрекле (*со взрывомъ ревности*). Зачѣмъ же ты звала меня сюда, если ты его раба и наложница? Зачѣмъ ты свергнула мнѣ въ глаза своей непобѣдимой красотой? Я не раздѣлю тебя ни съ кѣмъ! Слышишь! Ты должна быть только моей! Только моей!

Рукайл. Ты глупый мальчишъ! Или ты не хочешь меня совсѣмъ? Развѣ я люблю царя? Я люблю тебя—я для тебя пошла на смертельную опасность...

Эрекле (*дрожащимъ отъ горя и страсти голосомъ*). Рукайя!..

Рукайя. Молчи! (*Цѣлуетъ его въ губы*). Не ревнуй меня. Онъ старъ, а ты молодъ. Развѣ можно любить, его, когда знаешь тебя? Но онъ царь... И онъ грозенъ, какъ мечъ. Онъ страшенъ, какъ смерть. Ты знаешь — у него всегда одинъ взглядъ и одинъ голосъ—и для любви, и для гнѣва, и для ласки, и для казни. Когда онъ глядитъ, взглядъ его пронизываетъ камень. Мнѣ и теперь кажется, точно онъ изъ Тифлиса видитъ меня съ тобой сквозь горы, лѣса, стѣны и скалы.. (*Дрожь, прижимается къ Эрекле. Тотъ невольно вздрагиваетъ и озирается. Она шепчетъ тихимъ, вибрирующимъ слухомъ*). Видишь, и ты дрожишь... Куда же мы убѣжимъ отъ него?

Эрекле (*схватившись за голову*). Ты меня лишила разума, я не понимаю, что со мной. Мнѣ нужно одно—видѣть тебя, дышать тобой!..

Рукайя (съ той же пѣгой и страстью). И мнѣ... и я хочу только тебя!.. (Аль Разакъ показывается въ тѣни и слушаетъ). О, какія у насъ будутъ ночи, мой безцѣнный! Я умѣю скользить, какъ змѣя въ темнотѣ. Шаги мои—легче пуха. Я перешагну черезъ спящую собаку и вернусь, не разбудивъ ее... Будь покоренъ моей волѣ, и я дамъ тебѣ такое счастье, какого не зналъ ни одинъ человѣкъ... (быстро съ легкимъ крикомъ вскакиваетъ и оборачивается къ кустамъ, за которыми спрятался Аль Разакъ). Кто то есть... (Эрекле кидается въ кусты и схватываетъ Аль Разака).

5.

Аль Разакъ (хочетъ крикнуть). Сюда... (Эрекле однимъ движениемъ зажимаетъ ему ротъ и хватается его за горло).

Рукайя (подбѣгая и узнавъ Аль Разака). Убей его! Убей его!

Эрекле. Я подарю тебѣ жизнь, если ты поклянешься...

Рукайя. Убей его! Это евнухъ! Это собака! Онъ поклянется и погубить и меня, и тебя! Убей же его!

Эрекле (выхватываетъ кинжалъ, замахивается — и останавливается). Рукайя, онъ глядитъ...

Рукайя. Трусъ! Бей!

Эрекле (съ размаху бьетъ его кинжаломъ въ сердце. Евнухъ валится безъ стопа. Въ ужасѣ). Я убилъ!

Рукайя (нагибается и глядитъ въ глаза убитому). Теперь онъ ничего не расскажетъ. (Страстно и долго цѣлуетъ Эрекле. Быстро). Жди моей вѣсти! Будь всегда близко. Вѣги! (Неслышно пропадаетъ въ тѣни. Вбѣгаетъ Дато съ другой стороны).

6.

Дато. Отаръ-бегъ со стражей обходить домъ... Что это?

Эрекле (почти не сознавая ничего). Евнухъ. Я убилъ его. Она приказала.

Дато. Погубишь ты всѣхъ! Бѣжимъ! Притворимся спящими. (Увлекаетъ Эрекле. Входитъ Отаръ-бегъ въ боевомъ костюмѣ. За нимъ стража).

7.

Отаръ-бегъ (одному изъ стражей). Приведи смѣну. Я не лягу всю ночь.

Одинъ изъ стажей. Посмотри, господинъ... Здѣсь человѣкъ... Онъ убитъ... *(Отаръ-бегъ и стража подходятъ. Крикъ ужаса: „Аль Разакъ!“)*.

Отаръ-бегъ. Да... Аль Разакъ! Скорѣе, воды...

Одинъ изъ стражей. Онъ не дышитъ.

Общій говоръ. Убить кинжаломъ въ сердце... Измѣна... Обыскать надо садъ... На помощь! *(Въ окнѣ второго этажа, съ рѣшеткой, показывается царица Зейнабъ)*.

8.

Зейнабъ. *(повелительнымъ голосомъ)*. Кто смѣетъ тревожить мой покой? *(Зоветь, обернувшись въ комнату)*. Аль Разакъ! Сойди внизъ! Повови Отаръ-бега и стражу...

Отаръ-бегъ *(внизу)*. Отаръ-бегъ здѣсь, государыня! Онъ бережетъ твой сонъ. Не смыкая глазъ, мы ходимъ со стражей всю ночь вокругъ дома.

Зейнабъ *(гнѣвно)*. Аль Разакъ!

Отаръ-бегъ *(дрожащимъ голосомъ)*. Аль Разакъ убитъ, царица! Мы сейчасъ нашли его трупъ. Вотъ онъ. Крики стражи разбудили тебя.

Зейнабъ *(пораженная)*. Убить? Кѣмъ?

Отаръ-бегъ. Я не знаю, царица. *(Сбѣгаютъ стража и люди Отаръ-бега. Между ними Бессо, Ананія, Дато и Эрекле. Общее волненіе)*

9

Зейнабъ *(уходя отъ окна)*. Убить Аль Разакъ *(Скрывается)*.

Отаръ-бегъ *(грозно, окружающимъ)*. Эй, вы, слуги! Въ моемъ домѣ убитъ присланный ко мнѣ повелителемъ его ближній слуга и сановникъ. Чья рука смѣла опозорить мой дочь? *(Молганіе)*.

Нѣсколько человѣкъ изъ стражи. Это христіане! Мы въ засадѣ! Къ оружію! Бей проклятыхъ псовъ! *(Хватаются за сабли, лица разгораются)*.

Бессо и нѣск. слугъ Отаръ-бега. Мы не знали убитаго... Мы вѣрные слуги великаго господина! Вы сами, можетъ, ненавидѣли его... Убили здѣсь, чтобы свалить на насъ. Измѣна! *(выхватываютъ сабли и кинжалы. Въ окнахъ показываются перепуганныя женщины. Споры грознѣе и грознѣе, крики женщинъ)*.

Стража. Надо истребить это невѣрное гнѣздо!.. Ла Илла иль Алла! Бей! бей!

Слуги Отарь-бега. На помощь, Христовы люди! Людей Отарь-бега бьют!

О д и. Проклятыя собаки!

Другіе. Хищные волки!.. *(Все это происходит съ необычайной быстротой. Сверкают сабли и кинжалы. Люди той и другой партіи сбѣгаются съ разныхъ сторонъ).*

Отарь-бегъ *(еромовымъ голосомъ)*. Мечи въ ножны! Собаки! *(Всѣ стихаютъ)*. Или не я вождь Карталинскихъ войскъ царя Солеймана? Или не довольно моего слова, чтобы полетѣли головы правыхъ и виноватыхъ? Мечи въ ножны, говорю я. *(Всѣ вкладываютъ мечи и лишь облизываются грозными и злобылими взглядами)*. Воины и люди! На мою сѣдую голову палъ позоръ! Никто со стороны не могъ проникнуть сюда. Убійца—или мой слуга, или кто-нибудь изъ стражи. *(Ропотъ)*. Слушать меня! *(Указываетъ на 1-го стража, араба)*. Ибнъ Саадъ не отходилъ отъ меня всю ночь ни на шагъ. Ибнъ Саадъ! Вотъ тебѣ мой перстень. Скачи въ Гори и приведи сюда немедленно отрядъ въ пятьсотъ человекъ. *(Ибнъ Саадъ быстро и легко уходитъ)*. Теперь—искать убійцу! Если онъ не будетъ найденъ до прихода отряда, всѣ кто здѣсь стоитъ, всѣ, кто живетъ въ этомъ домѣ и кто прибылъ съ царицей, будутъ съ восходомъ солнца изрублены въ куски. *(Общій шумъ, волненіе. Слышны фразы)*. „Я былъ съ господиномъ... Я стерегъ коней... Я стоялъ на стражѣ... Прокляни Господь убійцу.. Сознавайтесь!.. За что гибнуть всѣмъ?..“ *(Говорятъ все сильнѣе и сильнѣе)*.

Д а т о *(во время послѣдняго шума отошелъ въ глубину и становится на высокой тынъ, рукою схватившись за колы)*. Эй, люди! *(Всѣ обернулись)*. Евнухъ пошелъ впередъ сказать Магомету, что скоро придетъ за нимъ и лютый волкъ Солейманъ! Послалъ его я, Дато Глаха! Ловите меня! *(Быстрыми скачками исчезаетъ за тыномъ. Всѣ съ страшными криками кидаются за нимъ)*.

Г о л о с а. Онъ вскочилъ на коня! Въ погоню!.. *(раздаются выстрѣлы)*.

Г о л о с ь Д а т о *(удаляясь)*. Стрѣляйте въ привязанныхъ, собаки... *(Страшный крикъ)*.

Г о л о с а. Коней! Трое погнались... Онъ далеко впереди... *(отдаленный выстрѣлъ)*. Керимъ упалъ съ коня... Онъ убилъ его... Отстаютъ... Еще трое... Не догнать...

О т а р ь - б е г ь *(въ бѣшенствѣ)*. Сто золотыхъ за его голову! Десять человекъ на коней и за нимъ! *(Десять человекъ убѣгаютъ. Взглядъ его*

падаетъ на Ананію и Эрекле). Схватить этихъ двухъ! (Воины и слуги кидаются на Ананію и Эрекле и схватываютъ ихъ). Они отвѣтятъ мнѣ за все! Раскалить желѣзо. Несите тѣло. Ведите ихъ за мной! (Въ дверяхъ башни появляется Зейнабъ, опираясь на старую рабыню, и Рукайл, прижавшая къ царцѣ).

10.

Зейнабъ. Отаръ-бегъ? Что это значить? (Всѣ стихаютъ).

Отаръ-бегъ (склоняясь). Измѣна прокралась въ мой домъ, государыня! Три змѣи вползли ко мнѣ, смиренно легли подъ моей кровлей и на смерть ужалили моего гостя и друга. Дай мнѣ расправиться съ ними, а тамъ ужъ суди меня. Одинъ убѣжалъ, но двое въ моихъ рукахъ. Я скоро вернусь, государыня! Ведите ихъ!

Зейнабъ. Стойте! Я сама допрошу ихъ. (Узнавъ Эрекле и Ананію, поблѣднѣвъ). Это убійцы?!

Отаръ-бегъ. Его сынъ, государыня, братъ этого мальчишки!

Зейнабъ. (Въ молчаніи сходитъ со ступеней. Между ней и схваченными стоишь дрожащій отъ ярости Отаръ-бегъ. Четверо держатъ Ананію и Эрекле. Группа воиновъ изъ десяти—двѣнадцати человекъ стоишь за ними. За Зейнабъ—Рукайл. Человекъ шесть подняли тѣло Аль Разака и стоятъ съ нимъ отдѣльной группой. Въ окнахъ лица женщинъ). За что вы убили его?

Ананія (прислушиваясь). Ни въ чемъ мы, великая царица, не виноваты! Ни я, ни сынъ и не знали, что задумалъ этотъ злодѣй! На горе себѣ я его выростилъ! (Прислушивается).

Зейнабъ (съ глубокой любовью глядя на Эрекле, но суровыми тономъ). Какъ ты могъ, ребенокъ, пойти на такое дѣло?

Эрекле (глядя на Рукайл, которая незамѣтно дѣлаетъ отрицательное движеніе головой). Я ничего не зналъ, царица!

Ананія. Мы съ нимъ спали у коней, царица! Допроси всѣхъ, кто былъ въ конюшнѣ... Вдругъ, слышимъ крики... бѣгутъ... Мы вскочили... Я еще спрашивалъ у всѣхъ, не видалъ-ли кто Дато...

Отаръ-бегъ (яростно). Лжешь, старая собака!.. Я тебя знаю!..

Зейнабъ (Отаръ-бегу). Кто смѣетъ допрашивать преступника вмѣстѣ съ царяцею?

Отаръ-бегъ. Прости, повелительница!

Зейнабъ. Внести тѣло въ домъ. (Тѣло уносятъ. Стражи и людмъ).

Разойдитесь по своимъ мѣстамъ. (*Всп, кроми тетверыхъ, держащихъ Ананію и Эрекле, расходятся*). Иди спать, красавица, никто больше не потревожитъ твой сонъ.

Рукайя (*не желая уходить*). Я боюсь, госпожа, безъ тебя.

Зейнабъ (*властно*). Иди, дитя! Ночная роса и тревога повредятъ твоей красотѣ. А чтобы ты не боялась, у дверей твоихъ стануть стражи. Иди!

Рукайя (*злобно взглянувъ на царицу*). Исполняю твое повелѣніе, госпожа. (*Проходя мимо Эрекле, останавливается и говоритъ царицѣ нѣжными, плавными голосомъ съ особенными значеніемъ*). Ты велишь казнить ихъ теперь же, царица?

Зейнабъ (*изумленная, выпрямляясь*). Зачѣмъ тебѣ знать мое рѣшеніе?

Рукайя (*униженно*). Можетъ быть повелитель захочетъ самъ допросить ихъ, царица. Прости мое глупое слово! (*Цѣлуетъ ея руку и уходитъ, взглянувъ на Эрекле*).

11.

Зейнабъ (*Отаръ-бегу, глядя на Эрекле*). Рукайя права. (*Съ трудомъ*). Сковать ихъ, и чтобы волосъ не упалъ съ ихъ головы! Уведите ихъ! (*Ананію и Эрекле уводятъ. Она долго слѣдитъ за ними взглядомъ и изнеможенная падаетъ на тахту подъ деревьями, Отаръ-бегъ кидается къ ней*).

Отаръ-бегъ. Великая царица, прости меня! Я, старый твой слуга, не уберегу твоего покоя. (*Голова его трясется*). Я заслужилъ казнь — и не прошу пощады.

Зейнабъ. И не жди ее, Отаръ-бегъ!

Отаръ-бегъ. Царица великая, могучая царица! (*Становится на колѣна*). Твоя грозная опала погубила меня. Но пусть одна моя кровь насытитъ твой гнѣвъ! Помилуй дочь мою, государыня. Зачѣмъ тебѣ ея жизнь?

Зейнабъ. Такъ ты ее любишь?

Отаръ-бегъ (*безсвязно, ползая у ея ногъ*). О, царица! Если бы ты ее слышала... Я и самъ не зналъ, какъ я люблю ее... Самъ я продажный, развратный, Бога своего позабывшій... а въ ней моя молодость, госпожа великая! Давно я ея не видалъ — увидѣлъ сегодня... О, госпожа! Великая, могучая царица! Все я отдалъ тебѣ и царю... все забылъ для его и твоей славы и мощи... Не измѣнникъ я, великая царица!.. Нѣтъ, не измѣнникъ.

Пусть одного меня сразитъ твой гнѣвъ—отпусти ее на волю! Не губи ея души... губи одного меня! (*Рыдая цѣлуетъ ея платье*).

Зейнабъ (*радостно, но подавляя радость*). Отаръ-бегъ! Кто же ее защититъ послѣ твоей смерти? Гдѣ же спасется она отъ руки тѣхъ, кто рыщеть по Грузіи, какъ волки среди стада овецъ?

Отаръ-бегъ. У меня есть одинъ вѣрный слуга. Онъ увезетъ ее въ Имеретію.

Зейнабъ. Не ты ли сказалъ мнѣ на-дняхъ—чѣмъ турки лучше персовъ и арабовъ? Нѣтъ ей прибѣжища нигдѣ, Отаръ-бегъ, нигдѣ! Нѣтъ свободнаго человѣка, нѣтъ пяди свободной земли отъ Каспія до береговъ великаго Чернаго моря. Всюду кровь и насиліе. Всюду нога ислама стоитъ на груди поверженныхъ. Всюду слезы и рабство. Всюду смерть, нищета, неволя, муки, пытки... и рабство, рабство, рабство — одно рабство, какъ черная ночь!

Отаръ-бегъ (*изумленный ея новыми тономъ*). Великая царица!..

Зейнабъ. Гдѣ она, эта царица? Кого ты зовешь такъ, Отаръ?

Отаръ-бегъ. Тебя, царица Зейнабъ!

Зейнабъ. Я знала царицу Тамару, а я—я раба, а не царица. Я помню Тамару молодую, гордую, съ непокрытымъ лицомъ, свѣтлую и радостную подругу царя Теймураза! Радость свободнаго Божьяго народа! Вокругъ меня тѣснились свободныя дочери и жены ваши, князья и дворяне Грузіи. Подъ нашимъ благословеннымъ небомъ, подъ звонъ святыхъ колоколовъ, среди благоуханныхъ садовъ и тучныхъ полей, проѣзжали мы къ роднымъ святынямъ въ великіе дни. Свободно приставали къ намъ встрѣчные люди—и шелъ царь съ царицей во главѣ свободнаго народа свободно молиться въ своихъ церквахъ. И свободныя пѣсни гремѣли на нашихъ пирахъ у подножья отцовскихъ храмовъ. И пировалъ царь во главѣ вольнаго народа, на вольной землѣ, подъ покровомъ небеснымъ. И великъ, неизмѣримо великъ былъ нашъ пиршественный чертогъ. Потолкомъ былъ небесный сводъ, стѣнами—лѣсистыя горы, поломъ—изумрудные холмы, а святыней—отцовскіе храмы. И свободно искалъ вольный грузинъ любви вольной грузинки. Безъ страха матери прижимали къ груди своихъ дѣтей. Безъ страха пахарь шелъ за своимъ плугомъ, пастухъ стерегъ свои стада, и каждый свободно собиралъ плоды въ своихъ садахъ. И Господь, окруженный своими святыми, улыбался Грузіи и благословлялъ съ небесъ радость своего вѣрнаго народа, един-

ственной опоры Своего Креста на всемя необъятномя Востока. — А теперь?

Отаръ - бегъ. Государыня!

Зейнабъ. Вотъ мы двое глядимъ другъ на друга, Отаръ! Мои глаза отучились плакать, но научились лгать, льстить и не спать отъ тревоги и думъ. А ты—ты могучій боець и другъ Теймураза, кто ты теперь со всей своей силой и властью? Ты—рабъ! Ты—собака въ глазахъ Солеймана, собака, годная только на то, чтобы ловить ему дичь, и дрожать подъ его кнутомъ, и бѣжать у ногъ его коня. За всю твою службу, у тебя берутъ любимую дочь и бросаютъ ее въ чужую страну на потѣху одной—двухъ ночей бича нашей родины. И тебѣ самому грозить смерть за чужое убійство гнусной твари—евнуха. А Грузія! Отаръ! Грузія! Взгляни, что кругомъ! Говорю тебѣ—одно рабство, одно рабство, какъ безпросвѣтная черная ночь!

Отаръ - бегъ. *(Хватался за голову)*. Царица! Царица!

Зейнабъ. А я? Знаешь ли, кого я сейчасъ велѣла сковать? Знаешь ли, кого я должна въ оковахъ привезти къ Солейману? Знаешь ли, кто умретъ въ лютыхъ пыткахъ на моихъ глазахъ? Отаръ, знаешь ли... кто? Мой сынъ!

Отаръ - бегъ *(пораженный)*. Какъ... царица... твой сынъ?

Зейнабъ. Двадцать лѣтъ я его не видала! Чужая рука взростила его. Чужіе глаза глядѣли, какъ онъ росъ, какъ мужалъ. Чужіе уши слышали его голосъ. А я не смѣла хоть разъ, хоть издали взглянуть на него цѣлыхъ двадцать лѣтъ. И сегодня въ первый разъ я увидѣла его—и не смѣла коснуться его, облить его моими слезами, прижать къ сердцу! И первое мое слово ему было—слово суда, а первая ласка—оковы!

Отаръ - бегъ. Какъ же онъ спасся, Тамара? Весь народъ знаетъ, что онъ погибъ!

Зейнабъ. Вспомни ту ночь послѣ боя, гдѣ былъ убитъ Теймуразъ и раздавлена Грузія. Израненный, съ немногими воинами, примчался ты, Отаръ, ко мнѣ въ Метехскій замокъ, возвѣстивъ мнѣ смерть мужа и гибель царства. И упалъ у моихъ ногъ, истекая кровью изъ этой раны. *(Указываетъ на шрамъ лица Отаръ-бега)*.

Отаръ - бегъ. Гибельный, страшный день!

Зейнабъ. Я стояла надъ тобой Отаръ, и прижимала ребенка къ груди. А послѣдніе остатки нашего войска рубились на стѣнахъ и падали

одинъ за другимъ. А войска Солеймана, какъ саранча, покрывали окрестныя горы по обоимъ берегамъ рѣки, и не было видно конца! И Тифльсъ пылалъ у подножія Метеха. И стѣны дрожали отъ воплей и стонувъ! И отъ зарева пожаровъ было свѣтло, какъ днемъ! И волны рѣки были красны отъ крови. И падалъ одинъ оплотъ за другимъ. И побѣдные крики враговъ становились все громче и громче. Три человекъ защищали послѣднюю твердыню: я, ребенокъ-сынъ на моей груди и полумертвый воинъ у ногъ моихъ—ты (*оба молятся*). О, я помню каждый мигъ этой ночи, точно она выжжена на моей груди. Ты очнулся, взглянулъ мнѣ въ глаза—помнишь, Отаръ?

Отаръ-бегъ (*глубоко взволнованный*). Помню, Тамара! Я поднялся и молча пошелъ умирать за тебя, цѣпляясь за стѣны, съ туманомъ въ глазахъ. Что было дальше—не помню. Очнулся я черезъ много дней—и видитъ Богъ, бился за тебя до тѣхъ поръ, пока не прошла грозная вѣсть, что ты... ты, Тамара!..

Зейнабъ. Стала царицей Зейнабъ, любимой женой Солеймана? Бичомъ моей родины и моего Бога!

Отаръ-бегъ. И я пошелъ по твоимъ слѣдамъ.

Зейнабъ (*схвативъ его за руку*). Такъ иди же по нимъ, Отаръ, до конца! Знаешь, что было послѣ тебя? Слушай же—и суди меня! Когда озвѣрѣлые персы ломились въ послѣдній оплотъ, Ананія Глаха, цѣпляясь какъ кошка по уступамъ, добрался по отвѣсной скалѣ надъ рѣкой до моего окна. Въ рукахъ его былъ ребенокъ. Великое дѣло свершилось въ этотъ мигъ, Отаръ! Великое дѣло! Оно стало свѣтить мнѣ всю жизнь, оно научило меня, какъ надо жить!

Отаръ-бегъ. Какое дѣло, царица?

Зейнабъ (*всл охваченная воспоминаніемъ*). Глаха сказалъ мнѣ. Персы ищутъ твоего сына. Онъ имъ страшнѣе всѣхъ. Отдай мнѣ его. Я тебѣ его верну, когда настанетъ день. Пусть мой сынъ умретъ за него.— И онъ взялъ моего сына и исчезъ въ окнѣ. А когда ворвалась орда и окружила меня, на моихъ рукахъ былъ его сынъ. И вытащили меня вмѣстѣ съ нимъ. Измѣнники—князья наши—нарядили меня въ царскій нарядъ, дали мнѣ въ руки золотое блюдо и на немъ ключи уже взятой крѣпости, вывели меня подъ руки за ворота, поставили на колѣни въ пыли. И связали бѣднаго малютку и положили у ногъ моихъ. И подыхалъ къ намъ царь Солейманъ, упоенный побѣдой. Взглянулъ на

«Измѣна», драма кн. А. И. Сумбатова.

Ганна (г-жа Косырева).

Сембать (г-нъ Полетаевъ).

Зейнабъ (г-жа Ермолова).

Ананія (г-нъ Красовскій).

(Исполнители Императорскаго Малаго театра).

ребенка—и копыто коня его ступило на его грудь. О, этот крикъ! Послѣдній крикъ! (*закрываетъ лицо*).

Отаръ - бегъ. (*потрясенный*). Мученикъ Божій! (*молчаніе*).

Зейнабъ (*вся ушла въ прошлое*). Иссахаръ служила мнѣ. Вмѣстѣ родились наши дѣти. И отецъ въ эту страшную ночь взялъ его изъ рукъ матери и принесъ его мнѣ. Эрекле его звали. И это имя носить теперь мой Георгій. Чтобы не навести враговъ на его слѣдъ, Иссахаръ осталась со мной, бросила домъ свой, и мужа, и послѣдняго сына. Сестра Ананіи замѣнила имъ мать. Годъ не знала я, что съ нимъ, спасся ли онъ, или тоже погибъ. Черезъ годъ вѣрный слуга далъ мнѣ знать, что Георгій живъ! Отаръ! Начались годы моего стыда, грѣха, позора! Я приняла ихъ проклятую вѣру. Чтобы заслужить его довѣріе, я стала такою, какъ онъ! Я требовала крови и угнетеній. Мое новое имя стало страшнѣе въ моей родинѣ, чѣмъ имя ея палача. Я была хороша — и моя красота стала игрушкой его прихотей. Честь, гордость, любовь, свое царственное величіе я волочила въ грязи у ногъ арабскаго выходца. Я научилась лгать, лгать лицомъ, голосомъ, страстью, всѣмъ своимъ существомъ!.. Шли годы... И гибли родные, друзья, вѣрные старые слуги. И я научилась не жалѣть никого! И жалость, и любовь, и муки совѣсти—все заглохло въ моей душѣ. Я уже не люблю никого—ни родныхъ, ни друзей, ни себя... даже сына. Я люблю только народъ, мой измученный, нищій народъ. Ему я принесла въ жертву мою царскую и женскую честь, правду сердца, спасеніе моей безсмертной души! Что я могла ему дать еще?

Отаръ - бегъ. Тамара! Или не было у тебя случая пронзить сердца врага?

Зейнабъ. Отаръ, развѣ для мести стоило отдавать то, что я отдала? И я раньше думала только о ней. Сколько разъ упоенный моими ласками онъ безоружный засыпалъ на моей груди. Мнѣ стоило протянуть руку—и этотъ проклятый песъ утолилъ бы мечь предсмертными корчами! Но развѣ мстить и только мстить должна была я, царица Грузіи, мать ея законнаго царя, дочь измученной, истерзанной отчизны? Что принесла бы его смерть? Развѣ она спасла бы отъ рабства? Развѣ мало у шаха такихъ же клеветовъ, еще свирѣпѣе, еще ужаснѣе? Нѣтъ, не мести ждала я! Я ждала того дня, когда накипитъ гнѣвъ народа, когда онъ хлынетъ, какъ горный потокъ, когда въ каждомъ рабѣ проснется, наконецъ, свободный человѣкъ! И этихъ людей поведетъ мой сынъ! И

вокругъ его стануть вольные бойцы. И къ его ногамъ, на его судъ положу я мой грѣхъ, мой позоръ. И грозно будетъ слово суда его для меня, его матери. Но отъ его же грозы рухнетъ могучій исламъ къ подножью Святого Креста!

Отаръ-бегъ. Царица! Святая царица!

Зейнабъ. Говорять нѣтъ счастья на землѣ! Нѣтъ, оно есть, Отаръ. Эти слезы на твоёмъ лицѣ—это счастье мое! Это взглядъ твой—грозный и свѣтлый—это счастье мое! Если ты, окруженный почетомъ и властью, не забылъ своей родины—какъ же могли забыть ее тѣ, кто зналъ только горе, позоръ и страхъ (*въ дверяхъ появляется Сабба*).

Отаръ-бегъ. Тамара, Тамара!

Зейнабъ. Отаръ! Подними свой могучій мечъ! Это не я, не сынъ мой, не дочь твоя зоветъ тебя! Тебя зоветъ на землѣ твой народъ, а съ неба—оскорбленный и поруганный Богъ! Зоветъ тебя съ неба ребенокъ, раздавленный конемъ Солеймана! Это сердце Грузіи, истекшее чистой невинной кровью.

Отаръ-бегъ. Веди, указывай, царица моя! Проклятыя моему подлому сердцу! Позоръ моей сѣдой головѣ, продавшей отчизну и Бога за почетъ и развратъ. Не молю я прощенья ни у тебя, ни у Бога... нѣтъ мнѣ его... Нѣтъ прощенья мнѣ, отступнику и измѣннику! Но заплатятъ мнѣ тѣ, кто сдѣлалъ такимъ! Что велишь мнѣ?

Зейнабъ. Пойдутъ за тобой грузинскіе воины твоего отряда?

12.

Сабба (*выступая впередъ*). Пойдутъ! И вся Грузія за ними!

Отаръ-бегъ (*хватаясь за шашку*). Кто ты?

Сабба. Божій слуга. Сабба—странникъ.

Зейнабъ. Святой отецъ! Богъ послалъ тебя!

Сабба. Богъ! Воскресъ Христосъ! (*Цѣлуетъ Зейнабъ и Отара*).

З а н а в ѣ с ь .

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Развалины стараго духана подъ Тифлисомъ. Лѣвая часть сцены представляетъ грубую каменную стѣну кладку съ разрушенной крышей, поросшую кустарникомъ и верескомъ. Правая—ската уцѣля, уходящаго въ глубь, поросшаго лѣсомъ. Сквозь деревья видны багровыя тучи заката. Изрѣдка погромыхиваетъ отдаленный громъ и поблескиваютъ зарницы.

Анашія и Эрекле, скованные, лежатъ въ развалинахъ. Десять челоувѣкъ стражи въ грузинскихъ костюмахъ съ обнаженными шашками и ружьями за спиной стоятъ надъ ними. Среди нихъ Гига; Бессо у входа сидитъ на обрушившихся камняхъ. У него на козвняхъ небольшой бурдючекъ, изъ котораго онъ потягиваетъ. Около него на травѣ разостланъ синій пестрый платокъ. На немъ хлѣбъ въ видѣ лепешекъ, сыръ, лукъ и красныя яйца.

1.

Бессо (*поетъ*).

Вотъ опять вино играетъ,

Арьяралэ!

Ночь весельемъ озаряетъ,

Тарьяралэ!

Съ Арарата лишь спустился,

Арьяралэ,

Ной немедленно напился,

Тарьяралэ!

Гига (*старикъ съ большой сѣдой бородой*). Замолчи, орысина! Чего ты вадумалъ горланить свои богохульныя пѣсни?

Бессо (*нѣсколько навеселъ*). Пѣсня сама полилась, какъ меньше стало въ отрядѣ крашенныхъ рожъ! Эй! (*поетъ*).

Лишь вино удалый пьетъ,

Арьяралэ!

Воду тянетъ всякій скоть!

Тарьяралэ!

Скотъ и наши господа иранцы и всякая сволочь. Да хватить ихъ громомъ въ самую бритую маушку! (*пѣетъ*).

Анашія (*съ превогой глядя на Эрекле*). Ты упалъ духомъ, сынъ мой. Неволя тебя гложетъ.

Эрекле (*блѣдный, осунувшійся, съ горящими лихорадотными глазами*). Она высосала мнѣ сердце, отецъ! О, какъ мнѣ нужна теперь свобода! Дато погубилъ насъ.

Анашія. Да заслонить его Святой Георгій. Заиграла въ немъ кровь.

Отвага ослѣпила его, и онъ все забылъ (*тихо*), но онъ близко. Есть вѣсти о немъ. Мнѣ вчера шепнулъ одинъ изъ стражей... Онъ освободить насъ—вѣрь мнѣ—освободить!

Эрекле. Когда? Когда? Мы подъ самымъ Тифлисомъ... Это послѣдній привалъ.

Ананія. Надѣйся до петли и меча, Эрекле. Надѣйся въ петлѣ и подъ мечомъ. Пока дышешь—надѣйся!

Эрекле. О, какая мука! Теперь въ цѣпяхъ! Теперь. Не видѣть!.. не знать!.. а близко!.. здѣсь... только цѣпи мѣшаютъ...

Ананія. Что ты говоришь, Эрекле?

Эрекле. Я разобью сегодня или ихъ, или голову... Я не могу!.. не могу!.. Только взглянуть... увидѣть разъ—и хоть смерть, хоть смерть потомъ... (*падаетъ лицомъ на камень*).

Бессо (*все время напѣвавшій*). Эй, вы! Стража и узники! Я тутъ на вольномъ воздухѣ желаю, чтобъ всѣ были веселы! Все равно! Всѣхъ повѣсятъ,—кого завтра, а кого въ пятницу! Почему же вы не пьете! Развеселитесь! (*Поднимается и направляется въ духанъ съ бурдюжкомъ. Гига молча нацѣливается въ него*). Смотри, не выпали, съдой дуракъ! (*Придя въ азартъ, размахивая бурдюжкомъ*). Ты въ кого цѣлишься, а? Ты знаешь, кто я? Меня сто разъ хотѣлъ повѣсить, сжечь и утопить самъ великій господинъ—и ни разу не могъ, а ты въ меня цѣлишься? Я тебѣ вино несу, а ты въ меня цѣлишься?

Гига. Не подходи къ плѣнникамъ!

Бессо (*горягась, но не двигаясь*). Вотъ подожди до завтра, я тебя научу, какъ въ меня цѣлиться! Мой господинъ получилъ право пить вино, значить и я получилъ право пить вино! Мой господинъ получилъ сто женъ, у меня и у самого можетъ быть больше женъ... только не сразу, а въ разное время... и въ разныхъ мѣстахъ. А вмѣстѣ... нѣтъ, это неудобно и дорого стоитъ. А ты въ меня цѣлишься?

Ананія (*Гигѣ*). Братъ, у меня въ горлѣ пересохло. Позволь ему дать мнѣ глотокъ вина.

Гига (*значительно, дѣлая легкій знакъ головой*). Ну ты, пьяный человекъ, дай старику хлебнуть—и убирайся.

Бессо. Ага, испугался! То-то, братъ, а то цѣлишься! (*Подходитъ, и цѣдя изъ бурдюка въ небольшой бытагій роугъ вино, сразу презвѣтъ и напѣваетъ*):

И лѣсами, и горами,
Арьяралэ!
Наши тянутся толпами,
Тарьяралэ! *(подавая рогъ)*.

Пей и благословляй Бессо.

Ананія *(Эрекле)*. Освѣжи свои губы сынъ мой!

Эрекле *(не глядя молча отстраняетъ рогъ)*.

Бессо:

Орбельанъ подходитъ съ юга,
Арьяралэ!
Сталь Сембать у Согалуга,
Тарьяралэ!

Ну не лучше такъ, козлиная борода? А ты цѣлишься! *(Напѣваетъ)*:

И съ большой рѣки заморской,
Арьяралэ!

Шлетъ намъ помощь царь московскій,
Тарьяралэ!

(Стража и Ананія, не подавая другъ другу вида, жадно вслушиваются въ слова пѣсни).

Ананія *(выпивъ рогъ, отдаетъ)*. Освѣжи Господь такъ твою душу на страшномъ судѣ, братъ мой!

Гига *(взглянувъ налѣво)*. Убирайся живо! Царица и Отарь-бегъ идутъ сюда!

Бессо *(быстро отпрыгнувъ и забирая все въ свой платокъ)*. Не бойтесь, друзья мои, никто не бойтесь! Я всѣхъ васъ оправдаю! *(напѣваетъ)*.

Съ Арарата лишь спустился,
Арьяралэ!

Ной немедленно напился.

Тарьяралэ! *(Уходитъ за духанъ)*.

(Входятъ справа Зейнабъ, Отарь-бегъ и двое стражей грузинъ).

2.

Отарь-бегъ *(стражѣ)*. Гига! Окружить развалины и не подпускать никого. Царица допрашиваетъ преступниковъ. *(Гига и остальные располагаются полукругомъ въ отдаленіи, спиной къ духану. Зейнабъ и Отарь-бегъ входятъ въ духанъ. Ананія и Эрекле поднимаются еремя цѣплями)*.

Зейнабъ (*еллядъ съ глубокихъ страданіемъ и любовью на Эрекле*). Какъ ты измѣнился, бѣдный мальчикъ! Тебѣ тяжелы твои цѣпи?

Эрекле. Нѣтъ, царица, не цѣпи, а неправда. За что ты сковала насъ и везешь на муки и казнь? Мы отъ чистаго сердца пригнали въ даръ нашихъ лучшихъ коней, все наше богатство. Что случилось ночью—развѣ мы знаемъ? Братъ пошелъ за свѣжей травой лошадямъ. Вдругъ слышимъ шумъ, крикъ, голосъ брата—и насъ хватаютъ.

Зейнабъ (*тихо Отаръ-бегу*). Смотри, какимъ царственнымъ гнѣвомъ горятъ его глаза! (*Сыну съ притворной суровостью*). Какъ ты смѣешь, скованный рабъ, говорить такъ съ царицею?

Эрекле (*въ сильномъ первомъ возбужденіи*). Я не рабъ! Я говорю правду. За что мы въ оковахъ? Миѣ нужно быть свободнымъ! Все равно, ты не довезешь меня до тюрьмы и до плахи. Я кинусь на стражу, пусть зарубятъ меня. Миѣ нужно быть свободнымъ!

Зейнабъ. Ты боишься пытокъ и казни? Развѣ ты не привыкъ видѣть смерть и мученія, пока ты росъ?

Эрекле (*въ крайнемъ волненіи*). Я не боюсь ничего! Но я хочу быть свободнымъ!

Зейнабъ (*слезы на глазахъ, быстрыми неудержимыми порывами*). И ты будешь, дитя мое. О, благослови Господь твою отважную душу. И не только ты, а всѣ, кто вмѣстѣ съ тобой былъ въ оковахъ.

Эрекле (*блѣдный отъ радости и волненія*). И ты не шутишь, царица! Когда же? Когда? Сейчасъ?!

Зейнабъ. Сейчасъ, мой смѣлый соколъ. Сейчасъ, надежда, гордость, счастье мое! (*Обнимаетъ его, рыдая*). Отаръ, ты видишь его? Чья это кровь заливаешь его щеки? Чей огонь горитъ въ его глазахъ?

Отаръ-бегъ (*взволнованный*). Вижу, царица, и умру за него.

Эрекле. Что это значитъ? Отецъ!

Ананія. И я умру за тебя, сынъ души моей!

Зейнабъ. Не выдержать сердце, Отаръ! Двадцать лѣтъ ждать—и все свершить въ одну ночь. Двадцать лѣтъ притворяться—и въ одинъ мигъ сорвать покровы всѣхъ тайнъ. Двадцать лѣтъ страдать—и вдругъ это счастье!.. Ананія, благослови тебя Богъ, какъ я благословляю! (*Шатается и опускается на камень. Молчаніе*). Довольно! Въ одну ночь надо свершить все—иначе ничего не свершено. Слушайте вы, трое, чего я хочу! Вотъ ключи отъ оковъ. (*Отдаетъ ключи*).

Эрекле (*жадно схвативъ клювъ, хотеть отмыкать цѣпи. Задыхался отъ счастья*). О, царица...

Зейнабъ. Спрячь ихъ на груди, безумный мальчикъ, и слушай меня... Я и Отаръ въ разныя стороны разослали персовъ, но все же не всѣхъ. Если хоть одинъ замѣтитъ ваше бѣгство—погибнетъ все.

Эрекле (*изумленный*). Развѣ надо бѣжать?

Зейнабъ. Скоро ты будешь повелѣвать, юноша, учись пока повиноваться! Когда мы начнемъ сниматься, стражи по прежнему окружаютъ васъ. Эти двое (*указывая на пришедшихъ съ ними*) займутъ ваше мѣсто. Вы скроетесь здѣсь, снимете цѣпи и пропустите весь отрядъ. Когда отрядъ исчезнетъ изъ глазъ за поворотомъ, спуститесь къ рѣкѣ. Васъ ждетъ плоть за обрывомъ. Скажите людямъ на немъ: „Сабба странникъ“. Въ одинъ часъ течение принесетъ васъ въ Тифлисъ.

Эрекле. Да, въ Тифлисъ... И тамъ... тамъ будутъ всѣ, кто съ тобой?

Зейнабъ. Кто всѣ, Эрекле?

Эрекле (*нервно, глядя ей въ глаза*). И друзья и враги.

Зейнабъ. Всѣ, дитя мое! Солнце заходитъ. Мы войдемъ въ крѣпость черезъ два часа. Отаръ, въ послѣдній разъ: ты отвѣчаешь за всѣхъ людей нашего отряда?

Отаръ-бегъ. Какъ за себя, царица.

Зейнабъ. Теперь, Эрекле, въ твои руки я отдаю судьбу святой вѣры, судьбу Грузіи и твою судьбу! Готово ли сердце твое на великій подвигъ?

Эрекле (*не понимая, взволнованный*). Приказывай, царица!

Зейнабъ. Да, пока я твоя царица, но завтра, завтра... (*подавляетъ волненіе*). Знайте же все, что знаемъ я и нашъ вождь. Вокругъ гнѣзда Солеймана, въ ущельяхъ и трещинахъ скалъ, въ лѣсахъ и кустахъ—со всей Грузіи стеклись ея дѣти. Давно я готовила все—и все тотово. Кольцомъ обвить Тифлисъ и глядеть на гнѣздо Солеймана наши люди—и нѣтъ числа этимъ глазамъ, нѣтъ мѣры огню и ярости ихъ. А въ самомъ Тифлисѣ у подножія крѣпости и Метехской скалы въ эту ночь не будетъ спать ни одинъ человекъ, кто въ силахъ сжать оружіе въ рукѣ. Три дня тому назадъ твой сынъ, Дато, собралъ три тысячи юношей съ Ананура, Душета, Цилканъ—теперь ихъ втрое больше. Горными тропами и ущельями, кто подъ видомъ пастуховъ и погонщиковъ, кто тайно, кто явно подошли они съ сѣвера. Ночными переходами съ юга подошли къ Тифлису и таятся въ

горахъ и ущельяхъ отряды Орбеліана и Сембата. Рядомъ съ нами съ запада идутъ къ Тифлису жители Боржомскихъ и Ахалцихскихъ горъ и владѣній убитаго Цицы. Каждый день разъѣзды Солеймана хватаютъ людей—но люди идутъ, идутъ, идутъ, какъ капли дождя, и неслышно, какъ осенніе листья, облегаютъ Тифлисъ.

Ананія. Назрѣлъ гнѣвъ въ ихъ сердцахъ.

Отаръ-бегъ. Тронулась Мухранъ, пошли изъ Тіонетъ. Слухъ идетъ двинулись Кахетинцы.

Эрекле. Зачѣмъ намъ ждать? Кинемся сейчасъ и по камнямъ разнесемъ стѣны крѣпости.

Зейнабъ. О, мой орелъ, какъ ты расправилъ крылья! Нельзя. Все оружіе нашихъ людей—одинъ кинжалъ на трехъ, одно ружье на сотню, одинъ зарядъ на десять человекъ. А въ крѣпости... Ты не видѣлъ этихъ стѣнъ, этихъ пушекъ, этихъ горъ риста и хлѣба въ ямахъ и пещерахъ твердыни, ты не знаешь складовъ пороха и снарядовъ въ недоступномъ Метехъ. Мы не умѣемъ осаждать. У насъ нѣтъ оружія, чтобы взять крѣпость приступомъ. Намъ нельзя взять ее голодомъ. Намъ нельзя взять ее жаждой—рѣка протекаетъ въ ея стѣнахъ. Одинъ неосторожный шагъ—и погибли защитники и на десятки лѣтъ раздавлена родина.—Нѣтъ, надо наступить на змѣю въ норѣ.

Ананія. Какъ же это сдѣлать, царица?

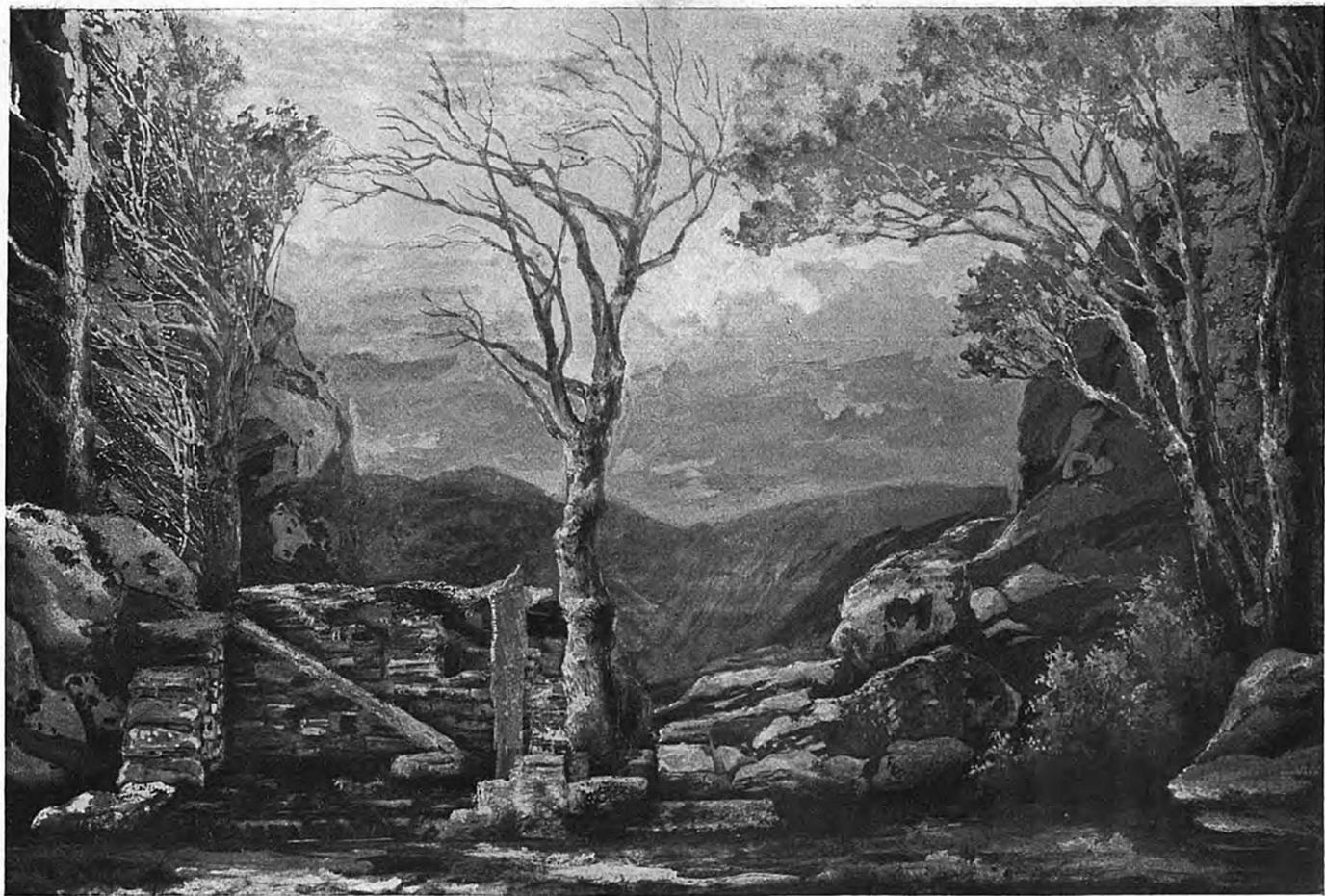
Зейнабъ. Солейманъ не боится раздавленнаго, и обезоруженнаго народа. Онъ боится немилости падишаха, доносовъ Эриванскаго сердаря, подкоповъ и козней въ Иранѣ. Я займу его умъ рассказами о томъ, что случилось, я отвлеку его дарами падишаху—а въ это время Отаръ къ каждой стражѣ у каждыхъ воротъ приставитъ нашихъ людей. Они же окружаютъ дворецъ Солеймана и займутъ всѣ выходы. Мы съ нимъ будемъ держать жилище змѣя въ нашихъ рукахъ, а ты — Эрекле, ты — сынъ мой, вырвешь его ядовитое жало. Ананія, ты его спась, ты же и поведешь его въ эту великую ночь. Нечѣмъ мнѣ больше наградить тебя пока, мой вѣрный слуга!

Ананія (*вздвигнувъ отъ радости*). Приказывай, царица!

Зейнабъ. Тѣмъ же путемъ, какимъ ты унесъ ребенка, ты проведешь въ Метехъ могучаго бойца.

Ананія. Такъ, царица!

Зейнабъ. Его рука должна взорвать эти склады. Онъ освѣтитъ

«Измѣна», драма кн. А. И. Сумбатова.

IV актъ. Развалины духана. Декораціи К. А. Коровина.

огненнымъ столбомъ дорогу нашимъ войскамъ, онъ зажжетъ факель свободы надъ измученной землей.

Отаръ-бегъ и Ананія. Такъ, царица! такъ, великая царица!

Зейнабъ (*съ глубокимъ тувствомъ*). Дитя мое, пусть Богъ зачтетъ мнѣ то, что я переживу за тебя въ эту ночь! У самой неумолимой смерти мать вырветъ своего ребенка, истомленного болѣзью, я ли не вымолю тебѣ силъ и побѣды? Для тебя твоя мать отдала свою честь и бессмертную душу! За тебя умеръ невинный ребенокъ! Тебя обовѣтъ Господь царственнымъ вѣнцомъ и вложитъ мечъ на защиту Креста Своего—заслужи вѣнецъ, искупи невинную кровь, оправдай свою мать передъ Господнимъ Судомъ!

Эрекле (*изумленный и подавленный*). Постой... царица... Отецъ... Кому ты говоришь? Кто же я?

Зейнабъ (*на колыняхъ*). Ты царь мой и сынъ мой! Эти оковы сегодня твоя царская одежда—я сдѣлаю изъ нихъ вериги на тѣло мое, когда засіяетъ вѣнецъ на твоемъ челѣ, и буду молиться безъ устали, безъ конца за тебя (*встаетъ*). Но не скажутъ завтра свободные люди, за что этотъ юноша царь нашъ? Могучій спаситель отчизны, какъ Божій ангелъ, взойдетъ на отцовскій престолъ. И слава дѣлъ твоихъ будетъ твоею порфирой. И я благословлю тебя завтра на царство, какъ теперь благословляю на смертный бой. (*Благословляетъ*).

Эрекле (*охваченный восторгомъ*). Я твой сынъ? Я — царь Грузіи?! Царица! О мать моя! Я свершу все, что ты повелѣла! Скорѣй долой эти цѣпи! Онѣ давятъ меня!

Отаръ-бегъ (*преклоня колына*). Отпусти мнѣ, государь, мои вины предъ тобой! Я заслужу тебѣ ихъ въ эту ночь.

Ананія (*преклоня колына*). Будь отцомъ народа, какъ народъ былъ твоимъ отцомъ, государь! Заслони его, какъ мой сынъ заслонилъ тебя въ грозный часъ!

Эрекле (*дрогнувшими голосомъ*). О, пусть скорѣе спадутъ эти цѣпи! Мать моя, вели скорѣе, скорѣе тронуться въ путь... Царь и въ цѣпяхъ! О, скорѣе, скорѣе!

Отаръ-бегъ (*вставая*). Сейчасъ, государь!

Эрекле. Я—государь?! Я?! Я съ ума сойду!

Зейнабъ (*невольно вздрогнувъ*). Ананія! сбереги мнѣ его сегодня, какъ берегъ двадцать лѣтъ!

А н а н і я. Сберегу, царица! Вѣрь мнѣ—сберегу!

З е й н а б ъ (*осушивъ слезы*). Идемъ, Отарь! Прощай, дитя мое! Прощай кровь моя! Богъ защититъ своего слугу. (*Уходитъ*).

3.

О т а р ь - б е г ъ. Стража! Окружить скованныхъ! Гига! (*Гига и стража подходятъ*). Ты станешь во главѣ. (*Значительно*). Люди, беречь ихъ и... помнить мой приказъ. Мы выступаемъ! (*Уходитъ. За сценой, пока стража вновь окружается Эрекле и Ананію*). На коней! Послѣдній переходъ! (*Туги сильно надвинулись. Темнѣетъ. Раскаты грома все ближе и ближе. За сценой крики и шумъ выступающаго войска. По сценѣ проходятъ и пробѣгаютъ люди въ буркахъ и теркескахъ. Среди нихъ, изъ глубины ущелья справа, входитъ Рукайя. На ней длинная бурка и башлыкъ, скрывающій часть лица*).

Г о л о с а з а с ц е н о й. На коней! Стража, къ выюкамъ! Коня царицъ! Окружить арбы съ женщинами! Г о л о с ь О т а р а. Ибнъ-Саадъ! возьми своихъ людей и поѣзжай впередъ осмотрѣть дорогу! Голоса сливаются въ общій неразборчивый шумъ. Слышенъ топотъ коней, крики арабщиковъ, лязгъ оружія).

На сценѣ. 1-й голосъ въ глубинѣ. Не доѣхать безъ грозы! 2-й голосъ. Гдѣ мой недоуздокъ? 3-й голосъ. Сосико! Подержи коня, я наберу воды. 4-й голосъ. Снизай торбу скорѣе, собачій сынъ! Бессо, (*проходя по сценѣ слева направо сталкивается съ Рукайей. Въ то же время, стража выводитъ пленныхъ*).

4.

Бессо (*съ бурдюкомъ и узломъ, налетаетъ на Рукайю*). Эй, братецъ! Не слыхалъ, Отарь-бегъ не звалъ Бессо?

Р у к а й я (*быстро пробѣгая къ духану*). Нѣтъ!

Г о л о с ь О т а р ь - б е г а. Гдѣ Бессо? Эй, Бессо! (*крики: „Бессо“*).

Бессо (*убѣгая*). Здѣсь, господинъ великій, здѣсь Бессо! Вездѣ ищу тебя! (*Рукайя, пропустивъ стражу, влѣзливается въ толпу около нихъ*).

Гига (*ерознымъ голосомъ*). Дальше, люди, здѣсь плѣнные! (*Описываетъ кругъ шашкой*). Сторонитесь! (*Сильный ударъ грома, огень темнѣетъ*). Голосъ Отарь-бега (*за сценой*). Гига! Крики за сценой: „Гига! Господинъ зоветъ!“

Гига. Я здѣсь, господинъ!

Голосъ Отарь-бега. Береги плѣнныхъ! Надвигается ночь! (голосъ удаляется. Слышны удары нагаекъ и крики всадниковъ. На сценѣ только группа стражей и Рукайя).

Гига. Отвѣчаю за нихъ головой, господинъ! (Рукайя вбѣгаетъ въ покинутый духанъ и прячется. Шумъ постепенно удаляется во время слѣдующей сцены).

Гига (въ полголоса). Сняли цѣпи?

Ананія (шопотомъ). Сняли.

Гига (также). Залягте въ кусты. Проходятъ послѣдніе ряды. Живо. Спаси васъ Святой Георгій! (еромко). Тѣснѣе вокругъ плѣнниковъ. Примыкай къ отряду! (Уводитъ группу. Сцена кажется пустой. Въ духанъ слѣва притаилась Рукайя. Справа въ кустахъ ущелья залегли Глаха и Эрекле. Изъ-за кулисъ доносится все слабѣе и слабѣе шумъ идущаго отряда. Телнветъ. Громы грохочутъ отдаленно, но протяжно и сильно).

5.

Дато (выходитъ изъ-за кустовъ и подходитъ къ скрывающимся брату и отцу). Отецъ...

Глаха (быстро). Дато!..

Эрекле. (тоже). Братъ! (Рукайя хочетъ выйти, но залившихъ людей, опять скрывается съ легкимъ подавленнымъ крикомъ).

Дато (быстро). Я въ сумеркахъ примкнулъ незамѣтно къ отряду. Всѣ наши подошли по одиночкѣ и окружили крѣпость.

Глаха. Сколько ихъ?

Дато. Гдѣ ихъ счесть!—всѣ идутъ. Все бросаютъ и идутъ... Изъ однихъ нашихъ мѣстъ вышли тысячи... И Отарь нашъ! Эхъ, пойдеть потѣха! (радостно и тихо шептется).

Эрекле. Ты войдешь въ крѣпость?

Дато. Съ отрядомъ царицы... Не терпится, горитъ сердце, хочется быть поближе... Наши ворвутся, когда взорвутъ Метехъ. Кто взрываетъ, не знаете?

Эрекле. Я съ отцомъ.

Дато (съ завистью). Возьмите и меня!

Ананія (сердито). Убирайся, пока цѣль! Ты и такъ чуть не погубилъ насъ, шалая башка! Зачѣмъ ты тутъ путаешься?

Д а т о. Дѣло есть, отецъ. И въ крѣпости найдется. Прощайте! Надо вмѣшаться, пока не ушли. Встрѣтимся, когда пойдетъ игра. (*Убѣгаетъ*).

6.

А н а н і я. Царевичъ, вотъ пороховой фитиль. У меня такой же. Его мнѣ далъ Гига отъ господина. Спрячь на груди! Есть у тебя огниво и кремьнь?

Э р е к л е. Всегда на поясѣ.

А н а н і я (*тихо*). Тсс.. говори тише. Шумъ затихаетъ. Могутъ быть отсталые.

Э р е к л е. Идемъ къ плоту.

А н а н і я. Рано. Надо плыть, когда совсѣмъ стемнѣетъ, чтобы не замѣтили съ берега. Насъ принесетъ въ Тифлисъ меньше чѣмъ въ часъ, а отрядъ не раньше двухъ. Надо, чтобы онъ насъ опередилъ. На плоту будутъ люди. Слушай, пока мы вдвоемъ.

Э р е к л е. Слушаю.

А н а н і я. Мы сойдемъ съ плота недалеко отъ Метехской скалы и вплавъ достигнемъ до ея подножья. Быстрина рѣки велика, но мы съ тобой переплывали Арагву въ разливъ. Фитиль, кремьнь и огниво спрячь подъ шапку, чтобы не подмокли.

Э р е к л е. Хорошо.

А н а н і я. По скалѣ мы взберемся навверхъ до хода, заросшаго кустарникомъ. Немногіе изъ насъ стариковъ его знаютъ—онъ ведетъ въ подземелье Метехскаго храма. Этимъ путемъ я унесъ тебя, когда Солейманъ вступилъ въ Тифлисъ и искалъ твоей смерти. Этимъ же путемъ мы вернемся теперь, въ ночь его гибели.

Э р е к л е. И я вырву ее у него!

А н а н і я (*изумленно*). Кого?

Э р е к л е (*опомнясь*). Кого? Мою мать!

А н а н і я. Такъ, царевичъ! И мать, и весь свой народъ. А ужъ пора! Измучились люди, измучились въ конецъ! Но слушай. Когда ты зажжешь фитиль, бѣги тѣмъ же ходомъ. Я поспѣю за тобой. Да обо мнѣ и не думай. (*Разглядывая фитиль*). Онъ будетъ глѣть не меньше получасу—намъ и половины довольно, чтобы уйти отъ опасности. Наискось мы пересѣчемъ рѣку—насъ отнесетъ внизъ по теченью—тамъ мы должны

встрѣтить нашихъ—изъ отряда Сембата или Орбеліана. И мы вторгнемся въ крѣпость вмѣстѣ съ яими, какъ только взлетитъ ея оплотъ.

Эрекле. Раньше чѣмъ войдетъ солнце, она будетъ со мною, въ этихъ рукахъ! Отецъ! Я сойду съ ума! Грудь у меня разрывается отъ счастья. Скажи мнѣ одно—царь женится на комъ хочеть?

Ананія (*слѣпясь*). Эхъ, царевичъ, жаль, что ты уже не Эрекле! До женитьбы ли теперь? Подожди до утра! Впрочемъ, такова ужъ кровь! И покойный отецъ твой... ну да что ужъ! а умеръ, какъ воинъ, и бился до послѣднихъ силъ. Ну ужъ скажу тебѣ! царица готовитъ тебѣ жену! Красавица!

Эрекле (*схвативъ его за руку*). Кого?

Ананія. Гаянз, дочь Отаръ-бега! Э! что тутъ! Сегодня напьемся кровью, и своей и чужой—а тамъ, Господь пошлетъ, напьемся и виномъ на свадьбѣ царской! Неужели же не будетъ твоей милости намъ? Не вздохнемъ вольной грудью послѣ столькихъ мученій? Неужели-жъ я не отпляшу нашу лихую пляску на твоёмъ пиру?

Эрекле (*пораженный*). Ты говоришь... Гаянз? Дочь Отаръ-бега?

Ананія (*сурово*). Прости, царевичъ! разговорамъ этимъ теперь не время. Я огляжу окрестность—нѣтъ ли кого изъ отсталыхъ на дорогѣ къ плоту... Жди меня здѣсь и сторожи. Какъ услышишь тихій свистъ, спускайся къ рѣкѣ. Значить пора и дорога свободна. (*Украдкой, неслышными шагами уходитъ нальво*).

7.

Эрекле (*стоитъ въ тѣни дерева близъ духана и шепчетъ*). Нѣтъ, этого не будетъ... Дочь Отаръ-бега? Гаянз... Дато говорилъ...

Рукайя (*тихо*). Эрекле!

Эрекле (*вздрагнулъ*). Что это! (*замираетъ*).

Рукайя. Эрекле! Это я, Рукайя.

Эрекле. (*съ подавленными крикомъ радости кидается къ духану въ нѣсколько прыжковъ, обхватываетъ ее, глядитъ въ лицо и безъ звука, какъ подкошенный, падаетъ безъ чувствъ къ ея ногамъ*).

Рукайя. Опомнись, очнись, Эрекле! Это я, Рукайя! (*цѣлуетъ его. Онъ вздрагиваетъ и открываетъ глаза*).

Эрекле. Нѣтъ, это не бредъ!.. не сонъ... ты! Ты здѣсь! Со мной! О, если бы ты знала, что я переживалъ въ эти пять дней! А теперь!..

это ты!.. это твои руки!.. твоё либо!.. это твоё благоуханіе!.. это ты... это ты! (*цѣлуетъ ея лицо, руки, колѣна*).

Р у к а й я (*сразу сильно вырывается и властно кладетъ ему руку на голову*). Стой! Теперь дорога каждая минуту. Возьми пока—послѣдній поцѣлуй. (*Страстно и долго цѣлуетъ его. Потомъ сразу отрывается и глядитъ ему въ глаза*). Теперь ты мой. Я впила въ себя твою душу!

Э р е к л е (*обезумивъ отъ счастья, глядитъ ей въ глаза*). Да, это ты... ты.

Р у к а й я. Я хочу, чтобъ всегда ты былъ моимъ—такъ и будетъ, Измѣна идетъ на царя Солеймана. Меня держали, какъ плѣнницу, всѣ эти дни. Я не могла послать ему ни одного гонца. Если-бъ не надо было убить Аль Разака, я дала бы знать черезъ него. Но его надо было убить, иначе убили бы меня.

Э р е к л е. О, не бойся теперь ничего. Ты не знаешь, кто любитъ тебя. Я раздавлю твоего Солеймана, какъ эту засохшую глину! (*топчетъ колю глинѣ*).

Р у к а й я. Ты? (*Слытсѣя тихимъ, раздражающимъ смѣхомъ*). Ты умѣешь цѣловать лучше, чѣмъ онъ, но давить людей онъ лучше, чѣмъ ты. Нѣтъ, не давить его надо, а бѣжать къ нему вмѣстѣ со мной и сейчасъ.. Я вызнала все, они хотятъ войти въ городъ, отворить ворота бунтовщикамъ. Нѣтъ, я буду тамъ раньше ихъ—я бѣгаю, какъ лань—они медленно тянутся со своимъ обозомъ... Имъ нельзя свернуть съ дороги—мнѣ надо только пересѣчь эту гору.

Э р е к л е. Рукайя, стой, ты не знаешь... Да и тебя не пропустятъ!.. Тамъ засѣли наши...

Р у к а й я. Право? Даже отъ „Саббы странника“! (*Слытсѣя*). О! царица Зейнабъ! Ты хитра, но я хитрѣе тебя. Я обманула тебя. Я узнала все—я прокрадывалась къ тебѣ, когда ты вела свои рѣчи съ твоею проклятою старухой. Я слышала съ плоской крыши, какъ измѣнникъ Отаръ-бегъ говорилъ съ этимъ бродягой Саббой... Они въ моихъ рукахъ! Они довели меня вплоть до города. Чтобы не увядала моя красота, меня посадили въ арбу, одну, чтобы не подкупила ни кого, и окружили почетной стражей (*слытсѣя*). И вотъ, видишь? Этотъ плащъ и башлыкъ одного изъ моихъ стражей. Они хватятся меня только въ крѣпости—и я встрѣчу ихъ тамъ. Они хотятъ войти и войдутъ, и ихъ искрошатъ—всѣхъ, всѣхъ! А царицу—о, ей особая честь? Я наступлю ногой на ея гордые глаза. И она задохнется подъ этой ногой. Что съ тобой?

Эрекле (*блѣдный, какъ смерть, безумными глазами глядитъ на нее*). Нѣтъ, Рукайя, ты не знаешь...

Рукайя. Чего я не знаю? Я знаю одно, что я встрѣтила тебя и свободнымъ. Я бѣжала бы прямо, но я искала тебя... слышишь. Я освободила бы тебя тамъ, но—теперь лучше... Миѣ страстно хотѣлось взглянуть на тебя... А теперь... Мы вдвоемъ прибѣжимъ къ царю. Я скажу, что ты помогъ миѣ бѣжать, что ты былъ схваченъ измѣнниками за то, что былъ вѣренъ ему—и эту вѣрность ты докажешь на дѣлѣ. Онъ наградитъ тебя, и я стану царицей и буду любить тебя, и возвеличу тебя. Бѣжимъ! Они не успѣютъ пройти половины дороги, какъ мы уже будемъ тамъ. Теперь какъ разъ время. (*Взбѣгаетъ на стѣну духана и глядитъ вдаль*). Отрядъ спускается... вонъ, вѣется чернымъ длиннымъ пятномъ.... О! я вижу, какъ кощка, я слышу, какъ растетъ трава (*слышется своимъ обычнымъ слѣхоломъ*). Идите, идите... я встрѣчу васъ... (*съ размаху кидается на шею Эрекле*). О, какъ мы будемъ счастливы! Вотъ тебѣ еще залогъ (*цѣлуетъ его и хохочетъ*). Они везутъ Рукайю. Ха, ха, ха! Большую Рукайю... Ха, ха, ха! подъ стражей. Вѣроятно близъ воротъ царица подниметъ занавѣску арбы и скажетъ: (*дразнитъ царицу*) тебѣ лучше красавица?—О, посмотрѣла бы я на нее, когда она увидитъ пустую клетку! Поздно! Ну, летимъ же, какъ птицы. Я знаю всѣ тропочки... Летимъ за счастьемъ... И помни: Сабба—странникъ. Ха, ха, ха! (*Тянетъ его*). Ты боишься итти?

Эрекле. Стой, Рукайя!.. Нельзя... нельзя...

Рукайя (*изумленно*). Чего нельзя?..

Эрекле. Ты не знаешь, кто я и что я долженъ дѣлать... Ты не знаешь, кого ты хочешь погубить!... Это моя мать, Рукайя!

Рукайя. Что?! Ты бредишь!

Эрекле (*сильно и страстно*). Нѣтъ Рукайя! Этотъ царь Солейманъ убилъ моего отца... хотѣлъ убить меня... меня спасъ Глаха—этотъ старикъ... Мой отецъ былъ царь... Сама царица, самъ Отаръ-бегъ и старикъ... сейчасъ стояли передо мной на колѣняхъ... Все готово... Рукайя, все! Я сегодня долженъ взорвать Метехскіе склады... Мои люди ринутся въ разрушенную крѣпость, и твой владыка погибнетъ со всѣмъ своимъ войскомъ. Я взойду на родной престолъ—и ты рядомъ со мной...

Рукайя (*глядя на него во все глаза*). Ты сошелъ съ ума!

Эрекле. Нѣтъ, жизнь моей души! Нѣтъ, мое свѣтлое солнце! О

тебѣ была первая моя мысль, когда я узналъ, кто я. Они хотятъ дать мнѣ въ жены дочь Отарь-бега...

Р у к а й я *(съ невольными криками ревности и злобы)*. А!

Э р е к л е. ...Но кто смѣетъ указывать царю? Для тебя заблестить вѣнецъ на моей головѣ. Къ твоимъ ногамъ склонится все мое царство вмѣстѣ со мной.

Р у к а й я. Постой!.. постой!.. *(Усиленно думаетъ, сдвинувъ брови)*. Ты, мальчижь... царь? Ты царь! И царица Зейнабъ надъ тобой... А я... *(Заливается хохотомъ)*.

Э р е к л е. Не смѣйся, Рукайя! Не мальчикъ я — ты не знаешь моей силы

Р у к а й я *(быстро)*. Тебя обманули! Тебя провели, ребенокъ! Ты царь! Развѣ царей посылають на вѣрную смерть! Ты ея сынъ? Развѣ мать продержитъ сына недѣлю въ цѣпяхъ? Развѣ мать пуститъ своего сына гибнуть подъ облаками скаль?

Э р е к л е *(въ колебанин, не зная чему върять)*. Нѣтъ... нѣтъ... Ананія идетъ со мной... Онъ любить меня...

Р у к а й я. Ты уже сказалъ, что ты не сынъ его. Чего-жъ ему жалѣть тебя. Его родной сынъ бѣжалъ, а тебя схватили...

Э р е к л е. Но онъ принялъ на себя мое убійство...

Р у к а й я. И бѣжалъ, а тебя схватили. И теперь — твой приѣмный отецъ пуститъ тебя взорвать замокъ, самъ убѣжитъ, а ты, растерзанный въ клочья, взлетишь на воздухъ. Къ этому и готовили тебя... Кому ты нуженъ? Кто любить тебя? Я одна! *(Цѣлуетъ его. Внезапно)*. Постой! такъ это ты! Это о тебѣ говорили Отарь-бегъ съ царицей?

Э р е к л е *(потерянный)*. Что?

Р у к а й я. То, что я сейчасъ только поняла! Постой! Дай припомнить! *(Какъ бы припоминая)*. „Подкидышь взорветъ Метехъ“...

Э р е к л е *(вздвоенувъ)*. Подкидышь?!

Р у к а й я. Да, да... А мнѣ зтотъ подкидышь милѣе всѣхъ царей! Я не дамъ тебя погубить! Я ихъ погублю! Я отомщу... за тебя! О, мой любимый, о мое сердце, моя жизнь! *(Цѣлуетъ его. Сливъсь обычными слъхоломъ)*. Да если бы ты и былъ царемъ... Развѣ царица Зейнабъ отдастъ тебѣ меня... живою? Меня — рабыню? Она отравитъ меня!.. Но вѣдь все это ложь... Она давно любитъ Отарь-бега! Его она хочетъ сдѣлать царемъ — о я знаю все, я все понимаю... Я слышала ихъ рѣчи... Но не отнимутъ тебя. Не погубятъ, пока я жива... Я спасу тебя... Ты мой мѣръ, мое царство..

«Измѣна», драма кн. А. И. Сумбатова.

Орбеліанъ (г-на Гремпиъ).

Эреклъ (г-нъ Остужева).

Солейманъ (г-нъ Айдаровъ).

Бессо (г-нъ Фодотовъ).

(Исполнители Императорскаго Малаго театра).

Эрекле (*глядя ей въ глаза*). Они обманули меня! Да... О, проклятые!
(*Вдали слышенъ легкій свистокъ*).

Рук айя. Что это?

Эрекле. Глаха зоветъ меня...

Рук айя. Куда?

Эрекле. На плоты...

Рук айя (*обвивая его руками*). Пусть зоветъ! Ты идешь со мной?

Эрекле. Въ послѣдній разъ, Рук айя! Ты клянешься мнѣ, что ты любишь меня?

Рук айя. Если бы не любила, не спасла бы тебя! (*Цѣлуетъ его. Второй свистъ*). Свисти! Мы найдемъ дорогу и безъ тебя! (*Убѣгаютъ вдвоемъ въ глубину ущелья*).

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Покой во дворцѣ Солеймана. Въ глубинѣ—амбразура, выходящая стѣной изъ цветныхъ стеколъ на террасу съ мавританскими колоннами. За рѣкой—видъ Метехской скалы съ бастіонами и храмомъ, какъ въ 1-мъ дѣйствіи. Стѣны покоя въ коврахъ; расписные сводчатые потолки, въ стѣнахъ глубокія ниши, въ нихъ сосуды. Съ потолкавъ спускаются свѣтильники на цѣпяхъ. По стѣнамъ широкія ложа (тахты) въ коврахъ и подушкахъ, на нихъ наброшены шитыя золотомъ и шелками ткани. Съ лѣвой стороны у стѣны—широкая тронная тахта, надъ ней оружіе по стѣгѣ: пистолеты, шашки, бордыши и копья.—Двери: кровъ средней, справа п слѣва на первомъ планѣ. Посреди покоя — бассейнъ цвѣтного мрамора.—
Ночь. Небо часто озаряется блескомъ молніи, изрѣдка глухіе, сильные удары грома.

1.

Солейманъ ханъ (*полулежитъ на тахтѣ. Кара Юсуфъ передъ нимъ въ раболѣпной позѣ. Въ глубинѣ, на террасѣ видна фигура Иссахаръ*).
Много ли людей забрано сегодня развѣздами въ окрестностяхъ города?

Кара Юсуфъ. Десяносто человекъ, краса міра. Сейчасъ гонецъ Отаръ-бега съ послѣдняго привала извѣщаетъ, что Эриставъ ведетъ съ собой еще пятьдесятъ!

Солейманъ ханъ. Чѣмъ вооружены захваченные?

Кара Юсуфъ. Больше всего—пастушьи дубины, окованныя желѣзомъ, молоты, серпы. У немногихъ—кинжалы и шашки, всего у четверыхъ ружья...

Солейманъ ханъ. И съ этимъ они идутъ... на меня?! Что они говорятъ на вопросахъ? Зачѣмъ они стекаются?

Кара Юсуфъ. Одни ссылаются на семейныя дѣла, другіе — на торговля, побѣдитель царствъ. Только одинъ не вынесъ пытки и сталъ кричать угрозы... (*Смеется*).

Солейманъ ханъ. Какія?

Кара Юсуфъ. Вздоръ, властитель властителей. Бормоталъ, что крестъ раздавить всѣхъ, кто идетъ на него. Что близьо гнѣвъ Божій, что... переполнилось терпѣніе... Они часто такъ кричатъ передъ смертью. (*Гроизъ*).

Солейманъ ханъ. Царица извѣщаетъ сегодня, что Орбеліанъ и Сембать бѣжали къ царю Московскому молить его о помощи.

Кара Юсуфъ. Далекъ царь Московскій, побѣдоносный владыко.

Солейманъ ханъ. За Кавказомъ, въ полочныхъ странахъ живутъ Гогъ и Магогъ, вѣщаетъ Коранъ. Но нескоро еще пробьетъ часъ Ислама!

Иссахаръ (*съ террасы*). Уже слышно... издали.

Солейманъ ханъ. Что ты сказала?

Иссахаръ. Я слышу отдаленный топотъ коней. Царица приближается.

Солейманъ ханъ. Кара Юсуфъ, царица доноситъ, что были нападенія на сборщиковъ дани, что убійцы Аль Разака на допросахъ дерзають поносить ее въ глаза...

Кара Юсуфъ. Царица доноситъ? Пусть она передастъ ихъ мнѣ, повелитель! (*скосивъ глаза*). А дозволю узнать, есть вѣсти отъ Рукайи?

Солейманъ ханъ. Она доноситъ, что царица боится красоты дочери Отаръ-бега. Отаръ-бегъ умолялъ царицу донести мнѣ, что дочь его не стоитъ взгляда падишаха. Рукайя сообщаетъ съ послѣднимъ гонцомъ, что царица испортитъ дѣвушку. (*Съ насмѣшкой*). Женщина думаетъ, что нѣтъ ничего въ мірѣ, кромѣ ея красоты.

Кара Юсуфъ. Слава твоей проникательности, око мудрости!

Иссахаръ. Слава твоей проникательности!

Солейманъ ханъ. Вернулся отрядъ, посланный противъ скопищъ Орбеліана?

Кара Юсуфъ. Нѣтъ еще, гроза невѣрія.

Солейманъ ханъ. Я повелѣлъ вернуться на третій день. Сегодня пятый.

Кара Юсуфъ. Пятый, убѣжище справедливости. Грозы размыли пути, разлились рѣки...

Солейманъ ханъ. Въ такія грозы, трусливая собака, я перецлылъ Индъ съ тысячью бедуиновъ и обратилъ въ бѣгство тысячу слоновъ. *(Задумливо)*. Правда, тогда солнце еще не было чернымъ, когда я глядѣлъ на него.

Иссахаръ. Оно скоро опять засіяетъ.

Солейманъ ханъ. Что ты говоришь, Иссахаръ?

Иссахаръ. Я говорю, солнце скоро засіяетъ... послѣ грозы этой ночи.

Солейманъ ханъ. Не тучи его застилаютъ... Измѣна. *(Спокойно)*. Кара Юсуфъ, что тебѣ пишетъ сердаръ изъ Эривани?

Кара Юсуфъ *(помертвѣвъ отъ страха, не можетъ сказать ни слова. Коляни его бьютъ одно о другое)*.

Солейманъ ханъ *(ледяными тономъ, не глядя на него)*. Что тебѣ пишетъ сердаръ, изъ Эривани?

Кара Юсуфъ. Соп... соперникъ звѣздъ, я не получалъ письма...

Солейманъ ханъ. Такъ получи... Ты давно ждалъ этого отвѣта. *(Даетъ письмо. Кара Юсуфъ еле передвигая ноги подходитъ, беретъ письмо и валится къ ногамъ Солеймана)*.

Иссахаръ *(про себя)*. Крысы бѣгутъ передъ пожаромъ. *(Громоко)* Властитель, кликнута палача?

Кара Юсуфъ *(еле шевеля губами)*. Украшеніе... свѣтъ вселенной... я не измѣнялъ... я хотѣлъ вызнать ихъ замыслы... пощади.

Солейманъ ханъ. Зачѣмъ? *(Ударъ грома)*.

Кара Юсуфъ *(ползая у его ногъ)*. Я служилъ тебѣ... пощади!

Солейманъ ханъ. Я спрашиваю—зачѣмъ? Гдѣ же твоя мудрость, Кара Юсуфъ, визирь мой? Тамъ же, гдѣ вѣрность?

Иссахаръ. Кликнута палачей, властитель?

Солейманъ ханъ *(задумливо и мрачно)*. Стоитъ ли жизнь моленій? Все минетъ. Нѣтъ времени, есть одна вѣчность. Того, что было вчера, уже нѣтъ. Того что будетъ завтра, не будетъ черезъ два дня... Нѣтъ ужъ того, что я сказалъ тебѣ, когда началъ говорить. Зачѣмъ же тебѣ пощада? Все минетъ.

Кара Юсуфъ. Я сообщу тебѣ всѣ козни враговъ твоихъ. *(Цѣлуетъ его ноги)*.

Солейманъ ханъ *(съ презрѣніемъ)*. Говори!

Кара Юсуфъ *(съ безумными крикомъ восторга)*. Властитель вселенной — я выдамъ все! На дняхъ будетъ здѣсь посоль падишаха. Ты

долженъ по обычаю встрѣтить его за воротами крѣпости. Тебя хотятъ изрубить, властитель.

Солейманъ ханъ. Ты рано сказалъ, Кара Юсуфъ. (*Поднимаясь, покойно*). Иди за мной. (*Подходитъ къ дверямъ террасы и открываетъ дверь*). Мнѣ ты больше не нуженъ, ты все сказалъ. Да свершится правосудіе. Ты заслужилъ казнь за измѣну мнѣ и пощаду за измѣну имъ. Аллахъ укажетъ, кому изъ насъ побѣдить: мнѣ, если ты погибнешь, имъ, если ты спасешься. Вотъ твой путь. (*Указываетъ внизъ на рѣку*).

Кара Юсуфъ. Повелитель! Тамъ быстрина! Тамъ острые камни... Это казнь, владыка міра!

Солейманъ ханъ. Если тебѣ суждено спастись, ты спасешься... (*Юсуфъ падаетъ къ его ногамъ*). Слово устъ моихъ—мечъ мой! (*Кара Юсуфъ кидается въ рѣку*).

2.

Иссахаръ. Второй! Осыпаются лдовитые листья.

Солейманъ ханъ (*глядя внизъ*). Погибъ! Погибнуть и враги мои. (*Протягивая руку къ Метеху*). Пусть возьмутъ меня, пока Метехъ стоитъ надъ Тифлисомъ.

Иссахаръ. Береги Метехъ, повелитель! Береги Метехъ!

Солейманъ ханъ (*обернувшись, глядитъ ей въ глаза*). Что ты сказала?

Иссахаръ. Я говорю, береги Метехъ. Тамъ все твое войско. Тамъ всѣ твои снаряды. Береги Метехъ. Ты говоришь, нѣтъ времени, есть вѣчность. А пока — береги Метехъ!

Солейманъ ханъ (*схватываетъ ея руку*). Говори! старуха! Что ты знаешь?

Иссахаръ (*беззвучно сплещя*). Повелитель, кости мои давно жаждутъ могилы, и тѣло мое не боится пытокъ. Мнѣ нечего жалѣть на землѣ. Я давно одна, какъ могильный камень. Чѣмъ ты меня устроишь?

Солейманъ ханъ (*сжимая сильнѣе*). Что ты знаешь?

Иссахаръ. Непобѣдимый Солейманъ, ты побѣдилъ полъ міра, а меня нельзя побѣдить. Какъ ты побѣдишь ничто? Я—ничто.

Солейманъ ханъ (*опустивъ руку*). Ничто?

Иссахаръ. Стань ничто, какъ я—и ты перестанешь бояться смерти и мукъ, измѣны и падишаха. И я боллась—пока было, что беречь. Были

сыновья—я боялась за сыновей, были дочери—я берегла ихъ честь, былъ домъ—я любила свой домъ... Сынъ мой—раздавленъ.

Солейманъ ханъ. Твой сынъ?

Иссахаръ. Да... онъ былъ вотъ такой.

Солейманъ ханъ. Когда?

Иссахаръ. Давно. Дочери—опозорены. Домъ разрушенъ. И такъ все стало легко: ничего нѣтъ и сама я ничто. (*Сильясь*). Не нужно ни измѣнять, ни бороться... только надо ждать.

Солейманъ ханъ. Старуха, брось свои бредни. Говори, что ты знаешь?

Иссахаръ (*нагибалась къ нему*). Иди въ Метехъ. Тамъ безопасно. Тамъ твои воины. Тамъ твои снаряды. Тамъ живые тебѣ не повредятъ. А мертвые... (*указывая на туги надъ Метехомъ*) они въ этихъ тучахъ. Они парятъ надъ Метехомъ. Ихъ, все равно, нельзя побѣдить.

Солейманъ (*невольно вздрогнувъ*). Ты бредишь...

Иссахаръ. Ихъ нельзя побѣдить, бѣдный, непобѣдимый Солейманъ. А отъ людей иди въ Метехъ. (*Входитъ Зейнабъ и Отаръ-бегъ, въ шлемъ обвитомъ галмой*).

3.

Зейнабъ (*кидается къ ногамъ Солеймана*). Наконецъ-то я обнимаю твои колѣни, владыка мой! О, будь прокляты дни разлуки съ тобой! Ни буря, ни ливень не могли удержать меня!

Отаръ-бегъ (*при входѣ спалъ на колѣни*). Побѣда да осѣнитъ тебѣ, могучій повелитель!

Солейманъ ханъ (*спокойно и величественно*). Будь счастливо твое возвращеніе, Зейнабъ. (*Зейнабъ, поцѣловавъ руку, всматъ*). Кто убилъ Аль Разака?

Зейнабъ. Рукайя. Она бѣжала.

Солейманъ ханъ (*вскинувъ на нее глаза*). Когда?

Зейнабъ. Еще за два часа, на послѣднемъ привалѣ, я видѣла ее. Змѣя три дня притворялась больною. Вечерѣло, когда мы снимались. Она все просила пить и металась. Стража окружала ее—почетная стража. Я не смѣла везти ее въ оковахъ—ты приставилъ ее слѣдить за мной. Или ты думаешь, я этого не поняла?

Солейманъ ханъ. Бѣжала изъ отряда въ тысячу воиновъ? Отаръ-бегъ!

Отаръ-бегъ. Я разослалъ всюду гонцовъ. Она найдется, повелитель.

Зейнабъ. Мнѣ надо было смотрѣть за дѣвушкой, повелитель, за золотомъ и серебромъ, за плѣнными, за нимъ самимъ, наконецъ. У меня не хватало силъ... я устала, измучена путемъ, тоской по тебѣ... я ждала нашей встрѣчи... было ли мнѣ время слѣдить за презрѣнной рабыней; моимъ соглadataемъ! Клянусь, Солейманъ, еслибъ твоя воля не была мнѣ закономъ, развратная Рукайя лежала бы теперь въ оковахъ у твоихъ ногъ. И все-таки, у воротъ крѣпости я еще разъ навѣдалась къ ея арбѣ. Арба была пуста. Одинъ изъ стражей, почти ребенокъ, былъ безъ бурки и башлыка. Я велѣла схватить его—и по глазамъ и по рѣчамъ его поняла, что твоя любимая довѣренная Рукайя соблазнила его!

Солейманъ ханъ. Рукайя сама убила Аль Разака? Ты видѣла это?

Зейнабъ. Нѣтъ, повелитель. Убійца бѣжалъ. Схваченъ его отецъ и... (*Голосъ ея дрогнулъ*) братъ. (*Быстро, стараясь засыпать его словами*) Я привела ихъ скованными и велѣла до утра заключить ихъ въ Метехской тюрьмѣ. Или ты хочешь сейчасъ допросить ихъ? Я велю привести ихъ немедленно. (*Хочетъ идти*).

Солейманъ ханъ. Время ихъ не уйдетъ.

Зейнабъ. О, если бы ты видѣлъ змѣиные глаза Рукайи, когда мы схватили преступниковъ. Если бы ты слышалъ лживые переливы ея чарующаго голоса... Подозрѣніе сверкнуло въ моей головѣ, какъ молнія.. Но въ ея глазахъ я прочла—самъ царь приставилъ меня къ царицѣ Зейнабъ... (*Съ желтыми слѣзами*). Какъ будто нельзя вѣрить царицѣ Зейнабъ!?. Какъ будто взглядъ, дыханіе, движеніе рѣсницъ твоихъ не было всегда закономъ для бѣдной царицы Зейнабъ... И я не посмѣла коснуться твоей развратной Рукайи... А теперь—ты видишь! Видишь, кому ты довѣрилъ надзоръ за мной? О, какое оскорбленіе! Если ты такъ вѣрилъ ей, почему ты ей одной не поручилъ...

Солейманъ ханъ. Собраны дары?

Отаръ-бегъ. Все исполнено, повелитель! Золото, серебро, кони и дѣвушки.. Все доставлено на десятый день.

Зейнабъ. Повелитель, всѣ дары достойны высокаго порога. Но дѣвушка, дочь его! О, государь, властитель Ирана за одинъ ея взглядъ

бросить къ твоимъ ногамъ связаннымъ Эриванскаго сердаря... Остальные дары ты усѣнешь осмотрѣть завтра, но на дѣвушку взгляни сейчасъ. Повелишь привести ее? (*Солейманъ киваетъ головой*). Отаръ-бегъ! (*Значительно*) приведи твою дочь и займи караулы... у коней и вьюковъ. Иссахаръ, иди вмѣстѣ съ нимъ за дѣвушкой. (*Отаръ-бегъ и Иссахаръ уходятъ*).

4.

Зейнабъ (*Быстро и нервно*). Отаръ-бегъ теперь будетъ вѣренъ тебѣ до гроба. Эта дѣвушка для него дороже жизни. А намъ теперь нужны вѣрные люди. Грузія волнуется.

Солейманъ ханъ. Аль Разакъ убитъ. Убийца не схваченъ. — Рукайа бѣжала. Грузія волнуется. Кара-Юсуфъ казненъ.

Зейнабъ. Казненъ? За что?

Солейманъ ханъ (*глядя ей въ глаза*). За измѣну! Царица Зейнабъ! Царица Зейнабъ!

Зейнабъ (*съ мукой обнимая его колѣна*). Что! Что ты повелишь мнѣ, свѣтъ моихъ глазъ! Зачѣмъ ты глядишь на меня такимъ мертвящимъ взоромъ? Ты напуганъ измѣной кругомъ—и не вѣришь твоей рабѣ.. Да, рабѣ, рабѣ, всю жизнь рабѣ!.. Но я раба взятая съ бою, не купленная золотомъ, не подаренная.. Я раба твоихъ грозныхъ глазъ, твоего львиного сердца, твоей желѣзной руки... (*Тонъ ея переходитъ невольно въ тонъ ненависти и злобы*). Что ты оставилъ мнѣ, крожъ себя самого? Ты взялъ моего сына, царство, вѣру... (*мльня тонъ*). Ты одинъ покорилъ и истребилъ все и я, какъ голубка, жмусь подъ крылья орла... Куда мнѣ улѣтѣть отъ тебя? Все въ твоихъ могучихъ когтяхъ... и терзай, терзай ими всѣхъ, но не меня... (*Опять не выдержавъ*). Терзай пока когти твои... (*сильный ударъ грома и молніи*). А!

Солейманъ. Что съ тобой?

Зейнабъ (*овладѣвъ собой*). Я испугалась. Сердце устало отъ мукъ, заботъ о тебѣ.. и я испугалась.. Не гляди такъ.

Солейманъ ханъ. Я въ голосъ твоемъ слышу ложь..

Зейнабъ (*съ гнѣвомъ*). Ну, убей меня.. и станешь спокоенъ. Онъ слышитъ ложь въ моемъ голосѣ! А въ голосъ развратной Рукайи ты слышалъ правду? А въ голосъ продажнаго Кара Юсуфа ты слышалъ правду? Солейманъ, не я, твой слухъ измѣнитъ тебѣ. Твои глаза лгутъ тебѣ. Звѣзды ты видишь черными—или эти тучи тебѣ освѣщаютъ ночь?

Убей меня! Убей! Я съ радостью умру для твоего покоя! Или вѣрь мнѣ—или убей меня!

Солейманъ (*смлетенный, но мрачный*). До сихъ поръ смерть шла со мной рядомъ, впереди меня, она не смѣла никогда взглянуть въ мои глаза. Теперь она обратила лицо свое ко мнѣ.. Она стала спиной къ врагамъ моимъ—и на меня вѣетъ съ ея чела, какъ съ ледниковъ Кафъ-Дага. (*Зейнабъ глдитъ на него взглядомъ, какъ бы глядѣла смерть*). Я свершилъ свой путь. Грозень онъ былъ, какъ Исламъ, и слава озаряла его. Но Пророкъ сказалъ: чьи стопы покрыты прахомъ битвъ Аллаха, тотъ будетъ дальше отъ геенны въ день страшнаго суда, чѣмъ самый быстрый конь пробѣжитъ въ тысячу дней. (*Входитъ Отаръ-бегъ, съ нимъ Иссахаръ и Гаянэ съ опущенными покрываломъ, видны только глаза*).

5.

Зейнабъ (*быстро подходя къ ней*). Оставь эти мысли, могучій. Взгляни на эту красоту. (*Откидываетъ покрывало Гаянэ и подводитъ ее къ Солейману. Гаянэ блѣдна, лицо строгое. Зейнабъ быстро взглядываетъ на Отаръ-бега*).

Отаръ-бегъ (*еле слышно*). Наши заняли ворота. Орбеліанъ въ стѣнахъ.

Зейнабъ. Взгляни въ эти глаза, повелитель... Теперь они горятъ алобой.. Она дика и пуглива.. Но когда ихъ освѣтитъ страсть, (*прислушивается, говоритъ почти не сознавая смысла*) когда нѣга покроетъ ихъ влагой... А эти волосы... Этотъ дѣвичій станъ.

Солейманъ (*любуясь ею*). Падишахъ будетъ доволенъ.

Гаянэ (*звонко*). Нѣтъ.

Солейманъ (*не обращая вниманія*). Ты сама, Зейнабъ, привезешь ее падишаху.

Гаянэ. Мертвую.

Солейманъ (*Иссахаръ*). Уведи ее.

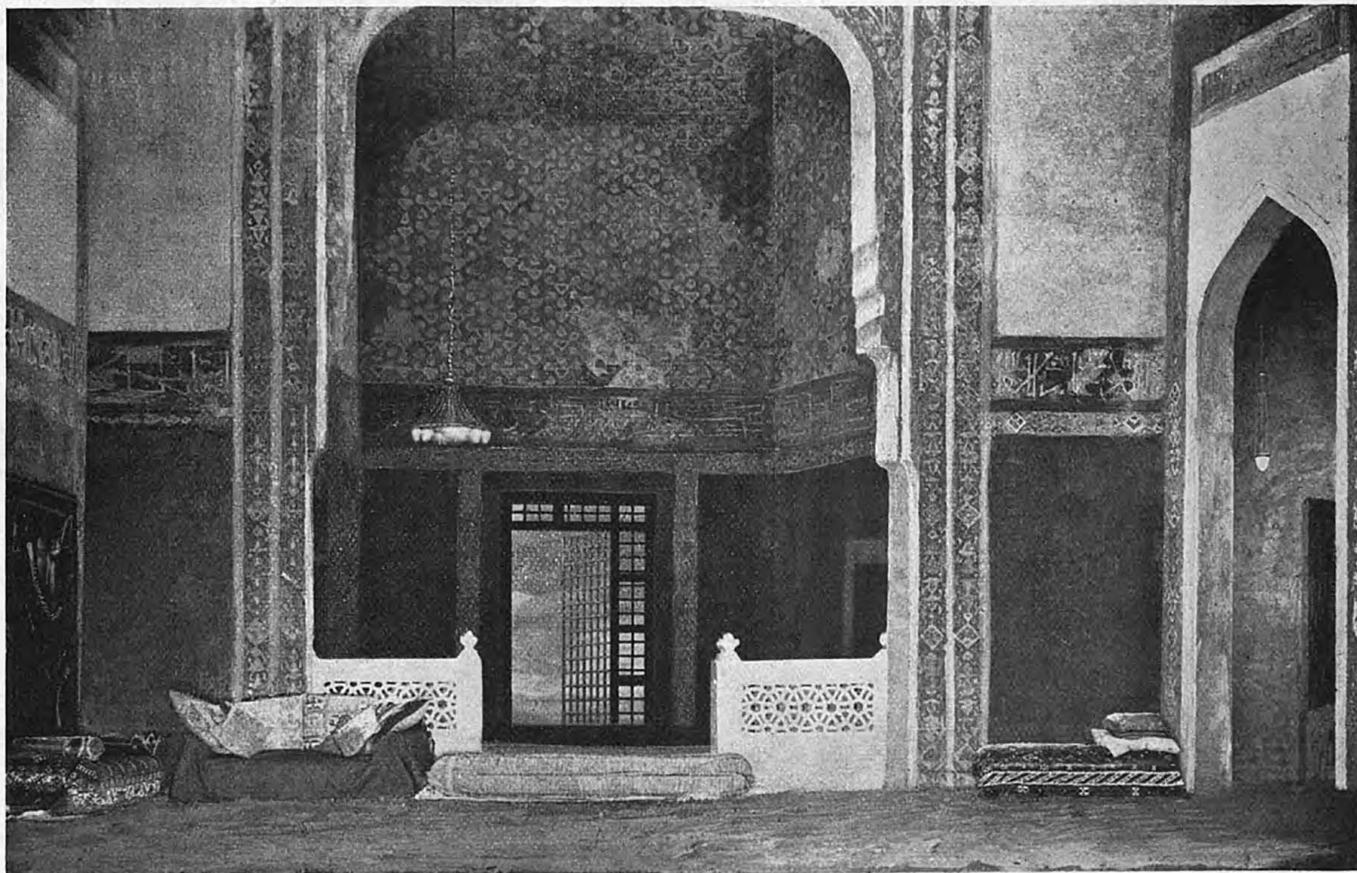
Иссахаръ (*хочетъ взять ея руку*). Пойдемъ, дѣвушка.

Гаянэ. Не трогай меня! Показывай, гдѣ моя тюрьма.

Иссахаръ. Я покажу тебѣ. (*уводитъ Гаянэ*).

6.

Солейманъ. Отаръ-бегъ! Я доволенъ твоимъ усердіемъ. Сама царица отвезетъ твою дочь въ Испагань.

«Измѣна», драма кн. А. И. Сумбатова.

V актъ. Дворецъ Солеймана. Декорация К. А. Коровина.

Отаръ-бегъ. Велика твоя милость, повелитель, и я заплачу тебѣ за нее.

Солейманъ. Завтра ты разсѣешь сборища вокругъ Тифлиса. Иди, Отаръ-бегъ! *(Отаръ-бегъ преклоняется и уходитъ направо).*

Зейнабъ *(проводивъ Гализъ)*. Какая гроза! Повелитель, я изнемогаю... Силы измѣняются мнѣ! О, сколько думъ и тревогъ пережила я эти дни! *(Солейманъ глядитъ на Метехъ)*. Что ты глядишь въ ночную темноту?

Солейманъ ханъ. Бойся мертвыхъ, а отъ живыхъ—иди въ Метехъ.

Зейнабъ *(задрожавъ отъ ужаса)*. Въ Метехъ? Зачѣмъ? О какихъ мертвыхъ ты говоришь?

Солейманъ. Я выросъ въ пустыняхъ Аравіи, покорилъ Синдъ и Джебаль, водами Инда я совершилъ священныя омовенія прежде, чѣмъ внесъ мечъ Ислама въ предѣлы Кавказа. Моя душа привыкла шептать мнѣ: Солейманъ, облачайся въ кольчугу и шлемъ, обнажай мечъ—врагъ твой близокъ—онъ тамъ, за горой, онъ въ заросляхъ рѣкъ, онъ распластался въ пескахъ пустыни. И пока я былъ только воиномъ—я видѣлъ сквозь тьму, я слышалъ шорохъ засохшаго листа и, какъ ястребъ съ вышины, падалъ на головы враговъ. А теперь двадцать лѣтъ покоя притупили меня. Я чую опасность, но уже не знаю—откуда она. *(Слѣва съ террасы голосъ Рукайи: „Изльпна! Царь! Изльпна!“ Солейманъ, узнавъ голосъ Рукайи, выпрямляется сразу, какъ ужасленный, и, появивъ въ темъ дѣло, хватается Зейнабъ за руку).*

Солейманъ. Змѣя!

Зейнабъ. Нашлась! Вотъ она! Ей нужна моя гибель! *(Врывается Рукайя).*

7.

Рукайя *(въ буркѣ, срывая съ себя башлыкъ, волосы падаютъ на лицо и плечи)*. Повелитель, я поспѣла во время! Я спасла тебя... Царица тебѣ измѣнила.

Зейнабъ *(съ силой, стираясь вычерпать время)*. Измѣна въ тебѣ, безстыдная раба! Клеветой ты хочешь прикрыть свой развратъ? Гдѣ твой любовникъ? Съ кѣмъ ты бѣжала?

Рукайя *(иступленно)*. Мой любовникъ?—онъ со мной! *(Кидается на террасу и выводитъ Эркеле быстрыми порывами)*. Вотъ онъ!

Зейнабъ (*съ нечеловѣческой силой вырывается изъ рукъ Солеймана, кидается къ сыну и съ пропѣшными, тяжкими стопами падаетъ ницъ*).

Рукайя (*задыхалась*). Не бойся ничего теперь, повелитель. Я прослѣдила лисицу... Я едва проникла сюда... Вокругъ крѣпости несмѣтныя толпы народа... они подъ самыми стѣнами и... они въ горахъ... они на крышахъ города... всюду. Условный ихъ знакъ — „Сабба странникъ“... Безъ этихъ словъ... (*голосъ ея прерывается*).

Солейманъ. Кто этотъ человѣкъ... (*онъ взглядывается и постепенно отступаетъ, какъ отъ видѣнія*). Мертвые встаютъ!

Рукайя. Онъ твой вѣрный слуга. Онъ выдалъ все. Онъ долженъ былъ взорвать Метехъ. Его принуждали угрозами, его обманули, что онъ сынъ царя... Но я сказала—бѣжимъ къ повелителю, откроемъ все, онъ наградитъ тебя...

Солейманъ-ханъ (*отгнувшись, быстро рванувъ Зейнабъ, поднимаетъ ее съ пола*). Это твой сынъ?

Зейнабъ. Нѣтъ.

Рукайя (*Эрекле*). Ты слышишь?

Эрекле (*въ ярости*). Нѣтъ, царь, я подкидышъ. Они растили меня, чтобы погубить... Я подкидышъ. Я долженъ былъ, какъ жертвенный быкъ, лежать у ихъ ногъ, истекая кровью... На голову подкидыша оперлась бы нога Отаръ-бега, вступая на твой престолъ...

Рукайя (*схватывая пороховую шпиль съ его груди*). Гляди, властитель, вотъ что дала ему твоя вѣрная Зейнабъ. Твой оплотъ—твоя сила—Метехъ взлетѣлъ бы на воздухъ, если бы я не проникла въ ея лживую грудь. Я спасла тебя!

Солейманъ-ханъ. Зейнабъ! Я стою высоко. Надо мной еще выше—Богъ. Измѣна лежитъ внизу. Пусть беретъ меня, если можетъ. (*Глядитъ на нее*). Кто спасетъ васъ теперь?

Зейнабъ. Царь Солейманъ, зачѣмъ мнѣ теперь спасеніе? Ты видишь, кто предалъ меня... Зачѣмъ мнѣ спасеніе? (*Эрекле, тихо, съ невыразимой скорбью*). Да, ты не сынъ мой, да! Я хотѣла тебя погубить... Но твоя родина... твои братья... Крестъ на твоей презрѣнной груди... неужели все... все ты могъ продать за ея ласки... за милость того, кто выпилъ кровь твоей земли... знаешь ли ты, что ты сдѣлалъ? О, лучше тебѣ умереть, не узнавши! Знаешь-ли, что ты сдѣлалъ? Ты погасилъ солнце передъ его восходомъ! Ты создалъ въ отчизнѣ беспросвѣтную ночь!

Эрекле. Рукайя! Мои мысли мутятся... Рукайя! Это голосъ правды.

Рукайя. Я спасла тебя, повелитель.

Солейманъ (*наслаждался видомъ Зейнабъ*). Зейнабъ! Это твой мститель? Ты умѣешь выбирать. (*Въ двери*). Эй, стража! Схватить Старьбега, привести его немедленно ко мнѣ! Бить тревогу!.. Изрубить весь отрядъ царицы! (*Схватка за сценой. Страшные крики. Лязгъ оружія*).

Зейнабъ (*кидается къ Эрекле*). Спаси себя отъ послѣдняго позора! Иди—тамъ умирають за тебя! Умири съ ними. ●, перестань жить. Перестань жить. Люди не простятъ тебѣ.. можетъ быть Христось.. проданный тобою.. разбойника простившій... Иди! Умирай!

Эрекле (*съ воплемъ*). Рукайя!

Рукайя (*не глядя на него*). Я спасла тебя, властитель!

Солейманъ (*ерозно*). Зейнабъ! Не для шутокъ Богъ создалъ землю—и небо не для игры. Прежде чѣмъ ты умрешь, ты увидишь вновь все, что видѣла двадцать лѣтъ назадъ. Я вторично ступлю конемъ на грудь твоего сына, но прежде узнаетъ народъ, какъ твой сынъ продалъ и его и свою мать. Съ высотъ Метеха ты будешь глядѣть, какъ кровь захлещетъ у его подножья. Ты собрала свой народъ, ты сама поднесешь фитиль къ орудіямъ, наведеннымъ на него. (*Окно озаряется кровавыми блестящими. Слышенъ оглушительный взрывъ. Видны взлетающіе обломики. Страшные крики и лязгъ оружія. Рукайя съ отчаяннымъ крикомъ убѣгаетъ*).

Зейнабъ. Ананія! Спаси тебя Богъ!

Эрекле (*кидается къ двери*). Мать! Не прощай живому, молись за мертваго. (*Убѣгаетъ*).

8.

Солейманъ (*остолбенѣвшій отъ ужаса, кидается къ стѣнѣ, гдѣ оружіе, схватывается пистолетъ и шашку*). Ко мнѣ, воины Аллаха! (*Бой во всѣхъ дверяхъ и на террасѣ. Съ террасы врубается Дато на встрѣчу кинувшемуся Солейману*).

Дато. Волкъ, выходи изъ норы! (*схватывается съ нимъ грудь съ грудью, обмѣнявшись ударами*).

Зейнабъ (*на авансценѣ, на колыняхъ, во время схватки*). Пресвятая Матерь Божія! Къ твоему пронзенному сердцу молитва моя. На меня

возложи его грѣхъ, на меня одну! На меня одну! *(Дато валитъ Солеймана и наступаетъ ему на грудь. Врываются: Орбеліанъ, высокій лысый старикъ, Сембатъ, въ терной бородѣ съ простыдью, другіе вожди, крестьяне. Сабба входитъ съ посохомъ въ одной, съ обнаженной шашкой въ другой рукѣ. Къ шуму боя присоединяется колокольный звонъ. Справа выбѣгаетъ Гаянэ, за ней Иссахаръ).*

9.

(Крики при входѣ: „Крѣпость въ нашихъ рукахъ“. Они бѣгутъ. Спасайте царицу. Гдѣ Солейманъ? Смерть Солейману!).

Г а я н э. Дато!

Д а т о. *(Держа Солеймана подъ коленою)* Вожди! Онъ подъ моимъ коленомъ!

И с с а х а р ь. Дави его, какъ онъ раздавилъ твоего брата! Дави его, какъ онъ раздавилъ твою землю! *(Подходитъ къ лежащему на шахтѣ Солейману)*. Видишь-ли теперь мертваго младенца, непобѣдимый Солейманъ? Колѣно его брата давить твою грудь, какъ копыто твоего коня давило его, непобѣдимый Солейманъ! *(Выхватывалъ кинжалъ изъ рукъ ближайшаго воина)*. Пусть брызнетъ твоя кровь, какъ брызнула его, непобѣдимый Солейманъ. *(Заноситъ кинжалъ)*.

С а б б а *(хватаетъ ея руку)*. Стой! Кто смѣетъ судить при царицѣ Тамарѣ? Юноша, отпусти его. Теперь онъ не страшенъ. *(Дато опускаетъ колено. Бой стихаетъ. Солеймана схватываютъ)*.

О р б е л і а н ь *(кладя руку на плечо Солеймана)*. Я, Орбеліанъ, наследный вождь воиновъ царскихъ, налагаю на хищника руку мою и беру мечъ его.

С е м б а т ь *(срывая съ него тиорбанъ)*. Я, Сембатъ, по наследному праву вѣнчаю царей. Я срываю уборъ съ головы разбойника и бродяги и топчу его *(топчетъ галму ногой)*.

Т о л п а. Ослѣпить его! Искрошить лютаго звѣр! *(Солейманъ стоитъ съ глазами, возведенными къ небу)*.

С а б б а *(заслонивъ его, громкимъ голосомъ)*. Стойте, люди! Царица и царь рѣшатъ его судьбу.

Т о л п а. Суди его, царица! Да живетъ царевичъ Георгій!

Отаръ-бегъ, *(израненный и обезсиленный влѣптъ съ другими вносятъ смертельно раненаго Эрекле).*

Отаръ-бегъ *(шаталсь)*. Царица... сынъ твой убить. *(Эрекле кландутъ къ ногамъ царицы. Она не глядитъ на него. Все смолкаетъ).*

Зейнабъ. Благодарю тебя, Господи!

Эрекле. Прости мнѣ... мать... *(умираетъ).*

Зейнабъ *(склоняется молча къ его трупу. Она долго глядитъ на него. Потомъ поднимается, медленно идетъ къ Солейману и останавливается передъ нимъ, не спуская съ него глазъ).*

Солейманъ ханъ. *(Съ поднятой головой, глядя вверхъ, спокойно).* Твоя побѣда, Зейнабъ! Вели убить меня!

Зейнабъ. Тебя убить? Развѣ ты убилъ меня, когда ты побѣдилъ? Ты выпилъ по каплѣ душу, вѣру, честь мою. Ты двадцать лѣтъ топталъ и позорилъ народъ мой и моего Бога—и теперь, въ часъ побѣды и радости я, царица, горю отъ стыда и позора. Одна звѣзда свѣтила мнѣ въ непроглядной тьмѣ. *(Голосъ ея прерывается рыданіями).* Объ одномъ часѣ молила я Бога въ безсонныя ночи... Росъ мститель въ глуши, въ нищеть... И я видѣла часъ, когда я паду къ его ногамъ, и онъ будетъ судьей моимъ за мою ложь, за мой стыдъ... Онъ, освободитель земли моей, онъ, царь моего народа, смѣлый и чистый... И ты... твой развратный гаремъ... твой исламъ... порабощающій и беспощадный... *(голосъ ея обрывается)*... отняли... отняли мой послѣдній свѣтъ... погасили звѣзду мою... И за все — только смерть?!. Вожди и народъ! За всѣ мои муки—подарите мнѣ жизнь его! *(ропотъ)*. Вожди и народъ! Отомстите за вашу царицу! Не смертью! Не муками! Что муки и смерть для изувѣра? Нѣтъ! Его, непобѣдимаго, его, могучаго, его, гордаго, бросьте живымъ, побѣжденнымъ, безсильнымъ, униженнымъ къ ногамъ его господина. Подъ ярмомъ отошлите его въ руки враговъ. Пусть не раздѣлитъ онъ славы павшихъ сегодня. Пусть позоръ, рабство и безславіе заплатятъ ему за мой позоръ, за ваше рабство... за его безславную смерть. *(Указываетъ на трупу сына).* Сегодня умеръ вашъ царь!.. сынъ мой!.. Мой сынъ! *(Общій ропотъ).*

Солейманъ! Сынъ твой—изм...

Зейнабъ (*властно*). Молчи, рабъ! Прирожденная царица не лжетъ своему народу. Вожди и народъ! Этотъ убитый ребенокъ, мой сынъ и сынъ царя вашего,—измѣнили вамъ. Правда, онъ былъ обманутъ, но онъ измѣнилъ. И я велѣла ему умереть—и онъ умеръ! Пусть же вмѣстѣ насъ судитъ Господь! (*Закальвается. Общій крикъ ужаса и запльмъ мертвое молчаніе*).

Сабба. Покойтесь въ мирѣ, смертью поправшіе грѣхи! Господь ждетъ васъ!

Занавѣсъ.

Михаилъ Семеновичъ Щепкинъ на Московской сценѣ.

Матеріаль для его біографіи.

(По поводу сороколѣтія его смерти *).

М. С. Щепкинъ поступилъ на службу къ „Императорскимъ московскимъ театрамъ“ изъ вольноотпущенныхъ дворовыхъ людей, съ отпускною, выданною ему отъ помѣщика его, князя Николая Григорьевича Рѣпина, 1821 года ноября 18-го. Изъ свидѣтельства же московской казенной палаты 1832 г. августа 8-го, даннаго матери Михаила Семеновича, какъ сказано въ томъ свидѣтельствѣ „отпущенный вѣчно на волю отъ князя Н. Г. Рѣпина, вдовѣ Марѣ Тимофеевой съ дочерьми Анною и Елизаветою и рожденными послѣ 7-й ревизіи внуками Дмитріемъ и Николаемъ Михайловыми Щепкиными, для избранія рода жизни“, видно, что умершій мужъ ея (отецъ знаменитаго артиста), Семень Григорьевъ Щепкинъ, со всѣмъ семействомъ достался князю Рѣпину, „по покупкѣ у наслѣдниковъ помѣщика Курской губерніи Суджакскаго уѣзда, графа Гаврилы Волкенштейна“. М. С. Щепкинъ былъ опредѣленъ на службу къ московскимъ театрамъ актеромъ, вслѣдствіе его прошенія, по предложенію московскаго военнаго генераль-губернатора, подъ главнымъ начальствомъ котораго былъ въ то время московскій театръ. Срокъ службы положено считать съ 6-го марта 1823 г., т. е. со времени приѣзда Щеп-

*) Изъ бумагъ В. И. Родиславскаго, провѣренныхъ по архивнымъ матеріаламъ конторъ Императорскихъ Московскихъ театровъ.

кина въ Москву изъ тульскаго театра, гдѣ онъ еще оставался уже послѣ дебютовъ своихъ на московской сценѣ.

29-го сентября 1831 г., по существующему въ дирекціи правилу, чтобы артистъ за шесть мѣсяцевъ до срока своего контракта заявлялъ о томъ, хочетъ-ли онъ продолжать свою службу при дирекціи и на какихъ условіяхъ,—Щепкинъ подалъ состоявшему въ то время въ должности директора московскихъ театровъ, извѣстному писателю М. Н. Загоскину, доношеніе, въ которомъ объяснялъ, что срокъ заключеннаго съ нимъ контракта кончается 6-го марта 1832 г., и спрашивалъ: благоудна ли будетъ его служба при дирекціи на дальнѣйшее время и на какихъ условіяхъ? Загоскинъ написалъ на этомъ доношеніи: „на сто лѣтъ, только бы прожилъ“. По всей вѣроятности, Щепкинъ видѣлъ эту резолюцію, но официальнымъ образомъ ему было объявлено отъ конторы, что „правлящій должность директора, камергеръ Михаилъ Николаевичъ Загоскинъ, въ уваженіе его отличнаго таланта, пріятностью поставяетъ имѣть его на службѣ при Императорскихъ театрахъ на тѣхъ-же самыхъ кондиціяхъ, какія были прежде. Въ 1832 г. Щепкинъ ѣздилъ въ Петербургъ и игралъ на тамошнихъ театрахъ.

15-го іюля 1832 г., директоръ московскаго театра Загоскинъ вошелъ съ рапортомъ къ министру Императорскаго Двора, въ которомъ объяснилъ, что „хотя въ штатѣ школы С.-Петербургскаго Императорскаго театра и въ самомъ постановленіи положенъ въ числѣ прочихъ учителей и преподающій правила декламации, но въ здѣшней (московской) театральной школѣ до сихъ поръ не было еще постояннаго мѣста учителя драматической декламации.“—Находя этотъ классъ необходимо-нужнымъ, Загоскинъ спрашивалъ разрѣшенія министра Двора—опредѣлить въ учителя декламации при Московской театральной школѣ, съ жалованьемъ по 2.000 р. асс. въ годъ „актера Щепкина, какъ человѣка, совершенно знающаго это искусство и способнаго образовать полезныхъ для сцены драматическихъ артистовъ“.

Министръ Двора кн. Волконскій утвердилъ это представленіе и Щепкинъ назначенъ былъ учителемъ декламации въ московской Театральной школѣ. Въ должность эту онъ вступилъ 9-го августа 1832 г.

Въ 1833 г., Щепкинъ хлопоталъ объ опредѣленіи сына своего, Дмитрія, въ московскій университетъ и подавалъ въ контору московскихъ театровъ прошеніе о выдачѣ ему для этого потребныхъ документовъ.

Въ 1837 г. Щепкинъ испрашивалъ пятимѣсячный отпускъ для поправленія здоровья, съ сохраненіемъ жалованья и выдачею ему вспомошествованія на поѣзду въ южный край. Въ прошеніи, поданномъ имъ Загоскину, онъ писалъ: „Въ продолженіе четырнадцатилѣтней службы моей на Императорскомъ московскомъ театрѣ въ званіи артиста, отъ частой игры многотрудныхъ ролей и отъ огромности московской сцены*), голосъ мой ослабѣлъ до такой степени, что теряю всякую надежду на продолженіе службы безъ необходимаго излѣченія. Медики, у которыхъ я просилъ совѣта, въ такомъ случаѣ предлагаютъ, какъ весьма полезное средство, для отвращенія такого рода болѣзни, отправиться на полгода въ одинъ изъ южныхъ приморскихъ городовъ, утверждая, что морская вода можетъ укрѣпить ослабѣвшее мое горло и голосъ“.— Московская дирекція ходатайствовала о дозволеніи ему этого отпуска, не только „изъ уваженія къ его таланту, но по его примѣрной службѣ, усердію и отличному поведенію“. Императоръ Николай Павловичъ разрѣшилъ ему этотъ отпускъ, хотя и безъ сохраненія жалованья, но всетаки съ выдачею ему единовременнаго пособія, равнаго его полугодовому содержанію, что составляло 4.500 р. асс. Щепкинъ въ это время получалъ въ годъ, какъ актеръ 4.000 р., какъ учитель декламации 2.000 р. на гардеробъ 1.000 р. и квартирныхъ 2.000 р. (все это на ассигнаціи). 17-го марта 1843 г. Щепкинъ былъ награжденъ пенсіономъ изъ Кабинета Его Величества по 1142 р. 82 коп. с. въ годъ и оставленъ на прослуженіе двухъ лѣтъ въ благодарность дирекціи за пожалованный пенсіонъ, на основаніи закона, по которому артисты, русскіе поданные, по полученіи пенсіи обязаны прослужить еще два года въ благодарность, если впрочемъ, дирекція театровъ признаетъ это нужнымъ, не требуя болѣе того содержанія, какое получали до назначенія пенсіи.

Щепкинъ былъ оставленъ на прослуженіе этой благодарности, съ производствомъ ему отъ дирекціи добавочныхъ окладовъ, не вошедшихъ въ сумму пенсіона, исключая квартирныхъ и экипажныхъ; но въ апрѣлѣ того-же года велѣно было ему производить и квартирные и экипажные, а только прекратить окладъ жалованья, обращенный ему въ пенсіонъ.

Въ 1843 г. онъ ѣздилъ въ отпускъ въ Одессу для поправленія

*) Драматическіе спектакли въ то время шли постоянно въ Большомъ театрѣ, который до пожара былъ очень дуренъ въ акустическомъ отношеніи и требовалъ отъ актера большого усилія голоса.

здоровья, срокомъ на 5 мѣсяцевъ безъ сохраненія жалованья. По минованіи срока 17-го марта 1845 г. заключеннаго съ дирекціею контракта, было предложено Щепкину заключить съ нимъ контрактъ еще на три года, съ производствомъ прежде получаемаго Щепкинымъ жалованья по 1.142 р. 80 к. сереб. въ годъ и поспектакльныхъ по 35 р. 70 к. сер. за каждое сыгранное въ казну представленіе, съ полнымъ ежегоднымъ бенефисомъ въ зимнее время, на собственныхъ вечеровыхъ расходахъ Щепкина, и съ предоставленіемъ ему ежегоднаго отпуска на мѣсяць. Но Щепкинъ не согласился на это предложеніе и просилъ заключить съ нимъ контрактъ на этихъ условіяхъ только на годъ, по причинѣ разстроеннаго здоровья. Дирекція согласилась на желаніе Щепкина, но только подъ тѣмъ условіемъ, если состояніе здоровья его позволить ему продолжать службу, тогда контрактъ его продолжится еще на два года, на тѣхъ-же условіяхъ. Контрактъ былъ заключенъ. По окончаніи этого контракта, 17-го марта 1845 г. Щепкину было предложено возобновить его на прежнихъ условіяхъ; но Щепкинъ просилъ прибавки еще 1.000 р. сер. въ годъ. Однако-же согласія на это не послѣдовало, а ему было предложено увеличеніе поспектакльной платы, вмѣсто прежнихъ 35 р. за спектакль до 40 р.; и съ этимъ условіемъ былъ заключенъ по 17-е марта 1851 г. контрактъ, по окончаніи котораго Щепкину было снова предложено возобновить свой контрактъ еще на три года на прежнихъ условіяхъ. Но Щепкинъ просилъ, чтобы въ контрактѣ было выставлено опредѣлительно число разъ, сколько онъ долженъ сыграть въ годъ, а именно 40, представляя при этомъ, что онъ участвовалъ въ казенныхъ спектакляхъ: въ 1845 г. 72 раза, въ 1846 г. 43 раза, въ 1847 г. 76 разъ, въ 1848 г. 51 разъ и 1849 г. 47 разъ.—Но на это ему было объявлено, что, по существующему въ дирекціи правилу, слѣдуетъ въ контрактахъ, заключаемыхъ съ артистами, получающими поспектакльную плату, отнюдь не опредѣлять число разъ, въ которыхъ долженъ сыграть артистъ, ибо поспектакльная плата есть не жалованье, а только мѣра поощренія, и слѣдственно, должна быть опредѣляема не инымъ чѣмъ, какъ числомъ дѣйствительныхъ, а не предполагаемыхъ представленій. Поэтому контрактъ съ 17-го марта 1851 г. по 17-е марта 1854 г. былъ заключенъ на прежнихъ условіяхъ.

Съ 22-го іюля 1852 года Щепкинъ былъ отпущенъ на 28 дней въ разные города Россійской Имперіи. Съ этимъ отпускомъ онъ поѣхалъ въ

Петербургъ и просилъ у бывшаго въ то время директора Императорскихъ театровъ позволенія играть тамъ, что и было ему разрѣшено. Между тѣмъ срокъ его отпуска кончился, но онъ былъ постоянно отсрачиваемъ директоромъ по 1 октября 1852 г. Контора московскихъ театровъ просила разрѣшенія директора прекратить, по происшествіи 28 дней, Щепкину производство жалованья на общихъ правилахъ дирекціи, на что и послѣдовало согласіе директора. По объявленіи Щепкину объ этомъ распоряженіи, онъ подалъ отъ себя объясненіе, которое мы приводимъ вполнѣ, такъ какъ по нашему мнѣнію оно довольно характеристично.

„Воспользовавшись, на основаніи контракта, отпускомъ съ 22-го іюля сего года на 28 дней, отправился я по собственнымъ дѣламъ въ Петербургъ. Предъ наступленіемъ срока моему отпуску, г. инспекторъ репертуара с.-петербургскихъ театровъ объявилъ мнѣ волю его высокопревосходительства г. директора театровъ, чтобы я участвовалъ въ представленіяхъ тамошняго театра, ради чего и выдана была мнѣ, съ разрѣшенія его высокопревосходительства, отсрочка по 1-ое октября текущаго года. Нынѣ, по возвращеніи своемъ въ Москву, контора московскихъ театровъ поставляетъ меня въ извѣстность, что, согласно предписанію его высокопревосходительства, послѣдовавшему 16-го сентября сего года за № 430, по рапорту конторы московскихъ театровъ, за сдѣланную „будто бы, мною просрочку—выдача жалованья мнѣ прекращена. Въ теченіи долготѣней своей службы, не позволивъ себѣ уклоняться отъ обязанностей своихъ, и въ настоящемъ случаѣ, кромѣ нѣкотораго недоразумѣнія, не видя никакого упущенія съ своей стороны, при всемъ уваженіи моемъ къ начальству, беру смѣлость обратить его вниманіе на то, что оставаясь я въ С.-Петербургѣ долѣе даннаго мнѣ отпуска единственно во исполненіе воли его высокопревосходительства, и слѣдовательно, ни въ какомъ случаѣ не могу подлежать штрафу за дѣйствіе, совершенное мною изъ повинованія къ начальству, тѣмъ болѣе, что, и по смыслу 5 пункта, заключеннаго мною контракта, я обязанъ, по волѣ дирекціи, играть на Императорскихъ театрахъ, въ какомъ-бы городѣ оныя ни были. Вслѣдствіе сего, покорнѣйше прошу Контору московскихъ театровъ довести о вышеизложенномъ до свѣдѣнія его высокопревосходительства и испросить разрѣшеніе на выдачу мнѣ удержаннаго жалованья, ибо въ настоящемъ случаѣ я выполнялъ единственно приказаніе моего начальства. Артистъ Михайло Щепкинъ“.

На это объясненіе Щепкина, бывшій въ то время директоромъ Императорскихъ театровъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ Гедеоновъ, предписалъ ему объявить, что на выдачу ему жалованья за время, въ которое послѣ даннаго отпуска, пробылъ онъ въ С.-Петербургѣ, согласиться не можетъ, потому: 1) что отпускъ былъ данъ Щепкину отъ московской конторы не по требованію с.-петербургской дирекціи, для участія въ спектакляхъ оной, но по собственнымъ дѣламъ его. 2) Каждая отсрочка отпусковъ иначе не дѣлается, какъ съ разрѣшенія директора; но это не доказываетъ еще того, чтобы вмѣстѣ съ отсрочкою предполагалось бы и утвержденіе на выдачу жалованья за время отсроченнаго отпуска. Отсрочка отпусковъ избавляетъ артистовъ только отъ взысканія штрафовъ, налагаемыхъ въ тѣхъ случаяхъ, еслибы артистъ просрочилъ отпускъ самовольно, не испрося предварительно на то дозволенія. 3) Участіе актера Щепкина въ представленіяхъ на с.-петербургскихъ театрахъ было основано не на требованіи о томъ дирекціи, но на собственномъ вызовѣ и желаніи г. Щепкина не проживать въ Петербургѣ безъ дѣла и самыя отсрочки были даваемы ему не прямо по 1-е октября, но первоначально на нѣсколько дней и продолжены потомъ до 1-го октября, смотря по тому какъ просилъ Щепкинъ, соображаясь съ своими дѣлами. 4) Предъ началомъ г. Щепкинымъ въ С.-Петербургѣ своихъ представленій, были ему предъявлены условія, между коими не было и рѣчи о сохраненіи при немъ жалованья,—и наконецъ, 5) получивши за каждое представленіе по 40 р. сер. поспектакльныхъ, а сверхъ того послѣ 13 разъ, полубенефисъ, директоръ полагаетъ, что г. Щепкинъ за труды свои достаточно уже вознагражденъ. Но вскорѣ жалованье это было выдано Щепкину по предписанію того-же директора, подъ тѣмъ предлогомъ, что Щепкинъ, во время этого отпуска, имѣлъ счастье играть и при Высочайшемъ дворѣ, въ Царскомъ Селѣ.

Въ апрѣлѣ 1853 г. Щепкинъ, вмѣстѣ съ сыномъ своимъ, магистромъ московскаго университета, Дмитріемъ, для излѣченія болѣзни послѣдняго, былъ уволенъ въ отпускъ за границу въ южную Францію и Италію на пять мѣсяцевъ. Передъ отъѣздомъ Щепкина, въ честь его былъ устроенъ почитателями его таланта въ саду М. П. Погодина прощальный обѣдъ.

Чествуемый приглашенъ былъ наканунѣ: два литератора С. П. Шевыревъ и А. Н. Островскій, и два актера, П. М. Садовскій и С. В. Шумскій, ѣздили къ нему съ приглашеніемъ отъ имени его почитателей. Въ 4 часа

въ воскресенье 10 мая собрались гости. М. С. Щепкинъ встрѣченъ былъ на балконѣ хозяиномъ дома, М. П. Погодинымъ, который сказалъ ему: „Привѣтствую васъ отъ имени вашихъ многочисленныхъ почитателей, здѣсь собравшихся; вы можете вообразить себѣ сами, какъ мнѣ пріятно быть ихъ представителемъ, въ увѣнчаніе нашей двадцатипятилѣтней съ вами пріязни. Милости просимъ!“ Михайло Семеновичъ прослезился съ первыхъ словъ. Всѣ присутствовавшіе наперерывъ спѣшили къ нему навстрѣчу чтобы пожать ему руку. Погода, ненастная въ продолженіи всей недѣли, разгулялась, какъ нарочно, ко времени обѣда. Солнце сіяло во всемъ блескѣ. „Природа нынче за искусство“, сказалъ Шевыревъ. „Оттого, что искусство обращается нынче къ природѣ“, отвѣтилъ Островскій.

Когда за обѣдомъ налиты были бокалы шампанскаго, М. П. Погодинъ сказалъ слѣдующее: „Милостивые государи! Нѣсколько лѣтъ сряду, въ этомъ самомъ саду, въ этотъ почти день и часъ, собирались мы обыкновенно къ незабвенному нашему Гоголю, праздновать его именины. Это былъ самый дорогой для него день, о которомъ онъ любилъ заранѣе хлопотать, совѣтоваться,—устраивать. Въ послѣдній разъ, вы помните,—это такъ недавно,—сидѣлъ онъ здѣсь на краю, облокотясь на столъ, задумчивый и молчаливый, какъ будто предчувствуя близкій свой конецъ. И вотъ нынѣ его нѣтъ между нами!.. Не могу не вспомнить объ немъ при этомъ случаѣ, по многимъ причинамъ. Онъ первый поспѣшилъ бы выразить наши чувства глубокаго уваженія и истинной признательности тому достойному артисту, которому собрались отъ души воздать мы честь, и кто лучше Гоголя исполнилъ бы эту обязанность? Чье слово можетъ имѣть столько вѣса, какъ не автора Городничаго, Утѣшительнаго, Кочкарева и Бурдюкова? Прибавлю еще вотъ что: Гоголь самъ обязанъ былъ многимъ Щепкину. Не говорю объ ихъ слишкомъ двадцатилѣтней, близкой, короткой связи, не говорю объ ихъ частыхъ бесѣдахъ, исключительно посвященныхъ драматическому искусству и русской жизни, не говорю о веселыхъ, живыхъ и умныхъ разсказахъ Щепкина, которые часто встрѣчаются въ сочиненіяхъ Гоголя,—но тотъ смѣхъ, который Щепкинъ возбуждалъ въ Гоголѣ, еще молодомъ человѣкѣ, выступившемъ на поприще, не былъ ли задаткомъ того смѣха, какимъ послѣ надѣлилъ насъ Гоголь съ такимъ избыткомъ? Выводя на сцену многія дѣйствующія лица, Гоголь не имѣлъ ли въ виду Щепкина? Есть русская пословица: началъ за здравье, а свелъ за упокой. Мнѣ пришлось наоборотъ.—начать за упокой и свести

за здравье. Да здравствуетъ старшій, знаменитый представитель русской комедіи, заслуженный артистъ московской сцены, добрый, веселый, любезный, живой человекъ, — Михаилъ Семеновичъ Щепкинъ!⁴ Раздались рукоплесканія, и здоровье Михаила Семеновича выпито всѣми гостями до дна. С. П. Шевыревъ произнесъ стихи, обращаясь къ знаменитому артисту:

Московской сцены честь и слава!
Комедій русскихъ красота!
Сердечный смѣхъ — твоя держава,
Игра — природы простота.

* * *

Художникъ честный, безъ упрека,
И красоты, и правды жрецъ,
Казнитель страсти и порока,
Прими отъ насъ любви вѣнецъ!

Раздались голоса: „вѣнокъ, вѣнокъ!“ и на бюстъ Щепкина, стоявшій среди аллеи, возложенъ былъ торжественный вѣнокъ изъ миртовыхъ листьевъ и цвѣтовъ.

Вѣнецъ тѣхъ чувствъ и наслажденій,
Намъ всѣмъ дарованныхъ тобой,
Когда твой вдохновенный геній
Насъ очаровывалъ игрой.

* * *

Игрою той веселонравной
Вѣнокъ давно ты заслужилъ,
Его тебѣ нашъ Гоголь славный
Еще при жизни присудилъ.

* * *

Всѣхъ слабостей людскихъ личины,
Отъ глубины душевныхъ силъ,
Изъ сердца пошлой, грязной тины,
Ты въ перль созданья возводилъ.

* * *

И съ нами здѣсь незримымъ пиромъ
Пируетъ понятый тобой,

Вслѣди за Мольеромъ и Шекспиромъ,
Поэтовъ русскихъ честный строй.

* * *

Репертуаръ твой, безъ избытка,
Ихъ именами озлатимъ:
Капнистъ, Загоскинъ, Гоголь, Квитка,
И Грибоѣдовъ съ Шаховскимъ.

* * *

Блаженъ, кто нашихъ чувствъ былъ эхомъ,
Кто силу ихъ въ душѣ носилъ,
И подъ веселымъ яркимъ смѣхомъ
Слезу сердечную таилъ.

* * *

Тѣмъ смѣхомъ намъ не обижаться,
Таковъ ужъ сердца вѣщій гласъ:
Тому надъ нами лишь смѣяться,
Кто чистымъ сердцемъ любить насъ.

* * *

Ты любишь насъ, смѣясь надъ нами,
Надъ нашей праздной суетой,
И жизни мелкими страстями,
Съ ихъ безотрадной пустотой.

* * *

И жаромъ сильнаго попрека,
Живѣй, чѣмъ блескомъ похвалы,
Разумный образъ человѣка
Въ насъ озаряетъ сердца мглы.

* * *

Прекрасны въ Божьемъ мірѣ грозы,
Улыбки дня, и дождь, и снѣгъ!
Прекрасенъ плачь, прекрасны слезы,
И отъ души текущій смѣхъ.

* * *

Прощай до сладкаго свиданья!
Скорѣй чтобъ Богъ тебя принесъ!..
Для грохота, рукоплесканья,
Для хохота сквозь радость слезъ!

Стихи кончились подъ громомъ рукоплесканій. Послѣ С. П. Шевырева прочелъ другіе стихи Н. В. Бергъ.

Здѣсь, подъ этими вѣтвями,
Вспомнилъ я обѣдъ другой:
Здѣсь сидѣлъ когда-то съ нами
Именинникъ дорогой.

* * *

Въ маѣ, радуясь раздолью
Зеленѣющихъ полей,
Здѣсь любилъ онъ хлѣбомъ-солью
Угощать своихъ друзей.

* * *

Будто слышу и досель я
Раздающійся межъ насъ,
Полный чистаго веселья,
Оживленный вѣщій гласъ...

* * *

Нѣтъ его... сокрылся геній!..
Но остался съ нами тотъ,
Кто живыхъ его твореній
Типы намъ передаетъ.

* * *

За великаго актера
Выпьемъ дружно: будь здоровъ,
Городничій „Ревизора“,
Бурдюковъ и Кочкаревъ!

* * *

Ѣдешь въ путь ты,—но смотри же,
Обѣзжая чуждый край,
На Рашель глядя въ Парижъ,
И своихъ не забывай!

* * *

Хлестакову здѣсь, пожалуй,
Безъ тебя не сдобровать;
Да и Осипъ—славный малый—
Тоже будетъ горевать!

* * *

Да и всѣ друзья и братья...
Такъ вернись же поскорѣй
Въ распростертыя объятія
Этихъ братьевъ и друзей!

Гости единогласно потребовали повторенія: bis, bis!.. Послѣ Берга прочелъ В. И. Родиславскій свое стихотвореніе, сопровождавшееся тоже общими рукоплесканіями:

Настало время разставанья:
Разлука сердце намъ щемить,
И пѣснь хвалы пусть на прощанье
Тебѣ достойно прогремитъ!

* * *

Красою, славой русской сценѣ
Ты много лѣтъ, нашъ Щепкинъ, былъ,
И Талин, и Мельпоменѣ
Ты честно, праведно служилъ!

* * *

Сокровища родныхъ повтовъ
Умѣлъ достойно передать,
И Пушкинъ, Гоголь, Грибоѣдовъ—
Спасибо громкое сказать

* * *

Тебѣ должны; и вмѣстѣ съ ними
Хвала тебѣ изъ рода въ родъ,
Съ воспоминаньями живыми,
Къ потомкамъ нашимъ перейдетъ!

* * *

Творилъ ты образы живые,
Ты нашу Русь лицетворилъ,
На сценѣ нашей ты впервые
Какъ человѣкъ заговорилъ.

* * *

Скорѣй, скорѣе въ путь обратный,
Тебя въ отчизну мы зовемъ,

Здѣсь ждетъ тебя, артистъ нашъ славный,
Родной московскій нашъ пріемъ.

Михаилъ Семеновичъ со слезами всталъ и прерывающимся голосомъ благодарилъ за честь, ему оказанную. Вотъ его слова: „Священнымъ долгомъ считаю принести вамъ глубочайшую признательность за ту высокую честь, которой вы въ нынѣшній день меня удостоили. Къ сожалѣнію, несмотря на свойственное каждому человѣку самолюбіе, я чувствую, что не въ полной мѣрѣ заслужилъ ее, а единственно обязанъ этой честью вашему доброму снисхожденію. Къ тому же все, что вы находите во мнѣ достойнымъ какой-либо оцѣнки принадлежитъ собственно не мнѣ,—все это принадлежитъ Москвѣ, то есть тому избранному, высоко-образованному обществу, умѣющему глубоко понимать искусство, которымъ Москва всегда была богата. Это общество, при самомъ появленіи моемъ на московской сценѣ, благодаря содѣйствию покойнаго, многоуважаемаго начальника, Федора Федоровича Кокоскина, приняло меня въ свой кругъ. Въ этомъ кругу было все,—и литераторы, и поэты, и преподаватели московскаго университета; тридцать лѣтъ я находился въ этомъ кругу. Правда, я не сидѣлъ на скамьяхъ студентовъ, но съ гордостью скажу, что я много обязанъ московскому университету въ лицѣ его представителей; одни научили меня мыслить, другіе глубоко понимать искусство. Бесѣды объ искусствѣ собственно для меня не умолкали, и я съ глубочайшимъ вниманіемъ вслушивался въ нихъ. И такъ, м. г., вы сами видите, что все, что находите во мнѣ замѣчательнаго, принадлежитъ собственно вамъ;—вы были, такъ сказать, сѣятели, а мнѣ, какъ счастливцу, досталась жатва;—вы м. г., вы создали для меня нынѣшній великій день!

Въ тридцать лѣтъ многое измѣнилось, но измѣнялись лица, а мысль объ искусствѣ жила, не измѣняясь; да, въ тридцать лѣтъ много выбыло изъ общества, много прибыло вновь, и къ числу первыхъ, съ сердечною горестью и глубокимъ уваженіемъ скажу, принадлежать и наши два великіе комическіе писателя. Имъ я обязанъ болѣе всѣхъ, они меня, силою своего могучаго таланта, такъ сказать, поставили на видную степень въ искусствѣ: это—Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ и Николай Васильевичъ Гоголь. Находясь долго въ такой семьѣ, я былъ бы совершенно ничто, еслибъ изъ меня не вышло уже ничего дѣльнаго. Итакъ еще разъ, съ совершенною признательностью, скажу вамъ, м.м. г.г.,—вамъ все принадлежитъ; вашимъ бесѣдамъ я собственно обязанъ тѣмъ, что любовь моя къ искусству

съ каждымъ днемъ развивалась болѣе и болѣе. Одно, что собственно принадлежитъ мнѣ,—это добросовѣстное занятіе, трудъ, на какой только способенъ человѣкъ, посвятившій всю жизнь свою драматическому искусству, и да послужить это примѣромъ молодымъ моимъ товарищамъ, которымъ дорога къ искусству гораздо болѣе очищена. Пусть изъ нынѣшняго дня они поймутъ, какая блестящая будущность ждетъ ихъ впереди: примѣръ передъ глазами. Вы, м.м. г.г., на сорокъ восьмомъ году моего драматическаго поприща, сегодня подарили меня счастливейшимъ днемъ въ жизни моей; да, счастливейшимъ: вы меня, всегдашняго вашего собесѣдника, такъ сказать семьянина, нынче удостоили быть избраннымъ вашимъ гостемъ. Это много, слишкомъ много для старика. Простите.. тутъ я долженъ остановиться поневолѣ, потому что не нахожу словъ, чтобы хоть въ половину выразить то глубокое чувство благодарности, какимъ проникнуто въ эту минуту мое старое, но все еще сильно бьющееся сердце“.

Рукоплесканія не умолкали. Т. Н. Грановскій сказалъ: „позвольте мнѣ предложить бокалъ за здоровье тѣхъ, кому пришла благородная и прекрасная мысль нынѣшняго праздника. Мы собрались сюда со всѣхъ приходовъ нашей Москвы, во имя всѣхъ братающаго и соединяющаго искусства. И кому же приличнѣе быть предсѣдателемъ такого пира, достойнейшимъ представителемъ искусства, какъ не М. С. Щепкину! На Руси всегда было и будетъ много дарованій. Природа щедро надѣлила умственными силами русскаго человѣка. Но скажемъ со смиреніемъ, что намъ часто недостаетъ одного качества, безъ котораго благороднѣйшія силы бесплодно гибнуть: намъ не достаетъ терпѣнія въ трудѣ, выдержки, умственнаго упорства. Честь и слава русскому художнику, который почти полвѣка трудился на поприщѣ искусства, не слабѣя духомъ, не слабѣя усердіемъ! Да послужить его жизнь, исключительно посвященная служенію искусству, примѣромъ всѣмъ намъ, позднѣе его вступившимъ на поприще и уже носящимъ въ груди начатки преждевременной усталости и охлажденія!“

Затѣмъ послѣдовали тосты за здоровье Н. А. Рамазанова, сохранившаго черты Щепкина, А. Н. Островскаго, П. М. Садовскаго, Васильева, Степанова, Шумскаго. Послѣ обѣда Т. М. Домбровскій (только что приглашенный на московскую сцену малорусскій актеръ, замѣчательный талантъ комическій), подошелъ къ Щепкину и сказалъ:

Мій милый, мій сердечный тату!

Погодинъ тебе и насъ зазавъ до себе въ хату

Винъ гарными вареньками накормывъ
И шампанскимъ добре напоивъ.

* * *

Мы все прибрали чистенько;
Наився каждый зъ насъ всмакъ.
Вси будутъ згадовать частенько,
Та ще и спасыби скаже всякъ.

* * *

Яка жъ тому була причина...
Ты наша потиха едина!
Го насъ оставляетъ,
Въ чужи краи отъизжааетъ,
Такъ ми зійшлыся попрощаться,
На дорогу добре нациловаться.
Прощай! Цилую тебе, мой голубке сызенькій;
Вертайся, вертайся жъ до насъ здоровенькій!
Охъ! безъ тебе ни съ кимъ мыни Стецька дурного граты...
Москва и я будемъ съ нетерпньемъ тата ждаты.

Bis! bis! bis!...

Между тѣмъ загорѣлась жжонка, а Щепкинъ и Садовскій прочли нѣсколько отрывковъ изъ сочиненій Гоголя. Потомъ Щепкинъ разсказалъ, съ неподражаемымъ своимъ искусствомъ, нѣкоторыя сцены изъ сочиненій Гоголя. Къ позднему вечеру разъѣхались гости, пожелавъ любезному путешественнику счастливаго пути и скорого возвращенія.

10-го марта 1834 г. Щепкинымъ былъ возобновленъ контрактъ еще на три года на прежнихъ условіяхъ, по окончаніи котораго онъ былъ оставленъ на продолженіе службы на прежнемъ положеніи, но только безъ контракта; почему Щепкинъ, дабы сохранить въ памяти условія прежняго контракта, просилъ выдать съ него скрѣпленную копию, что и было исполнено. Въ 1855 г. справлялся пятидесятилѣтній юбилей театральной дѣятельности Михаила Семеновича.

За два дня до него, назначена была депутація объявить заслуженному артисту о желаніи московской публики и его знакомыхъ дать въ честь его обѣдъ, по случаю исполнявшагося пятидесятилѣтія его службы, въ залѣ художественнаго класса (Школа живописи и ваянія). Депутатами избраны: отъ публики А. Ф. Томашевскій, одинъ изъ стар-

ших знакомых Щепкина въ Москвѣ, землякъ по Курску; отъ ученаго сословія С. П. Полуденскій, университетскій библіотекаръ и С. В. Шумскій, воспитанникъ и товарищъ его по театру. Нечего говорить съ какимъ удовольствіемъ и благодарностью принято было радушное предложеніе. 26-го ноября, въ субботу (единственный день, когда актеры свободны) назначенъ былъ обѣдъ. Когда все было готово въ залахъ и собрались всѣ участвовавшіе. Въ 3-мъ часу отправились депутаты: А. О. Армфельдъ, П. М. Леонтьевъ, (вмѣсто занемогшаго М. Н. Каткова) и Н. И. Самаринъ просить честнаго гостя къ обѣду. Лишь только онъ показался въ дверяхъ, грянула музыка. Онъ встрѣченъ былъ учредителями праздника и отведенъ въ среднюю залу, гдѣ посаженъ на приготовленное ему въ срединѣ за столомъ мѣсто. Началось чтеніе. К. С. Аксаковъ прочелъ обзоръ сценической дѣятельности Щепкина, сочиненное отцомъ его С. Т. Аксаковымъ. Прекрасная статья была прослушана съ глубочайшимъ вниманіемъ. Щепкинъ плакалъ, слѣдя за годами своей жизни, пролетавшими одинъ за другимъ въ его воображеніи, начиная съ перваго дня, когда онъ, бѣдный мальчикъ, изъ суфлерской конурки явился на сцену. У слушателей не разъ вырывались клики похвалы. Окончаніе было покрыто рукоплесканіями. Эта рѣчь дала смыслъ всему празднику: всякій увидѣлъ ясно, понялъ, оцѣнилъ достоинства и заслуги художника. Ф. А. Бурдинъ, только что пріѣхавшій нарочно изъ Петербурга, прочелъ привѣтствіе отъ петербургскихъ артистовъ, вызвавшее громъ рукоплесканій. Къ обѣду сопровождаемъ былъ Щепкинъ М. П. Погодинымъ и С. В. Перфильевымъ. Великолѣпная зала, украшенная картинами и статуями, вся загорѣлась яркими огнями: посрединѣ возвышался бюстъ Щепкина, изваянный Рамазановымъ, осыненный миртами и розами. Внизу блистала подпись: 1805—1855. Въ срединѣ обѣда, предлагая тостъ за здоровье честнаго гостя, произнесъ привѣтственную рѣчь М. П. Погодинъ. Вслѣдъ за нимъ подошелъ къ столу К. П. Барсовъ и выразилъ чувства своей благодарности многолѣтнему благодѣтелю своего семейства. Слезы прерывали его рѣчь. Всѣ присутствовавшіе были тронуты и осыпали молодого человѣка изъявленіями своего къ нему сочувствія и уваженія. Хорошо тому, кто добро дѣлаетъ: еще лучше тому, кто добро помнитъ, сказалъ кто-то. М. К. Гульковскій, старый любитель театра сказалъ, подойдя къ Щепкину: „много вы смѣшили меня, Михайлъ Семеновичъ, но все таки не столько, сколько я теперь плакалъ“. Рѣчи слѣдовали одна за другою: говорилъ

С. П. Шевыревъ, С. М. Соловьевъ, С. В. Шумскій; Н. А. Рамазановъ извѣщая свою прекрасную рѣчь, будто рѣзцомъ, какъ замѣтилъ одинъ изъ присутствовавшихъ; Ф. А. Бурдинъ прочелъ два стихотворенія петербургскихъ артястовъ, П. А. Каратыгина и П. И. Григорьева; С. П. Шевыревъ прочелъ письмо петербургскихъ литераторовъ. Всѣ рѣчи и стихи покрывались рукоплесканіями. Растроганный, дрожащимъ голосомъ, произнесъ онъ слѣдующее благодарственное слово.

— Мм. г.г.! Этотъ ничѣмъ неоцѣнимый почетъ, которымъ вы удостоиваете стараго представителя искусства, радостенъ для меня тѣмъ болѣе, что я вижу въ немъ явное свидѣтельство того уваженія, которое въ послѣднее время развилось къ искусству, такъ мною любимому. Если не ошибаюсь, съ самаго основанія русскаго театра, едва ли я не первый почтенъ такимъ торжествомъ. Искренно сознавая, что неполнѣ заслуживаю чести, которую вы мнѣ оказываете, могу только сказать, положивъ руку на сердце, что въ продолженіе всей моей пятидесятилѣтней дѣятельности, я любилъ искусство, и честно, добросовѣстно выполнилъ по моему крайнему разумѣнію, все, чего оно требуетъ отъ артиста. Вотъ вся моя заслуга. Но эту любовь, эту добросовѣстность развивали и поддерживали во мнѣ вы же сами, милостивые государи. Многіе изъ присутствующихъ здѣсь были моими двигателями на сценическомъ поприщѣ, а многихъ и нѣтъ—нѣтъ и дорогаго нашего Грановскаго. Простите господа, мнѣ старику, что я омрачаю свѣтлую радость этого торжества воспоминаніемъ о столь недавней и столь горестной утратѣ не только для меня, но и для всѣхъ. Бесѣды съ Грановскимъ поднимали меня нравственно, укрѣпляли во мнѣ постоянно упорную и неутомимую любовь къ труду и искусству. И такъ онъ желалъ, чтобы я дожилъ до этого дня! Сегодняшній день, милостивые государи, имѣетъ для меня великое значеніе. Да послужить онъ моимъ собратамъ и товарищамъ по искусству, блестящимъ свидѣтельствомъ того, какъ почтенъ честный и добросовѣстный трудъ, какъ признаетъ и уважаетъ общество истинную любовь къ искусству. Что же касается до меня лично, то чувствъ, которыя волнуютъ меня всего, что у меня дѣлается на душѣ, я не въ силахъ выразить словами. Скажу только, что истинная и глубокая признательность, которую я питаю къ вамъ, милостивые государи, сохранится въ душѣ моей до послѣдняго дня моей жизни; что оно оставитъ меня развѣ только съ послѣднимъ вздохомъ, который вылетитъ изъ моей старой груди!

Привѣтствіямъ, поздравленіямъ, пожеланіямъ не было конца. Послѣ начались тосты въ честь петербургскихъ и московскихъ артистовъ. По окончаніи обѣда, когда всѣ гости собрались въ среднюю залу, Щепкину поднесены были приготовленные подарки: серебряный вызолоченный ковшъ отъ имени славянофиловъ, бокаль—отъ европейцевъ, поднось, золотое кольцо съ вырѣзаннымъ числомъ—26-го ноября—на память о праздникѣ, отъ тѣхъ и другихъ вмѣстѣ—сочиненія Пушкина и Гоголя въ богатомъ переплетѣ, и альбомъ съ портретами знаменитѣйшихъ актеровъ русскихъ и иностранныхъ. Графиня А. А. Нессельроде прислала въ даръ Щепкину, при письмѣ на имя М. П. Погодина, богатый кубокъ съ вырѣзанными на краяхъ именами всѣхъ пьесъ, въ которыхъ онъ особенно отличался. Грнула музыка, начались танцы и продолжались до поздней ночи. Вдругъ является между танцующими Щепкинъ въ колпакѣ и шлафроктѣ, ступаетъ едва движущимися ногами, держа въ рукѣ тетрадь съ ролью, которую завтра долженъ былъ играть... Новые поцѣлуи и поздравленія и старикъ еще молодѣетъ. Шампанское льется. Далеко за полночь разѣхались гости.

Такъ московскіе друзья искусства засвидѣтельствовали знаменитому русскому актеру свое уваженіе и благодарность за доставляемое имъ публикѣ въпродолженіе пятидесяти лѣтъ благородное удовольствіе и почтили постоянную, горячую его преданность своему дѣлу.

15-го апрѣля 1860 г. послѣдовало предписаніе бывшаго директора Императорскихъ театровъ Сабурова, о томъ, чтобы Щепкину, вмѣсто получаемой имъ перспективной платы, за участіе въ представленіяхъ, производить, не въ примѣръ другимъ, по двѣ тысячи серебромъ въ годъ, начавъ выдачу ихъ съ 1-го апрѣля 1860 г. Распоряженіе это было вызвано собственнымъ желаніемъ Щепкина, который, можетъ быть уже видѣлъ, что его за старостью лѣтъ и по причинѣ большой перспективной платы имъ получаемой, начинали обгѣгать въ текущемъ репертуарѣ. Въ 1862 г. Щепкинъ просилъ о выдачѣ ему, вмѣсто бенефиса, 1000 р. что и было исполнено.

Въ апрѣлѣ 1863 г. государь разрѣшилъ уволить Щепкина въ отпускъ на лѣто 1863 г. въ Крымъ на время, необходимое для пользованія отъ болѣзни, съ сохраненіемъ получаемого имъ содержанія. Вмѣстѣ съ тѣмъ Его Величеству благоугодно было пожаловать ему въ пособіе, на лѣченіе и путевыя издержки пятьсотъ рублей серебромъ.

Михаиль Семеновичъ, какъ извѣстно, изъ этой поѣздки не вернулся. Великій русскій актеръ скончался 11-го августа 1863 г. По ходатайству дирекціи Императорскихъ театровъ, Государь повелѣлъ: въ уваженіе заслугъ покойнаго актера Щепкина и во вниманіе къ болѣзненному состоянію дочери его Вѣры, производить ей, до вступленія въ бракъ, тотъ самый пенсіонъ, который слѣдовалъ бы ей, если бы она была несовершеннолѣтняя, т. е. по двѣсти восьмидесяти пяти рубл. 70 коп. сер. въ годъ изъ Кабинета Его Величества.

